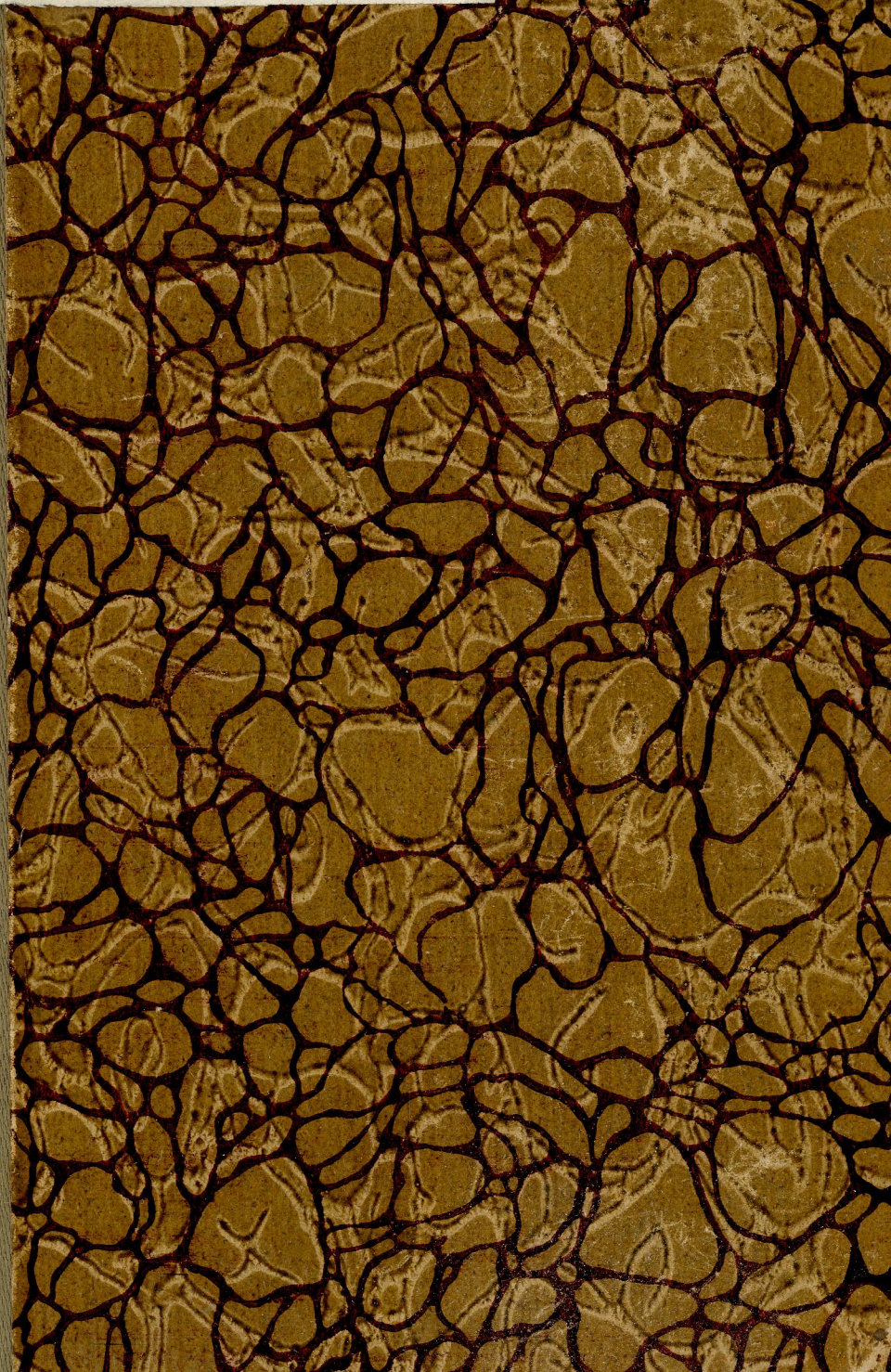

III
HC-15024
1915-8/9

X XIV ✓

cd 3

am

1938/5290

III

215.024

1515-8/9

04

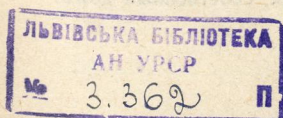
Украинская Жизнь

Ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал.

№ 8—9.

Годъ изданія четвертый.

Москва.—1915 г.

МОСКВА.

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Путинковскій пер., собственный домъ.

1915.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.

Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Докладная записка о задачахъ внутренней политики въ отношеніи къ украинскому населенію . . .	5
II. Докладная записка Министру Народнаго Просвѣщеніе объ украинской школѣ	13
III. Дни нашей жизни <i>О. Липовецкаго</i>	35
IV. Непотухшій огонь <i>В. Винниченка</i>	46
V. Есть ли украинская жизнь? <i>А. А. Русова</i>	53
VI. Въ гостяхъ у галицкаго заложника <i>І. Луценка</i>	55
VII. Православіе въ Буковинѣ. <i>О. Бълоусенка</i>	60
VIII. Самостоятельная Галичина (историческій очеркъ). <i>И. М. Хоткевича</i>	68
IX. Н. Маклаковъ, какъ губернаторъ, въ борьбѣ съ украинствомъ. <i>Б. Подольскаго</i>	84
X. Разказы Т. Бордуляка. <i>Л. Бурчака</i>	89
XI. Ѳеодоръ Салтыковъ, современникъ Петра I о политикѣ Россіи по отношенію къ Малороссіи. <i>В. И. Пичеты</i>	101
XII. Изъ русскихъ газетъ. I. Епископъ Никонъ о „воронахъ Галиціи“ II. Петроградскій „День“ о галиційской демагогіи. III. Проф. Н. Сумцовъ о возстановленіи украинской прессы.	105
XIII. Организація помощи украинскому населенію, пострадавшему отъ военныхъ дѣйствій	113
XIV. У истоковъ славянства. <i>П. С.</i>	117
XV. На Украинѣ и внѣ ея. Украинская депутація въ Петроградѣ.—Укр. требованія въ программѣ парламентскаго блока.—Украинскіе моменты въ Государственной думѣ.—Заложники.—Бѣженцы и выселенцы изъ Галичины.—Галичина послѣ битвъ—Въ Галичинѣ,—Украинскій театръ въ Кіевѣ (отъ нашего корреспондента).	123
XVI. Библіографія. I. Лысогорскій. Галицкая Русь. <i>Н. М. В. Винниченко</i> . Біля машини—Федько халамидникъ. II. <i>Бурчака</i>	145
XVII. Литературная лѣтопись	153
XVIII. Объявленія.	

Докладная записка о задачахъ внутренней политики въ отношеніи къ украинскому населенію.

Переживаемыя Россіей событія въ числѣ другихъ не-устройствъ русской государственной жизни видвинули на видное мѣсто украинскій вопросъ. Связанный съ интересами многихъ милліоновъ крестьянскихъ массъ, вопросъ этотъ имѣетъ огромную важность въ общемъ процессѣ развитія страны, ибо отъ того или иного отношенія руководящихъ сферъ къ нуждамъ украинскаго населенія зависитъ ускореніе или задержка культурнаго и экономическаго подъема русскаго юга.

Историческія и бытовыя условія, подъ вліяніемъ которыхъ существовала въ теченіе многихъ столѣтій малорусская или украинская народность, привели ее къ глубокому сознанію своей національной особенности, которая выразилась въ литературномъ движеніи, начавшемся съ конца XVIII в., и въ культурной общественной работѣ украинцевъ на національной почвѣ и въ національных формахъ. Къ сожалѣнію, внутренняя политика правительства лишь въ рѣдкихъ отдѣльных случаяхъ поднималась до высоты спокойной, объективной оцѣнки украинскаго національнаго движенія, какъ явленія естественнаго, имѣющаго свои корни въ исторіи и въ бытовыхъ особенностяхъ малорусскаго населенія. По большей же части правительство руководилось въ этомъ вопросѣ предубѣжденіями и необоснованными подозрѣніями, нерѣдко внушенными извнѣ, но находившими благодарную почву въ общей позиціи правительства по отношенію къ національнымъ вопросамъ. Преобладаніе во внутренней политикѣ узко-націоналистической точки зрѣнія привело къ тому, что задачи народнаго просвѣщенія и общей культуры разрѣшались органами власти не столько въ интересахъ русскаго народа въ его цѣломъ, сколько въ ин-

тересахъ его великорусской вѣтви. Результаты такая политика, однако, дала только отрицательные.

Въ теченіе минувшаго столѣтія, главнымъ образомъ во второй его половинѣ, украинское движеніе подвергалось суровымъ преслѣдованіямъ. Литература на украинскомъ языкѣ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ была путемъ цензурныхъ распоряженій почти уничтожена; употребленіе этого языка въ народной школѣ считалось тяжкимъ преступленіемъ; сценическія представленія на украинскомъ языкѣ также долго были подѣ запретомъ; объ изданіи для народа газетъ и журналовъ на его родномъ языкѣ украинская интеллигенція только мечтала, встрѣчая самый суровый отпоръ всѣмъ попыткамъ въ этомъ направленіи. Столь же суровое отрицательное отношеніе вызывали стремленія украинскаго общества поднять уровень народнаго образованія путемъ обученія на родномъ языкѣ учащихся. Многочисленныя ходатайства въ этомъ смыслѣ южныхъ земствъ, комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, городскихъ управленій оставались безуспѣшными. Около украинскаго вопроса, такимъ образомъ, образовалась атмосфера административныхъ стѣсненій, подозрѣній и преслѣдованій, которая сильно затормозила правильный ходъ общественной жизни въ украинскихъ губерніяхъ, закрыла дорогу естественному развитію украинской литературы и оставила народныя массы края на жертву нераціональной школѣ, не приспособленной къ ихъ быту и потребностямъ. Однимъ изъ вредныхъ послѣдствій такой политики было отвлеченіе украинской интеллигенціи къ литературѣ и прессѣ сосѣдней Галиціи, гдѣ украинскій языкъ пользовался всѣми правами и служилъ органомъ общественной и политической жизни населенія отъ низовъ до высшихъ слоевъ интеллигенціи. Для Галиціи участіе русскихъ украинцевъ въ научной и литературной работѣ было весьма благоприятнымъ явленіемъ, но русская Украина въ то же время лишалась извѣстной части интеллигентныхъ силъ и все болѣе отставала въ культурномъ и экономическомъ отношеніи.

Переломъ въ правительственной политикѣ наступилъ въ 1905 г., вмѣстѣ съ общимъ ея поворотомъ въ сторону свободы совѣсти и слова. Къ этому времени въ средѣ высшаго правительства уже установился взглядъ, что цензурныя стѣсненія въ области украинской литературы, „значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго насе-

ленія полезныхъ свѣдѣній путемъ созданія на понятномъ для крестьянъ нарѣчій книгъ, препятствуютъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго его уровня“ (пост. комит. министровъ 28—31 декабря 1904 г.). Къ подобному же заключенію пришла высшая власть по отношенію къ религіозной жизни украинскаго крестьянства, также испытывавшей стѣсненія отъ цензурнаго запрета духовно-религіозной литературы на украинскомъ языкѣ. Въ результатъ Высочайшимъ повелѣніемъ 25 февраля 1905 г. было санкціонировано изданіе украинскаго перевода четвероевангелія, а въ концѣ того же года окончательно отпали всѣ цензурныя стѣсненія, лежащія на украинской письменности, и съ того времени безвозбранно, на общемъ основаніи, стали выходить украинскіе газеты, журналы, популярныя изданія и даже научныя произведенія.

Такою свободою украинская литература однако пользовалась весьма недолго. Съ 1907 года во внутренней политикѣ правительства значительно усилились націоналистическія стремленія, и въ связи съ этимъ украинское движеніе вновь сдѣлалось объектомъ ограничительныхъ мѣропріятій. Одно за другимъ подъ давленіемъ администраціи закрывались украинскія общественныя учрежденія, вновь стала подвергаться цензурнымъ утѣсненіямъ литература и особенно пресса, противъ распространенія которой принимались совершенно необычныя мѣры, вродѣ полицейскаго надзора за подписчиками. Ни къ какимъ другимъ національнымъ движеніямъ въ предѣлахъ Россіи подобныя мѣропріятія не примѣнялись. Единственнымъ исключеніемъ было украинское движеніе, по отношенію къ которому исходною точкою ограничительныхъ мѣропріятій былъ ничѣмъ необоснованный страхъ передъ призракомъ политическаго сепаратизма на Украинѣ, особенно усилившійся въ послѣдніе годы въ связи съ успѣхами украинской культуры въ Галиціи.

Сколько-нибудь объективный и непредубѣжденный исследователь не могъ бы, однако, найти въ украинскихъ стремленіяхъ никакихъ серьезныхъ признаковъ подобной опасности. Идеологія украинскаго движенія не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго общерусскому единству, русской культурѣ и русской государственности. Украинцы сознаютъ племенные и культурныя связи, соединяющія ихъ съ великою Россією, въ судьбахъ и государственномъ строи-

тельствѣ которой они сами уже третье столѣтіе принимаютъ активное участіе. Если бы на томъ же принципѣ общности и единства строилась внутренняя политика Россіи, не было бы почвы для антагонизма между властью и украинскимъ населеніемъ. Но, къ великому вреду для нормальной государственной и общественной жизни, въ основѣ officialнаго отношенія къ украинцамъ, какъ было указано выше, преимущественно лежало стремленіе облечь русское единство въ великорусскія формы; отсюда и возникло со стороны украинцевъ естественное противопоставленіе officialному великорусскому націонализму собственнаго національнаго самосознанія, опирающагося на самобытности малорусской исторіи и особенностяхъ малорусской культуры.

Что касается Галиціи, то, дѣйствительно, украинская интеллигенція издавна съ интересомъ и глубокимъ сочувствіемъ наблюдала ходъ національнаго возрожденія австрійскихъ русиновъ, которые на почвѣ общегосударственныхъ конституціонныхъ свободъ достигли высокаго уровня развитія въ сферѣ національной школы, науки, литературы, приобрѣли значительное политическое вліяніе въ своей странѣ и укрѣпили экономическое положеніе своего народа путемъ широкой организаціи кооперативовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря росту національнаго самосознанія, отстаивали свою народность отъ поглощенія болѣе сильными въ культурномъ и политическомъ смыслѣ національностями—польскою и нѣмецкою. Но при всѣхъ симпатіяхъ къ галицкимъ единоплеменникамъ и ихъ энергичной борьбѣ за свои національныя права украинскіе общественные дѣятели никогда не питали никакихъ сепаратистическихъ стремленій, считая, что при улучшеніи государственнаго строя и общественныхъ условій въ Россіи всѣ культурныя задачи украинскаго національнаго движенія вполне осуществимы въ ея предѣлахъ.

Къ прискорбію, условія для общественной работы постепенно ухудшались, а въ связи съ этимъ и украинское движеніе навлекало на себя все болѣе суровыя мѣры воздѣйствія. При такихъ условіяхъ Галиція съ ея свободою національной жизни стала казаться нашимъ правительственнымъ крутамъ очагомъ иноземной политической интриги противъ русскаго національнаго единства, которой приписывалось и самое происхожденіе украинскаго движенія. Враги этого движенія не считались при этомъ даже съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что оно зародилось на русской Украинѣ

и отсюда уже перешло въ Галицію, которая сдѣлалась затѣмъ средоточіемъ украинской культуры только въ силу внѣшнихъ препятствій, поставленныхъ ея развитію въ Россіи. Вопросъ внутренней русской политики перешелъ, такимъ образомъ, въ плоскость международныхъ отношеній, и въ этой именно плоскости съ началомъ текущей войны ярко выразилась вся ошибочность такой политики.

При оккупациі восточной Галиціи русскими войсками, представители русской власти впервые столкнулись съ украинской національной культурой въ реальныхъ формахъ широкой политической и общественной жизни, но, въ силу перенесенныхъ въ Галицію традицій внутренней русской политики, эта культура обречена была на полное уничтоженіе: были прекращены всѣ періодическія изданія на украинскомъ языкѣ (около 50), закрыты украинскія типографіи, книжные магазины, библіотеки, музеи и другія учрежденія, не исключая чисто экономическихъ; закрыты учебныя заведенія—отъ высшихъ до низшихъ; подвергалось гоненію публичное употребленіе украинскаго языка, наконецъ, примѣнены были репрессіи противъ населенія, недоумѣвавшего предъ грубымъ нарушеніемъ исконнаго уклада мѣстной жизни: тысячи галичанъ, виновныхъ лишь въ томъ, что они сознавали себя въ національномъ смыслѣ украинцами, были высланы во внутреннія губерніи Россіи и въ Сибирь. Если до войны русинская интеллигенція естественно осуждала русскую политику въ украинскомъ вопросѣ, то теперь, испытавъ на себѣ разнообразныя обрусительныя приемы, все галицко-русское населеніе прониклось самымъ отрицательнымъ отношеніемъ къ новому режиму и его представителямъ.

Въ то же самое время были доведены до крайняго предѣла преслѣдованія противъ всего украинскаго и въ Россіи. Несмотря на то, что украинская пресса съ первыхъ дней войны присоединилась къ общему хору патріотическихъ заявленій, призывая населеніе края къ борьбѣ съ вражескимъ нашествіемъ, главныя періодическія изданія на украинскомъ языкѣ распоряженіями властей были закрыты на все время военного положенія, а вслѣдъ за тѣмъ были отмѣнены разрѣшенія на остальные украинскія изданія, въ общемъ итогѣ въ Кіевѣ и Полтавѣ закрыто 11 изданій: ежедневная газета „Рада“, еженедѣльникъ для народа „Маяк“, ежемѣсячный журналъ „Літературно-Науковий Вістник“.

педагогическій журналъ „Світло“, научный журналъ „Записки Науковаго Товариства“, сельскохозяйственный еженедѣльникъ „Рілля“ и др. Послѣдовавшія попытки украинскихъ журналистовъ возобновить украинскую прессу не имѣли успѣха: въ однихъ мѣстахъ (какъ, напр., въ Харьковѣ) администрація вовсе не выдавала безъ всякихъ къ тому основанийъ разрѣшеній на украинскія изданія; въ другихъ выходившія изданія прекращались внѣшнею силою, безъ объясненія причинъ, на первомъ же номерѣ (еженедѣльники „Згода“ въ Кіевѣ и „Тепла Роса“ въ Москвѣ); въ третьихъ, разрѣшенныя изданія не могли появиться въ свѣтъ благодаря крайне стѣснительнымъ или и совсѣмъ невыполнимымъ условіямъ, поставленнымъ со стороны цензуры (напримѣръ, требованіе одесскаго цензора представлять каждую рукопись въ трехъ экземплярахъ). Въ довершеніе всего, кievская цензура сочла умѣстнымъ и своевременнымъ предъявить къ украинскимъ издателямъ совершенно произвольное требованіе—о соблюденіи правилъ русской орфографіи,—требованіе, вообще неосуществимое и звучащее прямымъ издѣвательствомъ. Такимъ образомъ, простыми административными распоряженіями украинская пресса въ Россіи была совершенно уничтожена и притомъ не за свое направленіе, не за содержаніе своихъ статей, а, очевидно, только за примѣненіе украинскаго языка.

Этимъ не ограничились противоукраинскія репрессіи военного времени: участились случаи цензурнаго запрещенія произведеній, до войны свободно печатавшихся въ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльныхъ книгахъ; слова „Украйна“, и „украинскій“ подверглись спеціальному преслѣдованію со стороны цензуры; были случаи запрещенія украинскихъ вывѣсокъ (въ Полтавѣ), театральныхъ афишъ (въ Кіевѣ) и даже народныхъ узоровъ; подъ давленіемъ администраціи обрекаются на бездѣйствіе или вовсе закрываются общественныя учрежденія („Просвіта“ въ Каменецъ-Подольскѣ), наконецъ, принимаются суровыя мѣры и противъ украинскихъ общественныхъ дѣятелей: извѣстный ученый проф. Грушевскій былъ арестованъ и послѣ трехмѣсячнаго заключенія высланъ въ Симбирскъ, хотя произведенное кievскими властями разслѣдованіе не обнаружило никакихъ данныхъ къ преслѣдованію этого почтеннаго дѣятеля, автора многотомныхъ ученыхъ трудовъ и талантливаго организатора научной работы среди галицко-русской интеллигенціи.

Повидимому, исключительныя условія военного времени дали руководителямъ нашей внутренней политики благодарную почву для мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью путемъ охвата украинскаго движенія съ двухъ сторонъ—въ Россіи и въ Галиціи—сразу искоренить всѣ результаты культурной работы украинцевъ и всѣ способы возобновленія ея въ будущемъ. Цѣль эта достигнута не была и едва ли, конечно, была бы достигнута даже при иномъ ходѣ событій, такъ какъ политика національныхъ репрессій обыкновенно меньше вредитъ народностямъ, противъ которыхъ она направляется, чѣмъ государству, во имя интересовъ котораго она ведется.

Страшная и еще не закончившаяся гроза военныхъ неудачъ указала на органическіе дефекты нашего строя и традиціонной внутренней политики, основанной на подавленіи общественныхъ силъ. Послѣ войны предъ государствомъ и обществомъ во весь ростъ встанетъ огромный и сложный вопросъ о средствахъ исцѣленія нанесенныхъ народному организму ранъ, о возможно быстромъ темпѣ культурной и экономической работы, о возстановленіи истощенныхъ войной матеріальныхъ ресурсовъ страны. Безъ самаго крайняго напряженія всѣхъ силъ русскаго общества, безъ возбужденія самодѣятельности и энергіи народа эти цѣли окажутся недостижимыми. По отношенію къ многомилліонному украинскому народу для разрѣшенія этихъ задачъ нѣтъ иного пути, какъ отказаться отъ вражды къ украинскому національному движенію, въ основѣ котораго лежитъ именно стремленіе къ подъему внутренней энергіи украинскаго народа. Безъ этого странѣ надолго угрожаетъ культурный упадокъ, обусловленный дезорганизаціей общественныхъ силъ, гибелью культурныхъ цѣнностей и новымъ обостреніемъ отношеній между правительственными крутами и общественными элементами русскаго юга.

Настоящій критическій для Россіи моментъ указываетъ на необходимость при общей переоцѣнкѣ основъ внѣшней политики подвергнуть пересмотру и установившееся въ официальныхъ сферахъ отношеніе къ украинскому вопросу. Необходимо прекратить травлю и преслѣдованіе гражданъ общаго отечества лишь за то, что они дорожатъ своимъ роднымъ языкомъ, цѣнятъ его культурное значеніе и стремятся къ работѣ на благо, просвѣщеніе и благосостояніе родного народа. Если дѣйствительно признана важность переживае-

мыхъ событій и необходимость полнаго единенія между правительствомъ и обществомъ для разрѣшенія великаго кризиса, то необходимо прекратить политику, вносящую въ русскую жизнь элементъ вражды и раздора, совершенно недопустимый въ настоящее тяжелое время, но въ равной мѣрѣ нежелательный и въ будущіе дни нормальнаго порядка.

Первымъ шагомъ къ установленію нормальныхъ отношеній на Украинѣ, по глубокому убѣжденію мѣстныхъ культурныхъ работниковъ, явились бы слѣдующія мѣры:

1. Отмѣна специальныхъ ограниченій, созданныхъ какъ до войны, такъ и во время послѣдней по отношенію къ украинской прессѣ и литературѣ, а также къ разнообразнымъ общественнымъ учрежденіямъ съ украинскимъ національнымъ характеромъ.

2. Реорганизация школы въ украинскихъ губерніяхъ въ смыслѣ примѣненія въ ней родного населенія украинскаго языка, какъ лучшаго орудія просвѣщенія.

3. Возвратъ къ общественной работѣ всѣхъ оторванныхъ отъ родного края украинскихъ дѣятелей, включая и подвергшихся высылкѣ галицкихъ украинцевъ.

Въ дальнѣйшемъ же необходимо полное отрѣшеніе руководящихъ круговъ отъ устарѣлыхъ предубѣжденій противъ свободнаго развитія украинской культуры и предоставленіе украинскому обществу въ рамкахъ общегосударственнаго уклада возможности работать на пользу своей народности соотвѣтственно ея духу и въ ея національных формахъ.

Украинская интеллигенція глубоко убѣждена, что только осуществленіе перечисленныхъ мѣръ откроетъ для украинскаго населенія широкую дорогу къ культурному развитію и преуспѣванію наравнѣ съ другими народностями и что лишь этимъ путемъ могутъ быть въ равной мѣрѣ удовлетворены какъ насущнѣйшія потребности русскаго юга, такъ и общегосударственные интересы всей великой Россіи *).

*) Слѣдуютъ подписи представителей украинскихъ газетъ и журналовъ. Р е д.

Докладная записка министру народнаго просвѣщенія объ украинской школѣ.

Изъ сообщеній повременной печати русское общество освѣдомилось о предпринятой министерствомъ народнаго просвѣщенія реформѣ народнаго образованія, на первой очереди въ области начальной школы, которую предположено поставить въ условія, соотвѣтствующія требованіямъ раціональной педагогики. Насколько можно судить, въ основу школьнаго проекта положены начала, вполне отвѣчающія задачамъ просвѣщенія и интересамъ народныхъ массъ: „Школа,—говорится въ опубликованныхъ мотивахъ проекта,—должна вызывать любознательность учащихся и дать возможность развиться ихъ умственнымъ способностямъ“, ибо „лишь въ такой школѣ могутъ проявиться дарованія крестьянскихъ дѣтей“. Въ дополненіе къ школьной организаціи проектомъ намѣчается сѣть повторительныхъ курсовъ для взрослыхъ, устройство общедоступныхъ чтеній и другія вспомогательныя средства, въ которыхъ проектъ справедливо видитъ путь къ закрѣпленію пріобрѣтенныхъ въ школѣ знаній и къ предотвращенію рецидива безграмотности.

Повидимому, министерствомъ обращено должное вниманіе и на ту сторону дѣла, которую слѣдуетъ считать особенно важною въ вопросѣ о раціональной постановкѣ начальнаго обученія,—именно на огромное значеніе преподаванія на родномъ языкѣ учащихся. Совѣщаніе попечителей учебныхъ округовъ, по газетнымъ сообщеніямъ, пришло къ рѣшенію допустить въ мѣстностяхъ съ иноязычнымъ населеніемъ родной языкъ учащихся въ качествѣ языка преподаванія въ начальной школѣ,—въ какихъ, однако, размѣрахъ, еще не ясно. Неизвѣстно также, какія именно народности имѣетъ въ виду министерство въ своемъ благомъ

стремленіи улучшить условія начальнаго образованія путемъ допущенія въ школу мѣстныхъ нарѣчій. Съ особенно напряженнымъ вниманіемъ прислушивается къ мнѣніямъ и рѣшеніямъ министерства населеніе юга Россіи, принадлежащее къ малороссійской народности. Въ интересахъ этого населенія, не менѣе нуждающагося въ раціональной постановкѣ начальнаго образованія, чѣмъ народныя массы коренныхъ великорусскихъ губерній и инородческихъ окраинъ, нижеподписавшіеся берутъ на себя смѣлость обратить вниманіе вашего сіятельства на нижеслѣдующія соображенія объ основной, жгучей потребности народной школы малорусскихъ губерній.

Принципіальная сторона вопроса о материнскомъ языкѣ въ народной школѣ не требуетъ, конечно, подробныхъ поясненій, ибо министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ въ своемъ распоряженіи свѣдѣнія, касающіяся исторіи и практики этого вопроса въ западно-европейскихъ государствахъ и въ Россіи. Что школа, не пользующаяся роднымъ языкомъ учащихся, лишаетъ себя кратчайшаго и легчайшаго пути къ ихъ просвѣщенію и умственному развитію, можно считать педагогической аксіомой. Крупные авторитеты западно-европейской педагогики и дѣятели-практики въ начальной школѣ наиболѣе культурныхъ государствъ сошлись въ своихъ мнѣніяхъ объ этомъ предметѣ, считая мѣстныя нарѣчія драгоцѣннымъ средствомъ общаго образованія и въ то же время, незамѣнимымъ пособіемъ для изученія государственнаго языка. „Кто согласенъ, — говоритъ Дистервегъ, — съ тѣмъ, что степень развитія, на которой стоитъ учащійся, должна быть непременно исходною точкою для всего послѣдующаго обученія, тотъ не можетъ спорить противъ того, что учитель долженъ обращать вниманіе на языкъ, которымъ объясняются ученики при вступленіи въ школу. Новое должно быть объясняемо посредствомъ стараго, неизвѣстное посредствомъ извѣстнаго. Другой дороги нѣтъ, другіе способы невозможны“. Проф. Бреаль, касаясь господствовавшаго въ его время во французскихъ школахъ пренебреженія къ родному языку учащихся, рѣзко упрекалъ неумѣренныхъ централистовъ-преподавателей, смотрѣвшихъ на *patois*, какъ на противника, котораго нужно уничтожить: „ничего нѣтъ прискорбнѣе такого отношенія къ діалектамъ... Ваша культура часто безъ корней и глубины, потому что вы не признавали силы мѣстныхъ связей. Нужно, чтобы

школа была прикрѣплена къ почвѣ, а не только сверху наложена на нее... Patois не только не вредить изученію французскаго языка, напротивъ, оно—лучшее вспомогательное для него средство, и совсѣмъ не трудно доказать, что тамъ, гдѣ существуетъ patois, грамматическое преподаваніе, какъ бы неумѣло за него ни взялись, тотчасъ же дѣлается занимательнѣе“. Проф. Потенія, говоря о томъ, какія трудности приходится преодолевать неокрѣпшему дѣтскому уму при обученіи на языкѣ не материнскомъ, такъ опредѣляетъ результаты прохожденія школы, не пользующейся роднымъ языкомъ дѣтей“. „Очевидно, что воспитанники такой школы, при равенствѣ прочихъ условій, будутъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже тѣхъ, которымъ при поступленіи въ нее нужно было не забывать, а лишь учиться, прилагая школьныя крохи къ огромному дошкольному запасу мысли“.

Важное значеніе материнскаго языка въ начальной школѣ теоретически, быть можетъ, вполнѣ признавалось министерствомъ народнаго просвѣщенія, но на практикѣ этотъ взглядъ не находилъ примѣненія въ просвѣтительной организаціи народной школы, которая не считалась съ этнографическимъ составомъ населенія. Въ частности, въ отношеніи малорусскаго языка въ учебномъ вѣдомствѣ всегда господствовало глубокое предубѣжденіе, котораго не могли побѣдить ни доводы западно-европейскихъ ученыхъ, ни живые образцы раціональной школы на Западѣ, ни авторитетные голоса русскихъ педагоговъ, ни, наконецъ, многочисленные ходатайства малороссійскаго образованнаго общества, настойчиво указывавшія на эту вопіющую нужду начальной школы южныхъ губерній. Въ этомъ единственномъ случаѣ всѣ доказательства педагогическаго характера, всѣ соображенія, исходившія отъ духовныхъ интересовъ малорусской народности и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ идеи государственнаго блага, разбивались о директивы внутренней политики правительства, переносившія этотъ огромной важности вопросъ въ совершенно иную плоскость сужденія, въ которой задачи просвѣщенія и культуры отходили на самый отдаленный планъ.

Въ основѣ этой политики лежала традиціонная идеологія единства русскаго племени, которая въ административномъ истолкованіи принимала самыя крайнія формы и осуществлялась въ практическихъ мѣропріятіяхъ съ большою и суровою прямолинейностью. Движеніе въ пользу малорус-

скаго языка въ начальной школѣ представлялось въ свѣтѣ объединительной идеи однимъ изъ опасныхъ проявленій украинскаго сепаратизма и уже потому было обречено на рѣшительный неуспѣхъ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія. Къ указаніямъ на значительныя трудности, встрѣчаемыя дѣтьми малорусскаго крестьянства при обученіи на русскомъ языкѣ, вѣдомство относилось безъ всякаго довѣрія, считая эти трудности преувеличенными и не видя въ нихъ достаточной причины для отказа отъ дѣйствующей школьной системы. Пусть даже эти трудности вполнѣ реальны, все-же, по установившемуся взгляду, педагогическая точка зрѣнія должна подчиняться государственнымъ соображеніямъ, ибо интересы государства и государственнаго языка являются достаточнымъ оправданіемъ какъ ущерба, наносимаго отдѣльной части населенія, такъ и отступленія отъ основного принципа педагогіи. Мы остановимся болѣе подробно на каждомъ изъ перечисленныхъ доводовъ, которыми обычно доказывается правильность позиціи, занимаемой министерствомъ народнаго просвѣщенія въ отношеніи малорусской народной школы.

Здѣсь, конечно, не мѣсто выступать съ изложеніемъ и апологією политическихъ и національных стремленій украинской интеллигенціи.

Нельзя, однако, не отмѣтить, что объективный изслѣдователь не найдетъ въ этихъ стремленіяхъ никакихъ признаковъ сепаратизма по отношенію къ русскому племени, русской культурѣ, русской государственности. Мы, украинцы, сознаемъ свою тѣсную связь съ русской культурой и сами уже третье столѣтіе участвуемъ въ судьбахъ и строительствѣ русскаго государства. Источникомъ извѣстнаго взаимнаго отчужденія въ отношеніяхъ между русскими племенами является, къ великому ущербу для нормальной государственной и общественной жизни, внутренняя политика, построенная на идеѣ не великаго русскаго, но великорусскаго націонализма. Съ тѣхъ поръ, какъ въ управленіи малороссійскимъ краемъ проявилась тенденція облечь русское единство въ великорусскія формы, малорусская народность вынуждена была противопоставить официальному великорусскому націонализму собственное національное самосознаніе, опирающееся на самобытность малорусской исторіи и особенности малорусской культуры. Отсюда и проистекли всѣ послѣдующія печальныя и вредныя для русскаго

дѣла недоразумѣнія, которыхъ такъ легко было бы избѣжать въ прошломъ, если бы внутренняя политика нашихъ правящихъ круговъ отнеслась къ общественной работѣ малорусскихъ народниковъ какъ къ положительному, культурному фактору государственной жизни, какимъ она является на самомъ дѣлѣ, а не какъ къ враждебному, противогосударственному явленію. Другого средства нельзя предложить и въ настоящее время для устраненія въ средѣ малорусской народности тѣхъ настроеній, которыя неправильно опредѣляются, какъ сепаратистическія, будучи на самомъ дѣлѣ только естественнымъ выраженіемъ протеста противъ крайней націоналистической политики правительства. Одна изъ этихъ крайностей,—и самая притомъ опасная съ точки зрѣнія народнаго и государственнаго блага,—заключалась въ перенесеніи задачъ внутренней политики въ область народнаго просвѣщенія. Признавая украинскую національную идею вредной и противорѣчащей русскимъ государственнымъ интересамъ и ведя съ нею борьбу въ видахъ якобы національнаго и государственнаго единства, власть направляла преслѣдованіе не только на проявленія опасной якобы идеи, на опредѣленную дѣятельность и на виновныхъ въ ней лицъ, но и на самый малорусскій языкъ, какъ на орудіе этой дѣятельности. Между тѣмъ, на всякомъ языкѣ—и прежде всего на государственномъ—можно проповѣдывать самыя крайнія противогосударственныя идеи; и тотъ же, якобы опасный для государства, малорусскій языкъ можетъ служить и фактически служилъ для выраженія чувствъ высокой лояльности, религіозныхъ переживаній и вообще самыхъ законопослушныхъ и благонадежныхъ настроеній. Между тѣмъ враждебное отношеніе къ малорусскому языку и полное его устраненіе изъ школьной практики повело къ весьма тяжелымъ послѣдствіямъ для народной школы русскаго юга, которая была лишена могучаго просвѣтительнаго средства—родного языка учащихся; а тѣмъ самымъ было положено серьезное препятствіе къ повышенію культурнаго уровня и матеріальнаго благосостоянія малорусскаго крестьянства. Несомнѣнно, послѣдней задачи—задержать ростъ благосостоянія народныхъ массъ—правительственная политика себѣ не ставила. Быть можетъ, вполнѣ искренно правительство считало, что въ силу родственной близости русскаго литературнаго языка къ малорусскому учащіеся народной школы малорусскихъ губерній легко вос-

принимають познанія, передаваемыя на русскомъ языкѣ, и что затрудненія, встрѣчаемыя школьниками при этой системѣ обученія, сильно преувеличены энтузіастами малорусской рѣчи. Фактъ, однако, тотъ, что мнѣнія, высказанныя по этому вопросу признанными авторитетами педагогическими и учеными, специально изслѣдовавшими работу народной школы среди малорусскаго населенія, встрѣтили со стороны вѣдомства народного просвѣщенія такъ же мало довѣрія и вниманія, какъ и заявленія, исходящія отъ заподозрѣнной украинской интеллигенціи. А между тѣмъ, въ этихъ безпристрастныхъ отзывахъ специалистовъ, труды которыхъ являются для русскихъ педагоговъ непререкаемымъ источникомъ руководящихъ указаній по вопросамъ рациональной школы, мы находимъ самое недвусмысленное осужденіе дѣйствующей системы и яркую характеристику отрицательнаго вліянія, которое оказываетъ народная школа обыкновеннаго типа на школьниковъ малорусской деревни. „Мало будетъ имѣть успѣха та школа,—говоритъ Ушинскій,—въ которую дитя переходитъ изъ дома какъ изъ рая въ адъ и изъ которой оно бѣжитъ домой какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо, непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно, близко сердцу; а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя-малороссіянина, когда оно станетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слышавши дома ни одного великорусскаго слова, начинаетъ въ школѣ съ перваго же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразованнаго малоросса при стараніи говорить по-великорусски. Такая школа съ перваго же дня, и неласково, напугиваетъ ребенка, что онъ не дома, и, безъ сомнѣнія, покажется ему букою. Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться. Иначе и быть не можетъ. Такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: что же значить она со своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтій; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ, на

народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ-третьихъ, наконецъ, такая школа бесполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже, чѣмъ ничего. Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ нарѣчій написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ... Великорусская... грамота непременно погибнетъ безъ всякаго добраго слѣда въ малорусскомъ селѣ“.

Не менѣе опредѣленно высказался другой педагогъ, Вессель, членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. По его мнѣнію, общее образованіе въ Малороссіи безъ опоры на мѣстный элементъ невозможно, ибо „не обучать народъ родному языку значить не дозволять развиваться мысли народной, всѣмъ духовнымъ силамъ народа, значить оставлять народъ въ постоянномъ младенчествѣ. Если же мы станемъ обучать народъ не его языку, а хоть самому сродному, ближайшему, то сдѣлаемъ еще хуже; мы извратимъ самостоятельное умственное развитіе народа, мы извратимъ всю духовную природу его“. Видные дѣятели русской школы, такимъ образомъ, не закрывали глазъ на нераціональную постановку школьнаго дѣла въ малороссійскихъ губерніяхъ и на тяжелыя для народа послѣдствія пренебреженія его роднымъ языкомъ.

Нельзя судить о степени понятности и доступности русскаго языка для дѣтей малороссіянъ по наблюденіямъ надъ взрослыми жителями малорусской деревни. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ людьми нерѣдко большого жизненнаго опыта, побывавшими на своемъ вѣку въ городахъ, быть можетъ, служившими въ рядахъ войскъ и житейскою практикою усвоившихъ въ извѣстной мѣрѣ великорусскую рѣчь, по крайней мѣрѣ въ основномъ, главномъ матеріалѣ, требуемомъ несложною программой бытовыхъ отношеній

простолюдина. Если словакъ, сербъ и всякій другой славянинъ можетъ пройти съ однимъ своимъ языкомъ по всей Россіи безъ особенныхъ недоразумѣній, то, конечно, тѣмъ легче понять другъ друга въ случаѣ надобности великороссу и малороссу, которыхъ языки въ историческомъ прошломъ восходятъ къ общему корню. Но все-же различіе между этими языками таково, что взаимное пониманіе въ этихъ случаяхъ будетъ лишь относительное, неполное; стоитъ прислушаться къ тому ужасающему жаргону, которымъ говорятъ въ подобныхъ случаяхъ желающіе блеснуть своею „образованностью“ простолюдины-малороссы, чтобы убѣдиться, какъ смутно и иногда превратно они представляютъ себѣ значеніе отдѣльныхъ словъ и выраженій великорусскаго языка, сквозь какой туманъ неясныхъ понятій и неопредѣленныхъ образовъ пробивались въ своихъ житейскихъ сношеніяхъ эти люди, чтобы въ концѣ-концовъ овладѣть такою сомнительною образованностью.

Но если таковы результаты работы надъ собою взрослого человѣка, въ собственномъ опытѣ находившаго опору и умѣнье справляться съ жизненными затрудненіями, то неокрѣпшій умъ ребенка совершенно безпомощенъ предъ стихійнымъ натискомъ чуждаго лексическаго матеріала и совершенно непонятныхъ оборотовъ рѣчи. Онъ не можетъ собственными силами справиться съ тою сумятицею, которую возбуждаютъ въ его представленіи слова вовсе незнакомыя, слова, знакомыя по звуку, но имѣющія совсѣмъ иное значеніе, странныя комбинаціи трудно связываемыхъ въ сознаніи понятій, возникающія изъ плохо переваренной словесной пищи. Много неяснаго и непонятнаго встрѣчаетъ въ школьной наукѣ и великорусское дитя, незнакомое съ литературною рѣчью, но тамъ на помощь приходитъ живое общеніе съ учителемъ, говорящимъ на одномъ языкѣ съ ученикомъ и объясняющимъ всѣ новыя для ученика понятія обыденными, житейскими словами. Въ малорусской школѣ ученикъ этой помощи не находитъ, ибо попытки учителя объяснить непонятное мѣсто учебника на томъ же языкѣ, на какомъ учебникъ написанъ, только усиливаютъ умственную смуту ребенка. Въ результатѣ прямая задача начальной школы—развитіе и расширеніе познаній школьника—отходитъ на второй планъ: все время и вся энергія ребенка тратится на усвоеніе русскаго языка, но и эта цѣль достигается лишь въ незначительной мѣрѣ. Въ тяжелой школьной атмосферѣ,

такъ ярко охарактеризованной Ушинскимъ, мысль ребенка бьется какъ спутанная силками птица, умъ развивается медленно и слабо, знанія, выражаемая на малопонятномъ языкѣ, усваиваются механически, со слабымъ участіемъ мышленія и безъ всякаго участія воображенія, а потому непрочны. Отсюда общеизвѣстныя и давно установленныя печальныя послѣдствія пренебреженія материнскимъ языкомъ въ украинской школѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не оцѣненны подлежащими вѣдомствами: слабое развитіе грамотности, отсутствіе интереса къ знанію, особенно сильный рецидивъ безграмотства,—словомъ, яркіе признаки глубокаго культурнаго упадка, захватывающаго всѣ стороны духовной жизни народныхъ массъ Украины. По наблюденію земскихъ дѣятелей украинскихъ губерній, окончившіе начальную школу нерѣдко черезъ 3—4 года по окончаніи совершенно забываютъ читать. По уровню грамотности украинскія губернія—этотъ край старинной высокой культуры—стоятъ значительно ниже губерній центральнаго района, а въ отдѣльныхъ случаяхъ приближаются къ темному, неразвитому населенію инородческихъ окраинъ. Вотъ нѣкоторыя цифры, иллюстрирующія успѣшность прохожденія начальной школы въ украинскихъ губерніяхъ. По даннымъ всероссійской переписи 1897 г., средній процентъ грамотности среди всего населенія Россіи составляетъ 23,3%, причемъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ процентъ этотъ повышается до 36,1%. Грамотность же украинскаго населенія не поднимается выше 16,4% (Черниговская губ.), понижаясь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ до 10,5% (Подольская губ.), до 9,4% (Волынская губ.) и даже до 6,3% (Овручскій уѣздъ). Равнымъ образомъ въ великорусскихъ губерніяхъ (по даннымъ VII вып. „Статистич. свѣдѣній по народному образованію въ Европ. Россіи“, изд. М. Н. П.) грамотные новобранцы составляютъ 31%, или свѣше $\frac{1}{5}$ всего числа принятыхъ въ военную службу изъ этихъ губерній, причемъ по отдѣльнымъ великорусскимъ губерніямъ принятые новобранцы почти поголовно грамотны (напр., по Ярославской губ. 94%), въ украинскихъ же губерніяхъ число грамотныхъ новобранцевъ—55%—лишь немногимъ болѣе половины всего числа ихъ, причемъ ни въ одной изъ этихъ послѣднихъ губерній число грамотныхъ не поднимается выше 66%, не достигая, такимъ образомъ, средней нормы грамотности новобранцевъ въ цен-

тральных великорусских губерніяхъ, но зато понижаясь по отдѣльнымъ украинскимъ губерніямъ до 46% (Подольская губернія) и даже 39% (Волынская). Причемъ слѣдуетъ не упускать изъ виду, что общій процентъ грамотныхъ новобранцевъ въ украинскихъ губерніяхъ въ значительной степени повышается благодаря наличности среди призываемыхъ извѣстнаго количества евреевъ, чеховъ и нѣмцевъ-колонистовъ, почти поголовно грамотныхъ. Къ совершенно аналогичнымъ выводамъ приходимъ при разсмотрѣніи данныхъ о количествѣ грамотныхъ новобранцевъ, имѣющихъ свидѣтельства на льготу 3-го разряда. Въ среднемъ по Россіи такихъ новобранцевъ 24,6%, причемъ эта средняя норма варьируется по отношенію къ великорусскимъ и малорусскимъ губерніямъ слѣдующимъ образомъ: въ 9 центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ она повышается, въ среднемъ, до 42,4% и, наоборотъ, въ 8 украинскихъ понижается до средней нормы въ 20,9%, т.-е. вдвое меньше.

Изъ приведенныхъ данныхъ ясно, что и послѣдній доводъ въ защиту дѣйствующей системы, а именно охрана интересовъ государственнаго языка, опровергается самою жизнью: при отстраненіи родного языка украинскаго населенія отъ начальной школы не только не улучшаются условія для усвоенія русскаго языка, но, наоборотъ, общая задержка развитія дѣтей ослабляетъ ихъ воспріимчивость къ усваиваемому матеріалу и дѣлаетъ ихъ познанія въ русскомъ языкѣ до крайней степени шаткими и недолговѣчными. Именно, въ интересахъ государственной пользы и ради широкаго распространенія государственнаго языка, народная школа въ украинскихъ губерніяхъ должна использовать родной языкъ учащихся въ качествѣ основы ихъ общаго развитія, на которой легко привьются и укоренятся въ сознаніи дѣтей всѣ преподаваемые свѣдѣнія, въ томъ числѣ и знаніе русскаго языка. Мы уже приводили выше отзывъ французскаго ученаго о крупномъ значеніи мѣстныхъ *patois* для изученія французскаго литературнаго языка. Къ тѣмъ же выводамъ пришла педагогія и въ другихъ странахъ Западной Европы, причемъ обычно государственный языкъ занимаетъ присущее ему видное мѣсто въ числѣ предметовъ преподаванія, но языкомъ преподаванія онъ становится только со старшихъ классовъ, до того же основною школьной жизни является мѣстное нарѣчіе, родной

языкъ учащихся. Въ нѣмецкой Швейцаріи, на примѣръ, преподаваніе начинается на народномъ нарѣчьи, причемъ постепенно путемъ параллельнаго сопоставленія изучается и нѣмецкій языкъ, затѣмъ учитель переходитъ къ преподаванію по-нѣмецки, но продолжаетъ пользоваться мѣстнымъ нарѣчіемъ какъ языкомъ вспомогательнымъ; при этой системѣ обученія преподаватель придаетъ такое значеніе ясности формъ мышленія ученика, что нерѣдко даже въ старшихъ классахъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обученія въ случаѣ неточности отвѣта на нѣмецкомъ языкѣ ученикъ приглашается выразить свою мысль на мѣстномъ діалектѣ. При такомъ уваженіи къ мѣстнымъ *patois* государственный языкъ не терпитъ никакого ущерба, никто не помышляетъ изгонять его изъ школы; имъ дорожатъ, какъ необходимымъ для всѣхъ орудіемъ общенія съ культурнымъ міромъ и какъ связующимъ звеномъ съ общимъ строемъ государственной жизни. Но единственнымъ путемъ къ полному и отчетливому усвоенію государственнаго языка, какъ и ко всякому иному знанію, остается родное нарѣчіе учащихся, хотя бы оно было такъ близко къ государственному языку, какъ это наблюдается въ нѣмецкой Швейцаріи.

Если государственный языкъ только выигрываетъ въ своемъ назначеніи отъ примѣненія въ народной школѣ родного языка населенія, то тѣмъ менѣе могутъ потерпѣть ущербъ интересы государства въ его цѣломъ. Наоборотъ, именно эти интересы повелительно диктуютъ необходимость всесторонняго использованія материнскаго языка въ школѣ, и оцѣнить эту необходимость государство могло уже болѣе полувѣка тому назадъ, если бы не было увлечено сторонниками крайняго націонализма на неправильный путь административныхъ экспериментовъ въ области этнографіи, филологіи и литературы...

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія правительство благожелательно смотрѣло на культурную и просвѣтительную работу малорусской интеллигенціи. Вопросъ о малорусской школѣ былъ поставленъ на практическую почву; въ селахъ учреждались частныя народныя школы съ малорусскимъ преподаваніемъ, въ городахъ широкое развитіе получили воскресныя малорусскія школы; учебная администрація того времени сама придавала огромное значеніе родному языку въ школѣ и даже въ лицѣ отдѣльных педагоговъ (Туловъ) участвовала въ разра-

боткъ вопроса о школьномъ примѣненіи украинскаго языка. Положительно разрѣшали этотъ вопросъ и цѣлыя педагогическія корпораціи кievскаго учебнаго округа, какъ, на-примѣръ, совѣты гимназій 2-й кievской, житомирской, привлеченные въ 1862 г. къ разработкѣ проекта „общаго плана устройства народныхъ училищъ“. Картина рѣзко измѣнилась въ 1863 г.,—съ крутымъ поворотомъ внутренней политики въ сферѣ національныхъ вопросовъ. Съ того времени область народной школы сдѣлалась для украинскаго языка запретною. Съ того же времени почти безъ перерыва до настоящаго момента со стороны разныхъ общественныхъ учреждений шли многочисленныя заявленія и ходатайства о введеніи украинскаго языка въ начальную школу; общественное мнѣніе въ этомъ вопросѣ, такимъ образомъ, не молчало, но его голосъ не принимался во вниманіе. Въ 1870 г. входитъ съ такимъ ходатайствомъ черниговское уѣздное земство. Въ 1881 г. вопросъ о родномъ языкѣ возбуждается на сѣздѣ народныхъ учителей въ Херсонской губерніи, по иниціативѣ котораго херсонское губернское земство посылаетъ соотвѣтствующее ходатайство. Въ 1900 г. подобныя ходатайства возбуждаются черниговскимъ губернскимъ, полтавскимъ губернскимъ, борзенскимъ уѣзднымъ земствами. Въ 1902 г. въ томъ же смыслѣ высказываются комитеты о нуждахъ сельскаго хозяйства ананьевскій, бердянскій, воронежскій, конотопскій, лохвицкій, лубенскій, новомосковскій, полтавскій, черниговскій, хотинскій, херсонскій. Въ 1903 году техническій сѣздъ въ Петроградѣ опредѣленно высказался за введеніе народнаго языка въ первоначальное преподаваніе. Въ 1905 г. полтавская городская дума ходатайствовала о допущеніи малорусскаго языка въ преподаваніе въ учреждаемой ею школѣ имени Котляревскаго. Въ томъ же году одесская городская дума возбудила общее ходатайство объ отмѣнѣ стѣсненій украинскаго слова и въ томъ числѣ о допущеніи хотя бы объясненій учителя по-украински, „если бы не оказалось возможнымъ вести въ школахъ все преподаваніе на малорусскомъ языкѣ“. Въ томъ же году совѣтъ харьковскаго университета въ своей запискѣ по вопросу о цензурныхъ ограниченіяхъ украинскаго языка высказался за введеніе въ начальныхъ школахъ края обученія малороссійскому чтенію и письму и разрѣшеніе педагогическихъ пособій на малорусскомъ языкѣ. Въ 1907 г. епархіальный сѣздъ

подольскаго духовенства возбудилъ ходатайство передъ св. синодомъ о приспособленіи обученія въ школахъ къ реальнымъ потребностямъ украинскаго народа. Неоднократно тотъ же вопросъ возбуждался петроградскимъ комитетомъ грамотности и харьковскимъ обществомъ грамотности. Въ самое послѣднее время вопросъ о необходимости украинскаго преподаванія поднимался на сѣздахъ кievскомъ кооперативномъ, кievскомъ сельскохозяйственномъ, московскомъ и петроградскомъ по народному образованію; изъ нихъ послѣдній въ своихъ резолюціяхъ особенно подробно освѣтилъ значеніе украинскаго языка въ школѣ и общественныя пожеланія въ этомъ смыслѣ.

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, что и высшія правительственныя учрежденія имѣли случай—и притомъ не такъ давно—высказаться относительно роли родного языка въ просвѣщеніи народныхъ массъ малороссійскихъ губерній. Въ 1906 г. въ университетахъ харьковскомъ, кievскомъ и одесскомъ преподавались нѣкоторыя украинскія дисциплины частью на русскомъ, частью на украинскомъ языкѣ. Св. синодъ указомъ отъ 12 октября 1907 г. разрѣшилъ въ церковныхъ школахъ Подоліи пользоваться украинскимъ языкомъ, особенно въ самомъ началѣ обученія; въ силу того же указа разрѣшалось введеніе во второклассныхъ школахъ и въ винницкой церковно-учительской школѣ преподаваніе украинскаго языка. Въ 1904 г. комитетъ министровъ при обсужденіи вопроса о цензурныхъ стѣсненіяхъ малорусскаго слова опредѣленно указалъ, что эти стѣсненія, „значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія на понятномъ для крестьянъ нарѣчій книгъ, препятствуютъ повышенію нынѣшняго культурнаго уровня“. Не касаясь непосредственно вопросовъ школы, этотъ отзывъ въ то же время вскрываетъ всю сущность идеи просвѣщенія на материнскомъ языкѣ и документально подтверждаетъ, что политика искорененія украинскаго языка исходитъ во всякомъ случаѣ не отъ интересовъ народнаго просвѣщенія и культуры.

Въ этомъ утвержденіи мы находимъ и отвѣтъ на вопросъ, полезно ли введеніе украинскаго языка въ школу интересамъ государства въ цѣломъ. Мы не противопоставляемъ интересовъ культуры интересамъ государства. Въ наше сложное время міровой экономической и культурной конкуренціи, государство, не поспѣвающее въ своемъ куль-

турномъ развитіи за другими, обречено на постепенное истощеніе своихъ жизненныхъ силъ въ пользу болѣ энергичныхъ и просвѣщенныхъ конкурентовъ. Для нашего отечества, силою историческихъ условій поставленнаго въ разрядъ отсталыхъ въ культурномъ отношеніи государствъ, тѣмъ болѣ необходимо напряженіе всѣхъ духовныхъ силъ, примѣненіе наиболѣ рациональныхъ путей и способовъ для возможно быстрого распространенія знаній въ народныхъ массахъ, для улучшенія экономическихъ условій ихъ жизни, для повышенія ихъ энергіи, работою которой обусловливается поступательное движеніе всего государства. Переживаемое Россіей тяжелое время ставитъ предъ правительствомъ и обществомъ особенно серьезныя задачи въ этомъ направленіи, ибо возмѣщеніе тяжкихъ затратъ, вызванныхъ міровою войною, и возстановленіе силъ народнаго организма потребуютъ крайняго напряженія усилій со стороны государства и народа. Особенно тяжело отразится экономическій кризисъ на украинскихъ губерніяхъ, населеніе коихъ въ силу нераціональной постановки школы и безъ того испытывало тягостное вліяніе низкаго уровня сельскохозяйственной техники и слабо развитой промышленной жизни края, всѣ природныя богатства котораго не могли удержать коренныхъ жителей отъ массоваго переселенія въ отдаленныя губерніи. Если практиковавшееся до сихъ поръ сознательное пренебреженіе въ народной украинской школѣ такимъ важнымъ просвѣтительнымъ орудіемъ, какъ родной языкъ учащихся, нельзя не признать огромною историческою ошибкою, то въ настоящій серьезный моментъ продолженіе той же политики въ школьномъ вопросѣ принесло бы государству вредъ, едва ли поправимый въ будущемъ.

Особое мѣсто въ вопросѣ объ украинской народной школѣ занимаетъ школьное дѣло въ предѣлахъ самой западной окраины съ малорусскимъ населеніемъ, которая до настоящей войны была „закордонной Русью“ и лишь теперь постепенно входитъ въ кругъ русскаго гражданскаго управленія. Организация народной школы въ восточной Галичинѣ, насколько извѣстно, поставлена правительствомъ на ближайшую очередь, и въ зависимости отъ того, въ какомъ направленіи будетъ произведена эта реформа, она можетъ либо тѣсными узами привязать населеніе новопри-

соединенной области къ Россіи, либо послужить для него на долгіе годы источникомъ тяжелыхъ разочарованій, а для государства—дать новый матеріаль къ разнаго рода осложненіямъ въ сферѣ національныхъ отношеній. По условіямъ своей исторической жизни Галичина требуетъ по отношенію къ себѣ еще большей осторожности въ мѣропріятіяхъ внутренней политики, нежели коренная Украина. Перенесеніе въ Галичину тѣхъ началъ великорусскаго націонализма, которыя лежатъ въ основѣ офіціального міровоззрѣнія у насъ, вызоветъ такую крутую ломку мѣстнаго строя національной жизни, которая отразится на культурномъ уровнѣ Галицкой Руси самымъ губительнымъ образомъ.

Для восточной Галичины и Буковины украинская школа—не проблема педагогіи, не отвлеченная теорія, не мечта, а уже достигнутый идеаль, живой и дѣйствительный фактъ, вошедшій уже въ мѣстныя бытовыя условія. Поставленная, силою обстоятельствъ подъ непосредственное воздѣйствіе чужеродныхъ культуръ—польской, нѣмецкой, румынской и венгерской,—закордонная Русь, почти лишенная интеллигенціи, находилась подъ угрозой полной денационализаціи и растворенія въ массѣ болѣе сильныхъ въ культурномъ и политическомъ смыслѣ народностей. Но въ предѣлахъ Австріи относительно благопріятныя условія политической жизни дали возможность малорусской интеллигенціи организовать интенсивную работу для культурнаго и экономическаго подъема своего народа, и благодаря тому, что эта работа велась на національной основѣ, на родномъ украинскомъ языкѣ, она не только охранила галицко-буковинскую Русь отъ денационализаціи, но укрѣпила національное самосознаніе народа, подняла общій тонъ его общественной жизни и создала въ теченіе полустолѣтія яркую, своеобразную культуру со значительнымъ расцвѣтомъ литературы, науки и искусства въ украинскихъ формахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ національное движеніе австрійской Украины положило прочныя основы духовному и экономическому освобожденію народныхъ массъ отъ чужеродной эксплуатаціи.

Въ этомъ движеніи и его успѣхахъ огромную роль сыграла прежде всего національная украинская школа, и потому галицко-буковинскіе русины, на опытѣ извѣдавъ могучую просвѣтительную силу народнаго языка, не могутъ остаться равнодушными къ такимъ реформамъ въ области народнаго образованія, которыя не сохранили бы во всей

цѣлости этой наиболѣе надежной основы просвѣщенія. Необходимо принять во вниманіе и то, что обладаніе національной школой не легко досталось галичанамъ. Полонизаторская политика восточной Галиціи и нѣмецко-румынское вліяніе въ Буковинѣ потребовали долгой и упорной борьбы малорусскаго населенія за права родного языка и за созданіе національной школы. Такъ какъ центральное правительство въ Вѣнѣ и областная польская администрація во Львовѣ неохотно шли навстрѣчу требованіямъ русинъ въ области школы, то создалось широкое народное движеніе въ пользу организаціи частныхъ украинскихъ школъ различного типа. Безпримѣрнымъ напряженіемъ энергіи, неустанною работою интеллигенціи и народныхъ массъ, немалою затратою матеріальныхъ средствъ, собранныхъ буквально изъ копеечныхъ пожертвованій, галицко-буковинская Русь добилась довольно обширной сѣти правительственныхъ народныхъ школъ съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ и значительнаго количества среднихъ украинскихъ школъ, частью казенныхъ, частью содержимыхъ на общественныя средства. Градація образовательныхъ средствъ въ близкихъ народу формахъ завершалась рядомъ украинскихъ кафедръ во львовскомъ университетѣ, развитіе которыхъ въ полный національный украинскій университетъ задерживалось только противодѣйствіемъ польскаго элемента, враждебнаго росту украинской культуры. Огромная затрата духовныхъ и матеріальныхъ силъ на созданіе національной школы сдѣлала ее неотъемлемою частью культурной жизни малорусскаго населенія Галичины и Буковины, и лишить галичанъ ихъ національнаго приобрѣтенія прежде всего значило бы уничтожить плоды многолѣтней борьбы ихъ за свои національныя права, за родной языкъ, за доступъ къ просвѣщенію.

По официальнымъ даннымъ, въ 1911 г. въ Галичинѣ числилось 2,514 начальныхъ школъ съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ и сверхъ того въ 1,042 школахъ украинскій языкъ былъ обязательнымъ предметомъ; въ украинскихъ школахъ обязательно преподавался польскій языкъ въ качествѣ государственнаго языка области. Въ Буковинѣ украинскихъ начальныхъ школъ числилось 216 съ обязательнымъ преподаваніемъ нѣмецкаго языка и, сверхъ того, въ 23 школахъ украинскій языкъ былъ предметомъ преподаванія. Что касается средней школы, то въ Галичинѣ правительственныхъ гимназій съ украинскимъ преподаваніемъ

было 7, сверхъ того было 3 гимназіи и 7 учительскихъ семинарій смѣшаннаго типа, польско-украинскихъ; въ Буковинѣ была одна украинская гимназія, 2 смѣшанныхъ, украинско-нѣмецкихъ, и 1 украинская учительская семинарія. На общественныя средства галичанами содержались 6 классическихкихъ гимназій (въ томъ числѣ 5 мужскихъ и 1 женская), 1 реальная школа, женскій лицей, 4 женскихъ учительскихъ семинарій и нѣсколько городскихъ и народныхъ школъ. Украинскій языкъ являлся языкомъ преподаванія и въ высшей школѣ; такъ, въ послѣднее время во львовскомъ университетѣ читалось на немъ 16 курсовъ; на немъ же велось преподаваніе и на нѣкоторыхъ кафедрахъ черновицкаго университета. Наконецъ, въ сферѣ внѣшкольнаго образованія работала общественная организація „Просвіта“ съ многочисленными отдѣленіями. Это общество издавало популярныя брошюры по разнымъ отраслямъ знанія, устраивало сельскія читальни и библіотеки, организовало лекціи, рефераты, курсы для неграмотныхъ, подготовительныя и высшіе курсы разнаго рода. Въ восточной Галиціи „Просвіта“ насчитывала 2,611 читалень со 130,000 членами. Такимъ образомъ, двѣ небольшія области, по пространству равныя, примѣрно, двумъ русскимъ губерніямъ, располагали на 4 милліона малорусскаго населенія почти тремя тысячами начальныхъ школъ и 33 средними школами различнаго типа съ преподаваніемъ на родномъ украинскомъ языкѣ, не считая школъ иноязычныхъ, гдѣ украинскій языкъ являлся только предметомъ преподаванія, а сверхъ того обладали обширною общественною организаціею внѣшкольнаго образованія. Уже эти данныя указываютъ, какъ глубоко вошло въ плоть и кровь галицко-буковинскихъ русинъ сознаніе необходимости національной школы и вѣра въ ея могучую просвѣтительную культурную силу.

Дѣйствительно, только благодаря національной школѣ изъ галицкаго хлопа, забитаго и униженнаго сперва крѣпостнымъ правомъ, а затѣмъ тяжелымъ экономическимъ гнетомъ, постепенно развился гражданинъ своей родины съ сознаніемъ своихъ правъ, со стремленіемъ къ просвѣщенію; раціональная постановка народнаго образованія подготовила почву для экономическаго подъема галицкихъ народныхъ массъ путемъ раціональнаго хозяйства и коопераціи въ различныхъ видахъ. Въ общемъ можно сказать, что успѣхомъ своей борьбы съ трудными экономическими

условіями и своимъ сравнительно высокимъ культурнымъ уровнемъ, особенно въ сопоставленіи съ населеніемъ со-сѣднихъ Волынской и Подольской губерній, галицкіе украинцы обязаны просвѣщенію на родномъ языкѣ. Мы не упо-минали въ приведенныхъ выше фактическихъ данныхъ объ Угорской Руси, хотя и тамъ имѣется начальная школа съ преподаваніемъ „на языкѣ населенія“. Но этотъ край также заслуживаетъ большого вниманія, какъ доказательство поль-зы и необходимости просвѣщенія въ національныхъ фор-махъ, хотя доказательство „отъ противнаго“. Подъ гнетомъ мадьярскаго націонализма здѣсь не могло развиваться на-ціональное движеніе въ формахъ, свойственныхъ мѣстной отрасли русскаго племени: интеллигенція русинъ, не ис-ключая духовенства, почти сплошь мадьяризована; прави-тельственная политика не находила поэтому никакого от-пора въ національномъ самосознаніи Угорской Руси. Пра-вительственная школа у угорскихъ русинъ исключительно мадьярская, и даже преподаваніе Закона Божія въ послѣд-нее время ведется по-мадьярски; имѣется еще постепенно гложущая приходская школа, но она обучаетъ лишь цер-ковной грамотности, и фактически родной языкъ учащихся въ ней примѣненія, такимъ образомъ, не имѣетъ. Въ ре-зультатѣ Угорская Русь выдѣляется рядомъ съ Галиціей и Буковиной крайне низкимъ культурнымъ уровнемъ мѣстнаго малорусскаго населенія, полною его экономическою без-помощностью и быстрымъ процессомъ денационализации, уже оторвавшей въ теченіе минувшаго столѣтія немалую часть русинъ отъ родного племени.

Великая міровая война, въ которой вынуждена была при-нять участіе Россія, ведется во имя освобожденія малыхъ народовъ отъ гнета имперіалистической политики крупныхъ національныхъ организмовъ. Но по отношенію къ малорус-ской народности въ предѣлахъ Австріи война съ первыхъ же мѣсяцевъ приняла не освободительный, а завоевательный характеръ въ зависимости отъ очерченныхъ выше традицій нашей культурной политики. Свобода была дарована лишь той незначительной части галицкаго населенія, которая сто-яла въ сторонѣ отъ активной культурной и экономической работы на пользу края и идеологія которой, ограничиваясь племенными и вѣроисповѣдными симпатіями къ Россіи, не считалась съ непосредственными нуждами и интересами ши-рокихъ массъ своего народа. Главныя силы галицкой интел-

лигенции и широкіе слои народа очутились въ опалѣ, подъ подозрѣніемъ въ измѣнѣ Россіи, хотя служить ей они однако не могли безъ нарушенія лояльности по отношенію къ своему государству. Кара за эту „вину“ обрушилась на всѣ проявленія украинской національной жизни въ Галиціи, на украинскую культуру и ея главное оружіе—языкъ. Многочисленные органы украинской прессы, библіотеки, книжные магазины закрыты; дѣятельность украинскихъ общественныхъ учреждений—просвѣтительныхъ, научныхъ, экономическихъ—была пріостановлена; перестала функционировать и украинская школа—высшая, средняя и низшая, а на ея мѣстѣ, повидимому, намѣчено созданіе сѣти русскихъ школъ общегосударственного типа. Въ настоящее время, насколько извѣстно, ведется энергичная работа по подготовкѣ учительскаго персонала къ преподаванію на русскомъ языкѣ, изученіе котораго ставится во главу угла будущей школьной организациі. Задачи собственно просвѣтительныя при такихъ условіяхъ не занимаютъ, какъ видно, первенствующаго положенія. Совершенно иное отношеніе въ той же восточной Галиціи встрѣчаетъ польская часть населенія. Несмотря на то, что и поляки до оккупациі края русскими войсками, естественно, сохранили вѣрность Австрійской имперіи, ихъ національная жизнь не была подвергнута столь тяжкимъ испытаніямъ. Послѣ кратковременнаго прекращенія занятій, польскія школы вновь получили разрѣшеніе функционировать; польская пресса и польскія учрежденія живутъ полною жизнью, создавая иллюзію культурнаго и политическаго господства поляковъ. Пострадала въ культурномъ отношеніи, такимъ образомъ, лишь малорусская народность, т.-е. именно та, освобожденіе которой отъ чужероднаго владычества было одною изъ задачъ войны... При дальнѣйшемъ продолженіи той же политики не будетъ ничего удивительнаго, если для значительной части галицкихъ русинъ переходъ въ польскій станъ явится средствомъ избавиться отъ національных стѣсненій и вмѣстѣ съ тѣмъ занять болѣе выгодное положеніе въ виду покровительства, оказываемаго русскою властью польскому элементу. Исторія Руси являетъ уже примѣры массовой полонизаціи малороссовъ подъ давленіемъ религіозныхъ и національных преслѣдованій съ одной стороны: это было въ минувшемъ столѣтіи въ Холмскомъ краѣ.

Если повтореніе этого печальнаго историческаго факта

представляется нежелательнымъ, то должна быть измѣнена національная политика въ Галичинѣ въ смыслѣ признанія за украинскою культурою во всѣхъ ея формахъ права на существованіе. Моментъ для такого измѣненія нашей внутренней политики въ настоящее время самый благоприятный; если даже стать на точку зрѣнія крайнихъ націоналистовъ, усматривающихъ въ украинскомъ движеніи сепаратизмъ въ сторону Австріи, то съ окончаніемъ побѣдоносной войны уже фактически не будетъ почвы для австрофильскихъ тяготѣній, ибо Австрія будетъ обезсилена, а бывшая закордонная Русь окончательно войдетъ въ орбиту великой Россіи. А если отпадетъ основная причина опасеній и подозрѣній, которыми питалась вражда къ украинскому національному движенію, то за нимъ останутся лишь его культурныя задачи, неразрывно съ нимъ связанныя и составляющія его сущность. При такихъ условіяхъ въ украинской національной школѣ лишь предвзятый взглядъ будетъ видѣть что-либо иное, кромѣ естественнаго и наиболѣе дѣйствительнаго орудія просвѣщенія малорусскаго народа.

Мы беремъ на себя смѣлость просить ваше сіятельство въ интересахъ народныхъ массъ русской Украины и Галичины, жаждущихъ истиннаго просвѣщенія, войти въ обсужденіе затронутого нами въ предыдущемъ изложеніи вопроса о рациональной постановкѣ школы для малорусскаго населенія, природный языкъ котораго долженъ лежать въ основѣ обученія. Мы полагаемъ, что приведенныя выше соображенія являются убѣдительнымъ доказательствомъ преимущества школы, родной по языку учащимся, и въ фактахъ послѣдняго времени находимъ указанія на то, что и правительство въ принципѣ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. Предоставленіе польскому населенію права учреждать въ Привислинскомъ краѣ частныя школы съ польскимъ языкомъ преподаванія, сочувственное отношеніе съѣзда попечителей къ преподаванію въ русской школѣ инородцамъ Закона Божія на родномъ языкѣ учащихся, причемъ подъ инородцами, повидимому, разумѣлось и бѣлорусское населеніе западныхъ губерній,—все это факты, свидѣтельствующіе о наступающемъ сдвигѣ учебнаго вѣдомства съ прежней позиціи, связанной съ націоналистическими тенденціями. Если, какъ надо надѣяться, задачею предстоящей школьной реформы будетъ поворотъ школы въ сторону чистаго просвѣщенія, безъ побочныхъ задачъ политическаго характера, то

и вопросъ объ украинской школѣ не можетъ быть оставленъ учебнымъ вѣдомствомъ безъ новаго освѣщенія.

Въ этихъ соображеніяхъ мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ представить вашему сіятельству нижеслѣдующія пожеланія, какъ выводъ изъ нашего опыта мѣстныхъ людей, близко знакомыхъ съ украинскимъ народомъ и его духовною жизнью, не чуждыхъ школьному дѣлу и слѣдившихъ за поучительнымъ примѣромъ національной украинской школы въ областяхъ закордонной Руси:

1. Въ начальныхъ школахъ губерній и областей съ малорусскимъ населеніемъ школьное преподаваніе слѣдуетъ вести на украинскомъ языкѣ, во всякомъ случаѣ въ младшихъ классахъ.

2. Русскому языку должно быть отведено видное мѣсто въ программахъ въ качествѣ обязательнаго предмета, изученіе котораго должно быть поставлено настолько основательно, какъ этого можно требовать для языка общегосударственнаго, языка большого культурнаго значенія и міровой литературы.

3. Школьные руководства и пособія необходимо по языку и содержанію приспособить къ условіямъ жизни мѣстнаго населенія. Въ программу преподаванія начальныхъ школъ желательно ввести въ соотвѣтственныхъ размѣрахъ изученіе украинскаго языка, исторіи и географіи Украины.

4. Въ учительскихъ и педагогическихъ школахъ края необходимо ввести изученіе украинскаго языка, украинской литературы, исторіи и географіи, а въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ края—каѳедры украиновѣдѣнія въ цѣляхъ подготовки преподавательскаго персонала для педагогическихъ школъ и курсовъ.

5. Частныя школы съ преподаваніемъ на малорусскомъ языкѣ необходимо допустить къ свободному функціонированію при одномъ обязательномъ условіи, чтобы русскій языкъ занималъ въ программахъ такихъ школъ соотвѣтствующее мѣсто. Учрежденіе такихъ школъ было бы полезно для самого министерства, которое находило бы въ ихъ работѣ матеріалъ для выработки программъ украинскаго преподаванія и для оцѣнки примѣняемаго въ нихъ учебнаго матеріала.

6. Въ восточной Галичинѣ и Буковинѣ необходимо возстановить въ прежнемъ видѣ украинскія школы, какъ низшія, такъ и среднія, съ украинскимъ языкомъ преподаванія,

но съ тою разницею, что вмѣсто польскаго и нѣмецкаго языковъ обязательнымъ для изученія языкомъ долженъ быть русскій. Въ связи съ этимъ учительскимъ семинаріямъ и курсамъ необходимо возвратить ихъ прежній украинскій характеръ. Во львовскомъ университетѣ необходимо возстановить чтеніе лекцій на украинскомъ языкѣ, а также ввести новыя украинскія дисциплины въ университетской программѣ. Наконецъ, необходимо вновь разрѣшить свободную дѣятельность „Просвіт“ и другихъ украинскихъ общественныхъ организацій, преслѣдующихъ просвѣтительныя и научныя цѣли *).

*) Слѣдуютъ подписи.

Дни нашей жизни.

На поверхность взбаламученнаго моря нашей жизни всплылъ и украинскій вопросъ,—тотъ вопросъ, который темныя силы нашей реакціи такъ настойчиво стремились потопить въ самыхъ глубинахъ этого моря.

Въ результатѣ этихъ стремленій украинскія національныя учрежденія перестали существовать, и подвергались травлѣ даже тѣ изъ нихъ, дѣятельность которыхъ обращена была исключительно на удовлетвореніе потребностей, вызываемыхъ войною,—какъ, напр., украинскіе лазареты, давшіе нашей націоналистической печати поводъ къ обвиненію въ особомъ „лазаретномъ сепаратизмѣ“. Вотъ уже слишкомъ годъ, какъ на украинское слово наложена печать молчанія, при чемъ рачительная политика искорененія распространена въ этомъ случаѣ не только на мысль и языкъ, но даже на правописаніе. Украинское населеніе, и до войны не имѣвшее родной школы, не слышавшее живого слова даже въ церкви, осталось теперь и безъ родной газеты, безъ книги, будучи въ еще большей степени обречено на духовное увяданіе. Подавивъ въ себѣ тяжелое чувство незаслуженной обиды, украинцы молча исполняли свой долгъ передъ государствомъ и исполнять его до конца, вопреки заподозривающимъ завываніямъ черной и желтой прессы, неустанно распространяющей удушливые газы политической келеветы и злостнаго доноса. Но пусть каждый посторонній зритель безпристрастно представитъ себѣ, какимъ горькимъ чувствомъ должны быть преисполнены тѣ, для кого любовь къ ближайшей родинѣ—не пустой звукъ, и кто, жертвуя всѣмъ для общаго отечества, лишенъ утѣшительной надежды, что жертвы эти создадутъ условія для свободнаго проявленія національнаго чувства, приведутъ къ свободной національной жизни.

Не подлежитъ сомнѣнію громаднй государственный вредъ подобной политики подавленія національныхъ силъ, особенно въ такой моментъ, когда необходимъ сверхчеловѣческій подъемъ народной энергіи. До очевидности ясно,

что въ интересахъ государства—возмѣститъ вызванныя войною тяжкія потери самыми широкими мѣропріятіями къ духовному и экономическому росту народныхъ массъ. Это и можетъ быть достигнуто только полнымъ и всестороннимъ осуществленіемъ благороднаго освободительнаго лозунга современной войны. Національный путь это—самый близкій и легкій путь всякаго движенія впередъ, во всѣхъ областяхъ жизни, и пользованіе этимъ путемъ скорѣе и легче всего приведетъ къ благодѣтельнымъ результатамъ мѣръ, принимаемыхъ для организаціи народныхъ силъ въ настоящихъ условіяхъ. А помимо этихъ результатовъ собственно матеріальнаго порядка, нельзя игнорировать при этомъ и тотъ громаднй моральный подъемъ, который неизбѣжно сопутствуетъ удовлетворенію потребностей, составляющихъ святая святыхъ народной души, какъ и наоборотъ: пренебреженіе этими потребностями, тѣмъ болѣе—подавленіе ихъ создаютъ настроенія, мало благоприятныя для основныхъ задачъ текущаго момента.

То, что такъ интенсивно чувствовалось въ теченіе цѣлаго года, будучи внѣшне подавляемо въ своемъ проявленіи или же проявляясь, вслѣдствіе этого, въ ненормальныхъ формахъ, нашло нѣкоторое выраженіе съ созывомъ Государственной Думы, когда вообще голосъ общественнаго мнѣнія въ извѣстной мѣрѣ получилъ пути для своего выраженія. Законодательные круги оказались, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ, противъ практиковавшагося и нынѣ продолжающагося политическаго курса въ украинскомъ вопросѣ. Это съ достаточной ясностью выразилось прежде всего во включеніи особаго пункта (7-го) по украинскому вопросу въ программу прогрессивнаго парламентскаго блока. Этотъ пунктъ имѣетъ въ виду „возстановленіе малорусской печати, немедленный пересмотръ дѣлъ жителей Галиціи, содержащихся подъ стражей и сосланныхъ, и освобожденіе тѣхъ изъ нихъ, которые подверглись преслѣдованію невинно“. Содержаніемъ этого пункта, конечно, далеко не исчерпываются тѣ, подавленные нынѣ, потребности національной жизни Украины, которыя настоятельно требуютъ удовлетворенія; это только двѣ отдѣльныя, единичныя стороны этой жизни, хотя, быть можетъ, и наиболѣе насущныя въ текущій моментъ, заставляющія особенно болѣзненно реагировать общественное настроеніе на Украинѣ—россійской и зарубежной. Но не-

сомнѣнно также и то, что включеніе въ программу блока украинскаго вопроса, хотя бы и въ столь ограниченной трактовкѣ, должно дать намъ извѣстное удовлетвореніе,—пока, правда, только моральное. Какъ бы ни оцѣнивать программу блока и вообще и въ частности—въ украинской ея части—съ точки зрѣнія ея широты и интенсивности, самый фактъ образованія прогрессивнаго парламентскаго блока со включеніемъ въ его программу украинскихъ пунктовъ получаетъ громадное политическое значеніе. Фактъ этотъ свидѣтельствуешь, что въ общественномъ настроеніи произошелъ крупный сдвигъ и что сдвигъ этотъ направленъ въ сторону обновленія всей жизни страны,—того обновленія, которое ведетъ за собою свободное проявленіе инициативы личной и общественной, удовлетвореніе насущныхъ народныхъ потребностей. Въ частности, по отношенію къ украинскимъ дѣламъ, нельзя не обратить вниманіе на то, что справедливость украинскихъ требованій, хотя бы и въ сравнительно узкихъ рамкахъ, признана даже тѣми, вошедшими въ блокъ, общественными элементами, которые раньше—и еще очень недавно—относились ко всѣмъ вообще украинскимъ національнымъ требованіямъ безусловно отрицательно. Принципъ справедливости восторжествовалъ, брешь въ предубѣжденномъ упорствѣ нашихъ недоброжелателей пробита, и—нужно думать—слѣдующій шагъ уже будетъ не такъ труденъ. Это сейчасъ же отчасти и обнаружилось—въ освѣщеніи съ думской трибуны тѣхъ или иныхъ сторонъ украинскаго вопроса, въ дружномъ принятіи Думою запроса о преслѣдованіяхъ украинской печати и въ общей трактовкѣ украинскаго вопроса въ русской прессѣ, за исключеніемъ рептилій совершенно опредѣленнаго типа и оставшихся еще на своей позиціи реакціонныхъ политиковъ, которые не скрывали, что въ программѣ блока особенно поразилъ ихъ новый курсъ въ отношеніи къ украинству *).

*) Националистъ деп. Сафоновъ сказалъ по поводу программы блока слѣдующее: „Съ образованіемъ блока поставлены на наше рѣшеніе, обсужденіе очень серьезныя явленія въ жизни государства. Возбуждены самые острые вопросы политическаго бытія. И пока ихъ себѣ точно не уяснишь, до тѣхъ поръ нельзя отнестись къ нимъ должнымъ образомъ. Въдѣ, ни для кого не секретъ, что одинъ изъ родоначальниковъ разоблаченій о дѣятельности мазепинства есть депутатъ Савенко, сидящій сейчасъ въ національной группѣ. И, конечно, отчасти благодаря и ему политическая борьба въ Галиціи и Малороссіи разрослась до страстной степени. Теперь находятся въ Россіи нѣ-

Съ думской трибуны современный политическій курсъ по отношенію къ украинскому вопросу получилъ достаточно разностороннюю оцѣнку въ связи съ условіями переживаемого момента. Большую рѣчь принципіальнаго значенія произнесъ екатеринославскій депутатъ А. М. Александровъ, указывавшій, что нѣтъ большаго преступленія, какъ посягать на языкъ и особенности національной культуры. „Если,—говорилъ онъ,—наша родина пришла къ тому, къ чему она пришла, то это зависѣло не только отъ того, что мы въ прошломъ, когда у насъ было время, не оборудовали военное снаряженіе, но и потому, что мы систематически въ области внутренней политики громили себя. Не только потому, что народъ нашъ, во всей его совокупности, былъ политически угнетенъ, но еще и потому, что наше правительство въ XX столѣтіи не могло дойти до идеи правового государства. Милліоны гражданъ, милліоны русскихъ подданныхъ, оно третировало, какъ изгоевъ. Оно систематически ихъ озлобляло, оно не уважало культурныхъ цѣнностей, которыя приобрѣтаются не подъ вліяніемъ государства, а подъ вліяніемъ цѣлой сложной совокупности историческихъ и психологическихъ переживаній. Мы увѣрены, что наша родина только тогда можетъ быть могущественна и сильна, когда всѣ права гражданъ будутъ уважаться, и въ этомъ числѣ будутъ уважаться права на культурное и національное самоопредѣленіе. Нѣтъ большаго преступленія, гг., какъ посягать на языкъ и особенности національной культуры. Ни одинъ народъ не испытываетъ

сколько сотъ тысячъ бѣженцевъ изъ Галиціи. Они пришли къ намъ, спасаясь не отъ австрійцевъ, а отъ мести тѣхъ мазепинцевъ, съ которыми были у нихъ такія злыя политическія отношенія. И теперь, когда они прибыли сюда и ждали защиты, оказывается, что большинство Г. Думы говорить о примиреніи и мирѣ именно въ отношеніи той части населенія, отъ которой данные бѣженцы спасались, потому что въ § 7 программы блока говорится о восстановленіи малорусской печати и немедленномъ пересмотрѣ дѣлъ жителей Галиціи, объ освобожденіи ихъ изъ тюремъ и т. д.; все, вѣдь, это рядъ такихъ первостепенной важности вопросовъ, которые разожгутъ страсти, которые совершенно лишаютъ возможности спокойно и разсудительно отнестись къ кореннымъ вопросамъ русской государственной жизни“.

Не характерна ли растерянность противниковъ украинства, когда подъ ихъ ногами зашаталась почва? Они не могутъ скрыть своего горя, что можетъ наступить конецъ политическимъ страстямъ на почвѣ борьбы съ украинствомъ, и для подогрѣванія этихъ страстей ссылаются на необходимость защиты галицкихъ бѣженцевъ, которые-де спасались отъ . . . мести „мазепинцевъ“.

того горькаго чувства, какъ великая отрасль русскаго племени—украинскій народъ, за которымъ не признають никакихъ культурныхъ цѣнностей. За нимъ отрицають то, что признають за другими народами. Его бойкотируютъ, его раздражаютъ, его оскорбляютъ. Поэтому мы полагаемъ, что долтъ не только государственной мудрости, но и государственной справедливости признать то, что существуетъ... Если вы хотите быть справедливыми, если вы дѣйствительно любите Россію, вы должны признать за украинскимъ народомъ право на его слово. Это слово должно быть въ народной школѣ, въ мѣстномъ судѣ и во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Если вы, дѣйствительно, вѣрите въ необходимость культурнаго возрожденія народныхъ массъ и въ частности русскаго народа, вы должны понять, что культурное возрожденіе немислимо, если вы будете преслѣдовать родную рѣчь“. Такой же общій, принципіальный характеръ имѣла рѣчь В. И. Дзюбинскаго. Указавъ на цѣлый рядъ ложныхъ шаговъ въ украинскомъ вопросѣ—на усиленіе преслѣдованій украинцевъ, на административную ссылку проф. Грушевскаго, на тотъ характерный фактъ, что „даже одинъ изъ корректнѣйшихъ министровъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ позволилъ себѣ съ этой трибуны въ своей рѣчи—27 января 1915 года—квалифицировать украинское народное движеніе, какъ результатъ германскихъ интригъ“, депутатъ Дзюбинскій заканчиваетъ свою рѣчь категорическимъ указаніемъ на необходимость оставить этотъ ложный путь: „Врагъ стоитъ у порога многострадальной русской Украйны. Украинцы, принесшіе столько жертвъ во время войны, заслуживаютъ, чтобы къ ихъ насущнымъ запросамъ и нуждамъ правительство и общество отнеслось, наконецъ, безъ заподозриванія, безъ предубѣжденія, съ полнымъ довѣріемъ. Пора прекратить тяжелую борьбу съ украинской народностью,—борьбу, которая только вносить раздраженіе въ массы и позорить насъ передъ нашими культурными союзниками. Пора и нашему правительству стать на точку зрѣнія уравниенія въ правахъ народностей, признать за живымъ украинскимъ языкомъ всѣ права гражданства, отмѣнить всякія стѣсненія для украинскаго устнаго и печатнаго слова“.

Какъ и въ программѣ прогрессивнаго парламентскаго блока, въ думскихъ дебатахъ наиболѣе широкое освѣщеніе получили двѣ стороны украинскаго вопроса: положеніе печати и галицкая политика. По поводу преслѣдованій украин-

ской печати с.-д. фракція и трудовая группа внесли въ Государственную Думу запросъ, который и принятъ Думою въ засѣданіи 28 августа. Въ запросѣ указывается, что политика національных гоненій, особенно усилившаяся въ Россіи съ начала войны, исключительно тяжело отразилась на самомъ существованіи у насъ украинской культуры, и лозунгъ „освобожденіе подъяремной Галиціи“ на практикѣ выразился въ полномъ разрушеніи всѣхъ проявленій культурной самодѣятельности украинскаго народа. Первые удары были направлены противъ украинской печати. На другой же день по объявленіи войны въ Кіевѣ была закрыта газета „Рада“. На просьбу разрѣшить возобновленіе изданія газеты мѣстная власть отвѣтила письменно: „пусть лучше не просятъ“. Въ виду послѣдовавшаго затѣмъ распоряженія отмѣнить всѣ существующія разрѣшенія на украинскія изданія были пріостановлены въ Кіевѣ 14 изданій, въ томъ числѣ „Літературно-Науковий Вістник“, „Записки Наукового Товариства“ и друг. Попытки перенести литературную дѣятельность въ другіе города успѣхомъ не увѣнчались. Въ Одессѣ цензурная власть сводила на нѣтъ полученные послѣ долгихъ мытарствъ разрѣшенія на изданіе журнала. Въ мѣстномъ цензурномъ комитетѣ было заявлено, что такъ какъ среди цензоровъ нѣтъ лицъ, знающихъ украинскій языкъ, то журналъ выходить не можетъ. Въ Москвѣ популярный сельскохозяйственный журналъ „Тепла Роса“ былъ пріостановленъ на второмъ номерѣ за „вредное направленіе“. Тоже повторилось въ Харьковѣ, Полтавѣ и другихъ городахъ. Даже въ элементарныхъ проявленіяхъ національных симпатій администрація усматриваетъ „мазепинство“. Извѣстенъ случай увольненія учительницы за ношеніе украинскаго костюма. Цѣлый рядъ лицъ подвергается высылкѣ въ Сибирь и во внутреннія губерніи Россіи, въ томъ числѣ извѣстный проф. М. С. Грушевскій и т. д. Предсѣдатель кіевскаго цензурнаго комитета проф. Флоринскій заявилъ, что „теперь настало намъ время сосчитаться“, и подъ руководствомъ этого профессора кіевскіе цензора посягнули даже на орѳографію украинскаго языка. Въ виду всего этого, интерpellанты предложили Государственной Думѣ обратиться къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и военному со слѣдующимъ запросомъ:

1) Извѣстно ли министрамъ объ изложенныхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ и,

2) если известно, то что они намѣрены предпринять для прекращенія этихъ незаконномѣрныхъ дѣйствій?

Противъ запроса о преслѣдованіяхъ украинской печати не раздалось ни одного голоса. Очевидно, никто не одобрялъ этихъ преслѣдованій—по соображеніямъ, если не принципиальнымъ, то, по крайней мѣрѣ, тактическимъ. Эта послѣдняя сторона дѣла—соображенія политическаго такта—освѣщена въ думскихъ рѣчахъ весьма обстоятельно. „Я только спрошу,—сказалъ П. Н. Милюковъ,—въ какое время это дѣлается? Тогда, когда часть украинскаго населенія переходитъ во власть нашихъ враговъ, когда за рубежомъ появляется новая, свободная украинская литература,—и, понятно, какія тенденціи она развиваетъ. А наша здѣшняя малорусская печать, выступившая съ заявленіями патріотическаго характера, организовавшая мѣстное населеніе въ духъ борьбы съ врагомъ, уничтожена и никакого сопротивленія зарубежной литературѣ путемъ идейнаго общенія съ читателемъ оказать не можетъ“. „Въ концѣ концовъ,—говорилъ депутатъ Сухановъ,—о жизни Украины, объ ея чаяніяхъ и стремленіяхъ, о печаляхъ и радостяхъ, въ настоящее время можно узнать только изъ заграничной печати. На французскомъ, на англійскомъ, на нѣмецкомъ, на шведскомъ, на сербскомъ, на болгарскомъ, на румынскомъ, даже на турецкомъ языкѣ выходятъ книги, журналы и газеты, такъ или иначе трактующіе украинскій вопросъ. И только въ Россіи царитъ молчаніе, въ той Россіи, гдѣ живетъ около 30 милліоновъ украинскаго народа“. „Если до войны, — сказалъ екатеринославскій депутатъ, А. М. Александровъ, — украинская печать кое-какъ существовала, то во время войны, несмотря на то, что украинская рѣчь и украинская культурная мысль опредѣлили свое отношеніе къ войнѣ въ строго патріотическомъ направленіи, начался полный разгромъ всѣхъ украинскихъ институтовъ и полная ликвидація украинской печати. Какъ депутатъ одной изъ украинскихъ губерній, я долженъ засвидѣтельствовать, что это вызываетъ чувство глубочайшаго возмущенія, и не въ однихъ только украинскихъ кругахъ, а у всѣхъ тѣхъ гражданъ Россіи, у которыхъ еще не со-всѣмъ убито и не умерло чувство элементарной справедливости“.

Разъ поднята была рѣчь о политическомъ курсѣ въ украинскомъ вопросѣ, не могло остаться безъ освѣщенія

примѣненіе этого курса въ оккупированной Галичинѣ. Разгромъ національной жизни Галичины, по мысли гражданскихъ добровольцевъ ея „устроенія“, долженъ былъ поразить украинское движеніе въ самыхъ истокахъ его и въ самое сердце, послѣ чего имѣли исчезнуть всѣ проявленія этой жизни и въ русской Украинѣ. Ревностные искоренители украинства такъ были очарованы своимъ планомъ, что остались слѣпы и глухи къ урокамъ и даже просто къ фактамъ прошлаго. А это прошлое, казалось, съ очевидною ясностью говорило, что источникъ украинскаго національнаго движенія слѣдуетъ искать не на иноземной периферіи украинскаго племени, а среди основного ядра его—въ предѣлахъ російской Украины, гдѣ оно коренилось въ никогда неумиравшемъ національномъ чувствѣ народа, съ полной энергіей проявилось здѣсь болѣе ста лѣтъ тому назадъ и уже отсюда перекинулось въ зарубежную Украину, сообщивъ тамошнему небольшому осколку украинскаго племени несокрушимую энергію національнаго и всякаго вообще развитія. И тамъ, гдѣ, какъ въ Галичинѣ и затѣмъ въ Буковинѣ, украинское національное движеніе развивалось, украинское племя обладало въ своемъ національномъ чувствѣ крѣпкой силой сопротивленія инороднымъ вліяніямъ германизма и полонизма, гдѣ же это чувство проявлялось слабо, тамъ, какъ въ Угорской Руси, украинская вѣтвь русскаго племени испытала самыя тягостныя послѣдствія мадьяризаціи. Но творцы галицкой политики не затрудняли себя историческими справками, не усложняли своей задачи болѣе широкими государственными перспективами, а дѣйствовали по испытанному рецепту, выдвинувъ въ оккупированномъ краѣ самый широкій арсеналъ преслѣдованій и запрещеній. „Мы присутствовали,—сказалъ П. Н. Милуковъ,—при невѣжественной, наивной попыткѣ посягнуть на національность и вѣру населенія, только что приобрѣтенной провинціи... Мало того, что эти новые ташкентцы отолкнули отъ насъ родственное намъ украинское населеніе, они пытались затемнить лучезарный ликъ великой освободительной войны, они посягнули на одушевляющій насъ и нашихъ союзниковъ идеалъ грядущей самостоятельности малыхъ народностей“. И когда они вызваны были въ Думѣ къ отвѣту, то не нашли другого отвѣта, какъ умыть руки и отречься отъ дѣлъ своихъ. Это болѣе, чѣмъ малодушное отреченіе вызвано было досадными вопросами, прямо по-

ставленными членомъ Думы Н. С. Чхеидзе. Поддерживая за-
просъ, послѣдній заявилъ: „Я жду не дождусь, когда, на-
конецъ, на эту трибуну взойдутъ тѣ наши коллеги изъ Госу-
дарственной Думы, которые, главнымъ образомъ, орудо-
вали тамъ на Украинѣ и въ Галиціи въ дѣлѣ проявленія
освободительнаго характера происходящей войны. Скром-
ничать имъ не зачѣмъ. Я прошу васъ принять нашъ запросъ,
чтобы этимъ героямъ, къ которымъ я отношу графа Бо-
бринскаго и члена Государственной Думы Чихачева, чтобы
дать имъ возможность выйти на эту трибуну и сказать, ка-
кимъ образомъ они вмѣстѣ съ администраціей приносили
освобожденіе братьямъ галичанамъ“. На реплику Д. Н. Чиха-
чева съ мѣста, что онъ вопроса не понималъ, Н. С. Чхеидзе кон-
кретизировалъ свой вопросъ такъ: „Мы знаемъ, какъ вы
хозяйничали, какъ были въ Галиціи закрыты тысячи началь-
ныхъ школъ, десятки среднихъ учебныхъ заведеній и семи-
нарій, какъ были упразднены кооперативные общества, какъ
были упразднены другія экономическія организациі. Мало
того, вами былъ провозглашенъ тамъ лозунгъ: „Кто не пра-
вославный, тотъ не русскій“. И мы знаемъ, что во имя этого
лозунга по ложному доносу обвинялись уніатскіе священ-
ники и выселялись въ отдаленныя и неотдаленныя мѣста
Россіи. Засимъ я хотѣлъ бы получить отвѣтъ на одинъ во-
просъ: какую память вы оставили тамъ, среди братьевъ-
галичанъ, и вѣрно ли, что васъ оттуда сопровождали свист-
ками“. Д. Н. Чихачевъ, отвѣчая Н. С. Чхеидзе, заявляетъ,
что онъ никакого отношенія къ закрытію украинскихъ
школъ и украинскихъ газетъ въ Галиціи не имѣлъ, и, на-
сколько ему извѣстно, украинскія школы и украинскія га-
зеты тамъ не закрывались. Къ лозунгу: русскимъ можетъ
быть только православный, Д. Н. Чихачевъ, по его словамъ,
также никакого отношенія не имѣлъ. А гр. В. А. Бобринскій и
вовсе не нашелъ возможнымъ дать объясненіе „по личному
вопросу“. Очевидно, сами творцы галицкой политики, эти,
по крылатому слову еп. Никона, черные вороны, налетѣв-
шіе на Галичину,—даже они начинаютъ стыдиться своего
дѣла, если публично отъ него отрекаются или не находятъ
словъ для отвѣта и самооправданія.

Думскіе дебаты явились въ нѣкоторой мѣрѣ отзвукомъ
тѣхъ настроеній какими проникнуто украинское общество,
вынужденное къ молчанію отсутствіемъ своей прессы и
вслѣдствіе спеціальнаго вниманія цензуры при обраще-

нии къ русской печати. Цѣлый годъ нива національной жизни оставалась невспаханной и, вмѣсто благодѣтельнаго урожая, заростала сорными травами; цѣлый годъ украинская жизнь держалась въ состояніи искусственного омертвѣнія. Враги украинства, получившіе рѣшающее вліяніе на курсъ политики въ украинскомъ вопросѣ, имѣли всѣ внѣшніе поводы радостно потирать руки. Протестъ со стороны украинскаго общества такъ легко можно было бы использовать при данныхъ условіяхъ какъ доказательство его нелойяльности, а отсутствіе какихъ-либо эксцессовъ, при столь тяжеломъ положеніи, также легко можно истолковать какъ свидѣтельство безсилія всего движенія. Расчеты перваго рода, учитывавшіе послѣдствія игры на нервахъ украинскаго общества, оказались безплодными, и послѣднее, исполняя свой гражданскій долгъ и неся тягости войны, не видѣло въ настоящій моментъ другого пути къ измѣненію создавашагося положенія, кромѣ обращенія къ власти (какъ къ мѣстной, такъ и къ высшей—путемъ депутацій, петицій) и къ законодательнымъ кругамъ. Но было бы близорукою ошибкой въ совершенной лойяльности украинцевъ видѣть безразличіе ихъ къ интересамъ своего національнаго развитія. Нельзя, конечно, отрицать извѣстной слабости энергіи украинскаго общества, не соотвѣтствующей ни историческимъ судьбамъ національной жизни украинскаго народа, ни даже просто хотя бы численности 30-милліонной его этнографической массы. Эта слабость—результатъ долговременнаго режима и политическаго воспитанія, и эту черту, какъ послѣдствіе данныхъ условій, украинское общество—безпристрастіе требуетъ признать—въ значительной мѣрѣ раздѣляетъ со всѣмъ русскимъ обществомъ. Но въ этомъ явленіи—искусственно привитой, но отнюдь не органической слабости—нельзя видѣть національнаго анабіоза и тѣмъ болѣе—національнаго паралича украинской народности. Въ глубинахъ народной души національная стихія всегда коренилась прочно, и какъ она охраняла народъ отъ національной смерти въ періодъ ожесточенной польско-украинской борьбы, такъ же сохранила его и отъ національнаго сліянія въ теченіе почти трехвѣковаго сожителства русскихъ народностей. Расцвѣтъ національной культуры небольшой части украинскаго племени въ Галичинѣ, при условіяхъ, далеко не благопріятствовавшихъ полному расцвѣту, является нѣкоторой аналогіей

будущаго развитія всего національнаго тѣла Украины, пред-указаніемъ тѣхъ культурныхъ возможностей, какими обладаетъ украинская нація. И какъ глубоко слѣдуетъ пожалѣть, что почва для осуществленія этихъ возможностей впервые предоставлена украинцамъ не любящею рукой братскаго народа, а чужой, иноземной рукою—въ общихъ условіяхъ правового строя чужого государства и, быть можетъ, не безъ нѣкотораго политическаго расчета. И, какъ мы видѣли, этотъ расчетъ, если онъ дѣйствительно былъ, вполне оправдался. Галицкіе украинцы такъ сильно дорожили своими національными цѣнностями, что передъ перспективой утраты ихъ, не колеблясь, ринулись въ бой со своими кровными братьями. Не трудно отсюда усмотрѣть, какой громадной силы факторъ государственнаго притяженія не только для російскихъ, но и для галицкихъ украинцевъ могло бы создать простое удовлетвореніе ихъ насущныхъ національныхъ потребностей въ предѣлахъ русскаго государства! Вздорная легенда о мазепинствѣ въ такомъ случаѣ и не появилась бы на свѣтъ Божій.

Пусть бы печальное прошлое послужило хоть урокомъ для будущаго. Лучше поздно исправить очевидную ошибку, чѣмъ продолжать ее безконечно. Рѣшительная перемѣна курса въ украинскомъ вопросѣ могла бы не только загладить тяжелое впечатлѣніе отъ дѣятельности въ Галичинѣ, но и сильнѣйшимъ образомъ укрѣпить чувство неразрывной связи всего украинскаго племени съ русскимъ государствомъ.

О. Липовецкій.

Непотухшій огонь.

За все время существованія російскаго парламента въ Таврическомъ дворцѣ въ первый разъ принять запросъ объ украинцахъ.

Многознаменательное, наводящее на многія размышленія событіе.. Да, событіе. Для Думы, для русскаго общества, для самихъ ораторовъ, внесившихъ запросъ, это, собственно, пустякъ, но для насъ, украинцевъ, даже слегка конфузющихся, когда о насъ благосклонно упоминають, для насъ это большое, новое явленіе, заставляющее подумать.

И вотъ невольно думается: почему вдругъ о насъ вспомнили? Почему увидѣли то, чего рѣшительно никто до сихъ поръ не скрывалъ, ни мы, которыхъ всячески запрещали, сокращали, высмѣивали, гнали, оскорбляли,—ни сокращавшіе и оскорблявшіе насъ? Больше: почему среди предъявившихъ запросъ оказались тѣ, которые и гнали насъ, и оскорбляли, и къ кому, собственно, тоже можно предъявить не малый „запросъ“? Неужели люди, засѣдающіе въ Таврическомъ дворцѣ, сдѣлались болѣе проницательными? Или же чувствительнѣе, добрѣе, отзывчивѣе?

Въ политикѣ чувствъ, говорятъ, нѣтъ. Не знаю, вѣрно ли вообще это положеніе, но что въ данномъ случаѣ не эти чувства заставили депутатовъ вспомнить о насъ, то на этотъ счетъ двухъ мнѣній, кажется, быть не можетъ.

Чувство, можетъ быть, справедливости?

Нѣтъ, врядъ ли. Вотъ развѣ чувство чисто логической, математической, холодно-разсудительной справедливости, это, пожалуй, вѣрно. Кто говоритъ А, тотъ обязанъ говорить и Б.

Но и это не совсѣмъ то. Мы въ данный моментъ являемся просто маленькимъ, лишнимъ козыремъ въ игрѣ, который повредить не можетъ, а при случаѣ, гляди, и пользу принесетъ.

Да и неловко: обновленіе жизни, переустройство устоевъ, вездѣ предполагается блескъ лака, стиль мо-

дернъ, и вдругъ торчитъ на самомъ виду что-то угрюмо-старое, нелѣпое, безобразное. Надо сгладить, отодвинуть куда-нибудь въ сторонку. Но все-таки не пройти съ тѣмъ видомъ, что раньше, будто ничего не торчитъ, и все обстоитъ, какъ слѣдуетъ.

Пожалуй, и насъ даже подведутъ подъ лакъ и стиль модернъ, разрѣшатъ намъ нашу прессу („бѣдненькая-то какая она у васъ!“), пожалуй, похлопаютъ насъ милостиво по плечамъ и скажутъ: не бойсь, никто не обидитъ.

Но мы-то, мы, умилимся ли мы и восчувствуемъ эту милость? Мы-то возликуемъ ли, видя, какъ вокругъ насъ идетъ и шумъ и трескъ переустройства, какъ вкусно пахнетъ новой краской, глиной, тесомъ и лакомъ?

Я боюсь, что мы не восчувствуемъ всего этого. Какъ граждане, какъ члены того или другого класса, коему на пользу переустройство, мы будемъ и радоваться и строить. Но какъ члены нации, какъ объекты вотъ того угрюмо-нелѣпаго, хоть и подведенные подъ лакъ, мы будемъ сумрачно стоять въ сторонкѣ и съ горечью, и съ болью слѣдить за строительской суетой. Пожалуй, не въ одномъ сантиментальномъ сердцѣ зазвучитъ старенькое: „Не для меня придетъ весна“. Не одна украинская рука, работая киркой надъ фундаментомъ новой политической жизни, нѣтъ-нѣтъ да и замретъ, да и задумается: а я-то тутъ при чемъ? Въдѣ фундаментъ нашей жизни, національной, останется тотъ же. Въдѣ мы попрежнему будемъ побивать рекордъ неграмотности и рецидивовъ къ оной. Въдѣ попрежнему нашъ мужикъ будетъ уродовать душу свою, раболѣпствуя передъ языкомъ „благороднымъ“, изъясняя тайнымъ и явнымъ презрѣніемъ воистину благородныя силы и инстинкты своей природы человѣческой—любовь къ родному, испытанному, отобранному въ борьбѣ за существованіе, и ради „лакомства нещасного“, попирая солидарность цѣлаго. Попрежнему культура народа, равнаго по объему народу французскому, будетъ тлѣть, какъ костеръ, заваленный мокрой, тяжелой соломой. И попрежнему мы, интеллигенты, сознательные украинцы, будемъ ходить возлѣ этого не потухшаго и не горящаго костра, украдкой, самоотверженно, подставляя руки подъ удары стерегущихъ гнетущую мокрую солому, будемъ отрывать по соломинкѣ и отбрасывать. Все останется, какъ было.

И что намъ отъ того, если вокругъ будетъ и свѣтло, и

ново, а у насъ по-старому будутъ слезиться глаза отъ дыма нашего придавленного, заваленнаго, дорогого, близкаго намъ костра, у котораго намъ все-жъ таки теплѣ всего.

Вѣдь насъ будутъ попрежнему бить по рукамъ, если мы посмѣемъ сбросить съ него солому, по тѣмъ самымъ рукамъ, на которыхъ, быть можетъ, еще не засохнетъ кровь отъ кирки. И мы останемся все тѣми же умильными, трогательными чудаками, которые вотъ уже много десятковъ лѣтъ тянутся битыми пальцами къ дымящему костру.

Но не такъ тяжелы битые пальцы, какъ тяжело носить накапливающуюся энергію—энергію подвижничества, переходящую по законамъ движенія и претворенія во что-то другое.

Мы уже входимъ въ новую стадію, мы уже слишкомъ много, слишкомъ остро и больно чувствуемъ и сознаемъ, что мы—украинцы. Намъ уже нужно забвеніе себя, то полное здоровья и силы забвеніе, которое не понимаетъ національности и можетъ даже позволить себѣ роскошь интернационализма.

Насъ, украинскую интеллигенцію, часто называютъ „партіей“. Называютъ такъ либо политическіе младенцы, изрекающіе умныя слова изъ подражанія старшимъ, либо поддѣлывающіеся подъ младенцевъ гніющіе, сюсюкающіе старички. Но иногда устами младенцевъ глаголетъ истина, если не въ полномъ объемѣ, то хоть съ какой-нибудь стороны. И вотъ съ одной стороны младенцы уловили кончикъ истины; да, всѣ мы, сознательные украинцы, начиная отъ социалистовъ и кончая шовинистами-юдофобами, всѣ мы имѣемъ на себѣ печать чего-то одного, общаго намъ всѣмъ. Мы всѣ—члены одной не партіи, а секты, большой, быть можетъ, уже миллионной, но все-таки только секты. Кому это лестно, тотъ можетъ сравнить себя съ христіанами первыхъ вѣковъ, а членовъ неугнетенныхъ націй съ христіанами современными. Современный христіанинъ говоритъ: я—христіанинъ—и ничего особеннаго при этомъ не чувствуетъ и не ждетъ. А христіанинъ первыхъ вѣковъ, называя себя христіаниномъ, относился къ этому иначе. Онъ чувствовалъ и въ себѣ, и вокругъ себя это слово, онъ ощущалъ его съ болью, гордостью, съ готовностью воспринять за него тутъ же и обиду, и насмѣшку, и страданіе.

Я думаю, что многіе украинцы не найдутъ въ моей аналогіи большой натяжки. Но не знаю, многіе ли готовы сохранить за собой это лестное уподобленіе первымъ христіа-

намъ. Многіе ли удовольствуются ролью подвижниковъ, не захотятъ ли стать простыми, здоровыми, сильными людьми, обращающими силу и здоровье свое на развитіе жизни, а не на борьбу за нее?

Впрочемъ, дѣло сейчасъ не въ хотѣніи, а въ необходимости. Хотѣть мы можемъ многого, но не всякое хотѣніе обладаетъ упорной, всесокрушающей, неотвратимой силой необходимости. Можно хотѣть совершить путешествіе на Марсъ, можно даже вѣрить, что, когда прекратится въ человѣчествѣ расовая и классовая борьба, когда колоссальныя силы, уходящія на эту борьбу, будутъ обращены на познаніе міра,—путешествіе на Марсъ будетъ возможнымъ. Но ясно, что подобное хотѣніе въ настоящій моментъ человеческой исторіи не только необходимостью не обладаетъ, но даже сколько-нибудь активностью.

Однако бываютъ и другія хотѣнія. Напримѣръ, хотѣніе социализма. Развитіе капитализма въ нѣкоторыхъ странахъ дошло до той мѣры, когда обобществленіе средствъ производства и распредѣленія изъ области хотѣнія переходитъ въ область прямой потребности. Активность такого хотѣнія требуется самой жизнью.

Но есть еще родъ хотѣній, которыя прямо и опредѣленно ставятъ вопросъ: либо жизнь, либо смерть, но стоять на одной точкѣ уже невозможно.

И вотъ къ подобнымъ хотѣніямъ относится наше хотѣніе быть самими собою, не чувствуя этого. Энергія нашего стремленія къ утвержденію себя перешла границы накопляемости и должна претвориться въ то, къ чему стремиться.

Первымъ реальнымъ, насущнымъ, необходимымъ этапомъ реализаціи воли къ утвержденію себя есть сліяніе съ націей. Мы, повторяю, сознательные украинцы, въ силу несчастныхъ условій нашей національной жизни, всегда принуждены противопоставлять себя тому цѣлому, часть котораго составляемъ. Мы всегда чувствуемъ себя познавшими истину и претерпѣвающими за нее, мы перманентно пребываемъ въ положеніи зовущихъ къ этой истинѣ цѣлое, оставшее отъ насъ.

Наша истина—очень проста. Мы—украинцы и хотимъ въ качествѣ таковыхъ жить, развиваться и творить. Мы хотимъ тратить какъ можно меньше силъ на средства развитія, а потому стоимъ за тѣ психо-физическіе, этнографи-

ческіе, историческіе и прочіе навыки, привычки и особенности, которые выработались нашимъ народомъ за его долгую жизнь. Мы считаемъ преступленіемъ по отношенію къ развитію жизни мѣнять эти навыки на другіе, подобные же, и тратить силы на усвоеніе ихъ. Нераціонально и неумно заставлять многомилліонный народъ повергать свою духовную и даже физическую природу ради... ради цѣлей, ни въ коемъ случаѣ не соотвѣтствующихъ интересамъ развитія жизни.

Эту истину должна сознательно принять украинская нація во всемъ ея объемѣ. Безсознательно она приняла ее съ первыхъ шаговъ своего существованія, и тѣмъ, что сохранилась и живетъ, какъ нація, прекрасно это доказываетъ. Но этого мало для созиданія цѣнностей. Инстинктивная сила націи способна бороться за свое существованіе, но она не въ состояніи планомѣрно, цѣлесообразно направлять его. Для этого необходима сознательная воля.

И вотъ первымъ толчкомъ къ пробужденію этой воли должна служить родная школа. Не касаясь уже того, что національная школа является безъ всякаго сравненія лучшимъ средствомъ для усвоенія познаній, предлагаемыхъ въ ней дѣтямъ, она укрѣпляетъ, узаконяетъ, облагораживаетъ тѣ цѣнности, которыя добыты націей до сихъ поръ. „Мужицкій“, „хохлацкій“, „деревенскій“ языкъ становится языкомъ книги и письма, а потому приобрѣтаетъ новыя свойства, теряя старыя.

Школа сразу объединяетъ въ одно компактное, определенное, оформленное цѣлое распыленные массы „хохловъ“, „мужиковъ“, „малороссовъ“ и „украинцевъ“, составляющихъ народъ Украины. Тогда мы, сознательные украинцы, перестаемъ быть подвижниками и сливаемся съ націей. Тогда мы вступаемъ на путь созиданія.

Школа распутываетъ социальную путаницу и ненормальныя положенія, когда ради національныхъ интересовъ группы, различныя по своимъ социальнымъ цѣлямъ и идеаламъ, принуждены вступать въ коалиціи въ ущербъ своимъ классовому и групповому сознанию и достиженіямъ.

Школа насъ вводитъ въ кругъ организованныхъ націй и международныхъ интересовъ.

Поэтому въ скорѣйшемъ завоеваніи этого перваго средства къ развитію національнаго существованія Украины заинтересованы всѣ группы и классы ея.

Не только шовинисты, провозглашающие „Украина—для украинцев“, но и тѣ теченія, которыя полагаютъ смыслъ жизни въ гармоническомъ, братскомъ сожитіи всѣхъ націй міра,—не могутъ существовать безъ родной школы. И естественно, что всѣ теченія, какъ бы они въ другихъ отношеніяхъ не рознились другъ отъ друга, на этомъ должны сойтись. Несомнѣнно, они сейчасъ же разойдутся въ разныя стороны, какъ только достигнуть этой общей цѣли. Несомнѣнно, что тотчасъ же возгорится борьба за это самое достиженіе, за то или иное дальнѣйшее направленіе его. Но это-то и есть нормальный порядокъ вещей, ибо, гдѣ борьба, тамъ—движеніе, а въ движеніи есть жизнь.

И мнѣ кажется, что не будетъ ошибкой, если мы свою волю къ утвержденію себя будемъ теперь реализовывать. Война и тотъ прессъ, которымъ за это время сжали нашу волю,—сгустили ее и довели до высокой степени отпорности, густоты и напряженія. Мы больше не можемъ сгущаться и сжиматься, всему есть предѣлъ,—собранной, интенсифицированной энергіи долженъ быть данъ выходъ.

Націоналізація, украинизація школы—вотъ конкретный, настоятельный, неотложный пунктъ, къ которому въ сферѣ чисто національныхъ, культурныхъ достиженій должна быть устремлена наша энергія. Не откладывая и не упуская изъ виду и дѣйствія прочихъ нашихъ задачъ, осуществленіе которыхъ зависитъ отъ той или иной формации различныхъ теченій, мы на этомъ пунктѣ можемъ и должны всѣ притти къ соглашенію и направить наши усилія въ одномъ направленіи.

Какъ осуществить это соглашеніе?

Мнѣ кажется, что большой трудности это не представило бы.

Прежде всего, всѣ общественныя теченія и группы могли бы образовать одинъ центръ, въ вѣдѣніи котораго находилось бы специально это устремленіе, что-нибудь въ родѣ школьнаго совѣта. Совѣтъ могъ бы взять на себя координированіе мѣропріятій и планомѣрнаго проведенія ихъ въ жизнь. Онъ же могъ бы взять на себя организацію національнаго школьнаго фонда.

Въ выборѣ путей и средствъ осуществленія также не было бы затрудненія. Прежде всего мы должны были бы направить нашу энергію въ то мѣсто, откуда естественнѣе всего ждать разрѣшенія поставленнаго вопроса, а именно

въ Государственную Думу. Мы должны были бы раскрыть передъ ней всю картину нашего хотѣнія и дать ясно понять, что это уже не хотѣніе, а необходимость. И если бы каждый городъ, деревни, фабрики, заводы, различные научныя, политическія, культурныя и прочія институціи, студенты, рабочіе, крестьяне, учителя, приказчики, помѣщики, священники рядомъ высказываній устремились къ депутатамъ, если бы потокъ приговоровъ, резолюцій, петицій все не прекращался, то это лучше всего обрисовало бы наше хотѣніе, претворившееся въ абсолютную необходимость.

Мы могли бы также воздѣйствовать на русское общество, нѣкоторыя теченія котораго должны принять наши требованія въ силу характера своего направленія. Съ этой цѣлью мы должны были бы также цѣлымъ потокомъ статей и работъ влиться въ русскую прессу, не переставая выяснять и требовать.

Мы должны были бы обратить особенное вниманіе на изданіе книгъ и брошюръ по школьному украинскому вопросу, какъ на русскомъ, такъ и на украинскомъ языкахъ.

Средствъ и путей много; энергіи много; упущеннаго времени и бесполезно истраченныхъ силъ много; жертвъ еще больше. Не пора ли серьезно, рѣшительно, съ твердой волей взяться за мокрую солому и дать выходъ не потухшему, но и не горящему огню?

В. Винниченко.

Стокгольмъ 1/14—IX—15.

Есть ли украинская жизнь?

Что журналъ „Украинская Жизнь“ существуетъ,—для меня нѣтъ сомнѣнія, ибо въ Москвѣ не запрещается то, чего нельзя заводить въ Кіевѣ, Черниговѣ, или Харьковѣ; но есть ли жизнь украинскаго народа и въ чемъ она проявляется? Этотъ вопросъ въ послѣднее время меня начинаетъ занимать очень сильно.

Когда-то жизнь этого второго по величинѣ народа славянскаго проявляла себя въ существованіи юго-западнаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества; когда отдѣлъ этотъ былъ уничтоженъ, лѣтъ 25 существовала „Кіевская Старина“, позже—„Літературно-Науковий Вістник“, „Записки“ двухъ „Наукових Товариств“ во Львовѣ и въ Кіевѣ, околѣ десятка періодическихъ изданій разныхъ сроковъ и форматовъ, среди которыхъ „Рада“ считалась выразительницею политическихъ думъ представителей второго по величинѣ и русскаго и славянскаго народа...

Но оставимъ прошлое: въ прошломъ было безгласіе. Поэтъ про него такъ говорилъ:

„Од Молдованина до Фінна
На всіх языках все мовчить,
Бо благоденствує!“

Теперь же, въ годину тяжкихъ испытаній того государства, первую завязь котораго въ Кіевѣ и вокругъ него до Перемышля съ одной стороны и до Дона съ другой закладывалъ южно-русскій народъ, уже не молчатъ народы, населяющіе русское государство. Напротивъ того, всѣ они громко на весь свѣтъ говорятъ о томъ, что нужно сдѣлать для того, чтобы побѣдить врага. И прибалтійскіе нѣмцы, и поляки, и эсты, и латыши, и литовцы, и евреи, и армяне, и мусульмане, и мусульманскіе народы, слѣдовательно, и болѣе и менѣе привилегированные не молчали въ первомъ засѣданіи Государственной Думы. Всѣ они говорили и объ общей опасности всего государства и о своихъ національ-

ныхъ интересахъ. Но не было произнесено ни слова отъ имени украинскаго народа, того народа, которому по вопросу о царьградско-дарданельскомъ выходѣ въ Средиземное море принадлежитъ первый голосъ въ семьѣ народовъ русскаго государства!

Что же это значить? Большая часть украинскаго народа въ Галичинѣ разорена въ конецъ главнѣйшими симптомами войны; дѣти этого народа, какъ и польскаго, сражались и сражаются въ войскахъ обѣихъ сторонъ; несомнѣнно, что громадныя массы этого народа ждутъ отъ окончанія войны того освобожденія, о какомъ говорилъ Верховный главнокомандующій, и при всемъ этомъ изъ всѣхъ народовъ только этотъ народъ на выставкѣ народовъ русскаго государства молчалъ?

Или въ самомъ дѣлѣ жизнь этого народа замерла подъ нажимами административныхъ усмотрѣній и подтасовками выборовъ въ Государственную Думу, или это только кратковременное недоразумѣніе, которое по окончаніи войны разрѣшится и уяснится?

Если „Украинская Жизнь“ осталась единственнымъ печатнымъ органомъ, гдѣ можно хоть что-нибудь услышать о жизни украинскаго народа, то я приглашаю всѣхъ знакомыхъ съ жизнью этого народа высказать свои мнѣнія о томъ, почему въ Государственной Думѣ при ея открытіи въ 1915 году никто не сказалъ ни слова объ украинскомъ народѣ?

А. Русовъ.

Въ гостяхъ у галицкаго заложника.

Нынѣшняя наша освободительная война въ Галиціи породила двѣ своеобразныхъ институціи,—это: 1) заложники изъ оккупированныхъ нами въ Галиціи мѣстностей и 2) мѣста заключеній, т. наз. „патронаты“.

Извѣстно, что при отступленіи нашихъ войскъ изъ Галиціи организованныя тамъ гражданскія власти, уходя, забирали съ собою въ качествѣ заложниковъ видныхъ мѣстныхъ гражданъ изъ числа поляковъ, украинцевъ, евреевъ. Это не тѣ мирные жители Галиціи, которые не сумѣли заслужить благоволенія начальства и были арестованы и высланы въ Россію, а именно тѣ, которые какъ-будто бы сумѣли этого достигнуть и во время нашей оккупации пользовались—относительной, конечно, доступной и всѣмъ кореннымъ россійскимъ гражданамъ—свободой. Вотъ изъ такихъ-то мирныхъ жителей Галиціи разной національности набраны нашей галицкой гражданской администраціей при ея отходѣ изъ Галиціи тѣ многочисленные кадры „заложниковъ“,—неизвѣстно, что намъ гарантирующихъ,—судьба которыхъ вызвала къ жизни другую не менѣе своеобразную институцію, нежели эта институція заложниковъ,—„патронаты“. Послѣднія ничѣмъ не отличаются отъ государственныхъ тюремъ (тѣ же рѣшетки, та же полицейская администрація), кромѣ того, что они предназначаются исключительно для галицкихъ заложниковъ и содержатся на общественныя средства. Такихъ тюремъ въ Кіевѣ три. Пальма первенства принадлежитъ евреямъ. У нихъ самая обширная тюрьма—на 700 душъ, кажется. Польская тюрьма—на 100 душъ. И, наконецъ, обзавелись своей собственной національной тюрьмой съ дозволенія начальства и украинцы.

Проѣздомъ черезъ Кіевъ мнѣ представился случай познакомиться съ однимъ изъ заложниковъ-украинцевъ и побесѣдовать съ нимъ о перипетіяхъ его заложничества. Это—добродушный деревенскій батюшка, униатскій, конечно, который, несмотря на всю тяжесть своего положенія, нахо-

дѣть возможнымъ разсказывать о своихъ мытарствахъ съ присущимъ украинцамъ юморомъ.

Онъ былъ священникомъ въ мѣстечкѣ, недалеко отъ російской границы. Во время перваго же нашего наступленія это мѣстечко оказалось въ районѣ военныхъ дѣйствій. Австрійское правительство не заставляло мирныхъ жителей оставлять свои гнѣзда и выселяться изъ занимаемыхъ непріятелемъ мѣстностей, но передъ ужасомъ наступленія непріятельскихъ войскъ каждый невольно старался бросить все и уйти подальше отъ района военныхъ дѣйствій. Батюшка приложилъ всѣ старанія, чтобы успокоить населеніе, удержать его отъ бѣгства съ насиженныхъ гнѣздъ. „Куда вы пойдете?—говорилъ онъ своей паствѣ.— На разореніе! На голодную смерть! Вѣдь мы не солдаты, съ нами воевать не будутъ! Придется, можетъ быть, и намъ пострадать, но, можетъ, Богъ дастъ, проза пронесется и мимо насъ! Убѣжите, все потеряете, а останетесь, то все-же вамъ легче будетъ перенести грозу дома, на насиженныхъ гнѣздахъ! И русскихъ вамъ особенно бояться нечего. Развѣ вамъ такъ хорошо было при нынѣшнихъ порядкахъ? А можетъ быть, будетъ и лучше! Все-же они намъ ближе польскихъ пановъ. Положитесь на волю Божию, Онъ лучше знаетъ, что кому нужно, и сидите смирно дома“. Однимъ словомъ, батюшка, проповѣдуя покорность волѣ Божіей, употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы удержать мирное населеніе на мѣстахъ, успокоить его и подготовить къ принятію русскихъ.

Но вотъ военная гроза пришла и прошла „парафію“ батюшки, населеніе испило до дна горькую чашу, преподнесенную ему богомъ войны, и мѣстечко очутилось въ тылу русской арміи. Черезъ него проходили только резервы. „И шли они, шли, какъ вода весною, и казалось, нѣтъ конца и краю этому потоку войскъ, казалось, что они зальютъ всю Европу и нѣтъ той силы, которая могла бы имъ противустоять!“—говорилъ мнѣ батюшка.

Начался второй періодъ. Появились гражданскія власти, появились миссіонеры, православные батюшки и всѣ наши прославленные культуртрегеры. Все оказалось гораздо хуже, нежели можно было предположить. Но сила соломѣ ломить. И батюшка безропотно подчинился всему, что творилось вокругъ него.

Въ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ батюшка, поселился и окружной

(или уѣздный) начальникъ, „тоже майороссъ“, прекрасно знающій украинскій языкъ, на которомъ и изъяснялся съ мѣстнымъ населеніемъ. Относительная корректность, родной языкъ въ обращеніи были причиной того, что у батюшки съ начальствомъ установились, повидимому, самыя лучшія отношенія. „Я къ нему ходилъ на чай, онъ ко мнѣ“,—говорилъ батюшка. Конечно, культурная работа,—безпощадная борьба съ „мазепинствомъ“, т. е. уничтоженіе всѣхъ культурно-національныхъ достижений мѣстнаго украинскаго населенія и возвращеніе его къ „вѣрѣ отцовъ“,—процвѣтала также и въ данномъ округѣ. Но батюшка закрывалъ на это глаза, отдаваясь на волю Господню. Начались соблазны и самого батюшки. „А вы бы, батюшка, все-таки съѣздили къ владыкѣ (Евлогію)!“—говорило начальство за стаканомъ чая. „Да зачѣмъ же я къ нему поѣду?“—„Я вѣдь по вашимъ церковнымъ дѣламъ мало понимаю. А онъ бы васъ убѣдилъ. А я бы далъ о васъ самую лучшую аттестацію. Васъ бы сдѣлали благочиннымъ, дали камиллавку, крестъ!“—соблазняло начальство.—„Да я вѣдь и такъ деканъ (по-нашему, благочинный) и награды имѣю. Но къ чему мнѣ все это? Вѣдь мнѣ 67 лѣтъ, неприлично мнѣ мѣнять вѣру на старости лѣтъ“,—защищался батюшка. И такіе соблазны и упорствованіе, хотя въ самой деликатной формѣ, продолжались все время. „А все-таки вы попробуйте бы побывать у владыки!“—„Да къ чему? Не пристало мнѣ“.

Но вотъ началось отступленіе русскихъ войскъ.

Начальство начинаетъ убѣждать батюшку, что онъ долженъ уѣхать съ нимъ въ Россію, что за его дружественное отношеніе къ русскимъ его ждетъ со стороны австрійцевъ всяческая кара. Батюшка пробовалъ-было отговориться, что онъ не можетъ оставить свою паству и что ему, по старости лѣтъ, нечего уклоняться отъ посылаемыхъ Богомъ испытаній. Но, когда наступилъ часъ эвакуаціи русскихъ властей, начальство заявило, что батюшка долженъ его сопровождать, что таково распоряженіе высшаго начальства, что его не могутъ оставить на потокъ и разграбленіе австрійцамъ и что пусть онъ не боится, такъ какъ въ Россіи ждутъ его всяческія блага. Волей-неволей пришлось ѣхать. Выѣхали съ начальствомъ вмѣстѣ, какъ-будто совсѣмъ по-хорошему. Но когда переѣхали русскую границу и достигли гор. Л., батюшку

неожиданно арестовали, отобрали все его имущество, деньги и посадили въ тюрьму вмѣстѣ съ татями и разбойниками. Такого пассажа батюшка никакъ не ожидалъ. На его недоумѣнные вопросы ему разъяснили, что его вывели какъ заложника. Въ л—кой тюрьмѣ онъ просидѣлъ 17 дней, затѣмъ его перевезли въ Кіевъ и тоже посадили въ тюрьму. Вещи и деньги здѣсь ему возвратили, но за честь пребыванія въ л—кой тюрьмѣ удержали 2 р. Какъ видите, честь не особенно дорогая! Въ Кіевѣ, благодаря ходатайству дамъ-патронессъ, батюшкѣ удалось перемѣститься въ польскую общественную тюрьму. „Як бачите, діждався панської ласки!“—шутиль онъ. Наконецъ, батюшку удалось взять на поруки, и теперь онъ пользуется относительной свободой. Только ежедневно обязанъ являться въ полицейское управленіе. Его нынѣшнее положеніе дало и мнѣ возможность съ нимъ познакомиться и выслушать его безхитростный разсказъ.

Батюшка переносить выпавшее на его долю испытаніе съ чисто христіанскимъ смиреніемъ, рѣчь свою пересыпаетъ юморомъ, говоритъ о пользѣ своего невольнаго путешествія, объ успѣхахъ въ русскомъ языкѣ (онъ уже знаетъ десятка два нужнѣйшихъ россійскихъ словъ) и своимъ юморомъ, своимъ добродушіемъ невольно заражаетъ и своего собесѣдника. Но стоитъ обратиться отъ внѣшней формы къ внутреннему содержанію его разсказа: вспомнить о тѣхъ чувствахъ, какія онъ испытывалъ, когда ломалось все то святое, чему онъ служилъ весь свой долгій вѣкъ; вспомнить, что онъ долженъ былъ пережить и переживаетъ, когда его разъединили съ семьей, которая, оставшись безъ главы семьи, уѣхавшаго неизвѣстно зачѣмъ въ Россію, дѣйствительно, можетъ навлечь на себя подозрѣнія австрійскаго правительства, и отъ которой онъ не можетъ имѣть никакихъ вѣстей; если представить себѣ, что долженъ переживать этотъ старикъ теперь, уже стоящій у края своей могилы, вдали отъ той земли, въ которой онъ надѣялся сложить свои кости, и, честно послуживши ей, надѣялся, что онъ заслужилъ покой для себя въ родной землѣ, и если параллельно съ этимъ обратить вниманіе на то, что эти заложники намъ совершенно не нужны, рѣшительно ничего намъ не гарантируютъ, то будетъ всѣмъ, даже слѣпому, ясно, что все это забираи́е нами заложниковъ изъ оставленной нами Галиціи представляется совер-

шенно непонятнымъ. Это, наконецъ, признано и русскимъ правительствомъ, и сдѣлано, кажется, уже распоряженіе объ освобожденіи польскихъ и еврейскихъ заложниковъ. За ними, конечно, послѣдуетъ освобожденіе и украинскихъ.

Исправить это можно, только доказавши, что не русская государственность повинна во всѣхъ ошибкахъ нашего перваго галицкаго наступленія; что несшіе освобожденіе подъяремной Руси „орлы“ не повинны въ тѣхъ ужасахъ, которыхъ натворили налетѣвшіе вслѣдъ за ними въ освобожденную Галицію черные „вороны“, какъ пишетъ еп. Никонъ.

Я слышалъ въ Государственной Думѣ оправданіе Д. Н. Чихачева, что ни онъ, ни его политическіе друзья не повинны въ творившихся въ Галиціи ужасахъ. Но кто же виновенъ? Только назначеніе думской комиссіи для разслѣдованія того, что творилось въ Галиціи можетъ успокоить взволнованныя чувства и вернуть намъ хотя отчасти довѣріе тѣхъ, которыхъ мы собирались объединить съ нами въ одну братскую семью. Иного пути сейчасъ нѣтъ.

І. Луценко.

Буковинская православная церковь.

Украинское население Буковины исповѣдуетъ православіе. До присоединенія къ Австріи Буковина входила въ составъ молдавскаго государства и не знала уніи; живущіе теперь въ Буковинѣ уніаты—въ большинствѣ переселенцы изъ Галиціи и Угорской Руси. Въ церковно-административномъ отношеніи православные буковинцы принадлежатъ къ буковинско-далматинской архіепархіи, которая состоитъ изъ архіепархіи-митрополіи буковинской, обнимающей всю область короннаго края Буковины, епархіи долматинско-истрійской (большая часть Далмаціи и Истрія) и епархіи боко-каторской (южная часть Далмаціи и южно-далматинскіе острова).

Буковинская митрополія образована изъ епархіи радовецкой, основанной въ началѣ XV в. въ г. Радовцахъ (городъ этотъ существуетъ и теперь въ Буковинѣ). Юрисдикціи этой епархіи подлежала сѣверная, украинская, часть нынѣшней Буковины, при чемъ епископъ радовецкій подчиненъ былъ архіепископу сучавскому. Въ 1564 г., съ перенесеніемъ столицы молдавскаго княжества въ Яссы, перешла туда же и кафедра сучавскаго архіепископа, получившаго титулъ митрополита; въ зависимости отъ ясскаго митрополита радовецкая епархія находилась до перехода Буковины къ Австріи. Въ 1781 г. кафедра епископа радовецкаго перенесена въ Черновцы, съ подчиненіемъ буковинской епархіи сербскому патріарху карловецкому, пока въ 1873 г. не была образована самостоятельная буковинско-далматинская митрополія въ современномъ ея составѣ.

Буковинская церковь конституирована особымъ „Духовнымъ регламентомъ“, который изданъ (1786 г.) императоромъ Іосифомъ II и до настоящаго времени служить, въ главнѣйшихъ своихъ положеніяхъ, основаніемъ устройства православной церкви въ Буковинѣ. Однимъ изъ важнѣйшихъ въ практическомъ отношеніи положеній регламента было учрежденіе „религіознаго фонда“ изъ всѣхъ недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ и наличныхъ денегъ, принадлежавшихъ монастырямъ и другимъ духовнымъ учрежденіямъ буковинской епархіи. Тѣ изъ 267 церковныхъ

помѣстій, какія по присоединеніи Буковины къ Австріи оказались внѣ предѣловъ австрійской имперіи, были проданы, находившіяся же въ Буковинѣ помѣстья, вмѣстѣ съ образовавшимися отъ продажи капиталами, и составили „религіозный фондъ“. Буковинскій религіозный фондъ исчисляется въ суммѣ свыше 40 милліоновъ флориновъ и является самымъ богатымъ изъ подобнаго рода фондовъ въ Австріи. Первоначально управляла фондомъ духовная администрація, а затѣмъ для управленія имъ образована правительственная комиссія. Средства фонда обращаются на содержаніе духовенства и школъ (такъ, на средства фонда содержатся богословскій факультетъ черновецкаго университета, клирикальная семинарія, школа церковнаго пѣнія, православная высшая гимназія, православное высшее реальное училище), на постройку церквей и другихъ церковныхъ зданій (между прочимъ, построена въ Черновцахъ великолѣпная митрополичья резиденція стоимостью свыше 1½ милліона флориновъ); неизрасходованные остатки отъ доходовъ присоединяются къ основному капиталу, за счетъ котораго производятся различные обороты,—покупаются новыя имѣнія, выдаются ссуды частнымъ лицамъ и правительству и т. п.

Во главѣ буковинско-далматинской архіепархіи-митрополии находится митрополитъ („его эминенція, высокопреосвященнѣйшій архіепископъ г. Черновець и митрополитъ Буковины и Далмаціи“); онъ же является предсѣдателемъ церковнаго синода, въ составъ котораго входятъ, кромѣ митроплита, два другіе архіерея и синодальный канцлеръ. Кромѣ того, синодальные архіереи могутъ приглашать на синодскія засѣданія по одному изъ духовныхъ лицъ своей епархіи съ правомъ совѣщательнаго голоса. Синодъ собирается разъ въ годъ—въ Вѣнѣ, въ православной церкви св. Троицы, если по взаимному соглашенію не избрано для этого другое мѣсто. Въ случаяхъ отсутствія кого-либо изъ архіереевъ допускается замѣщеніе отсутствующаго другимъ духовнымъ лицомъ той же епархіи, по письменному уполномочію епископа. Определенія синода, касающіяся вѣры, христіанской нравственности и церковнаго суда, имѣютъ обязательную силу сами по себѣ; определенія же касательно дисциплины клира и духовныхъ учрежденій представляются предсѣдателемъ чрезъ министра просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ на утвержденіе императора, публикуются

законодательнымъ порядкомъ и приводятся въ исполненіе подлежащими властями.

Внутреннее управленіе каждой изъ епархій, входящихъ въ составъ архіепархіи буковинско-далматинской, принадлежитъ консисторіи и благочиннымъ. Буковинскую духовную консисторію составляютъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита, консисторскій архимандритъ (онъ же—„заступникъ“, т.-е. намѣстникъ митрополита), протопресвитеръ каѳедрального собора, четыре дѣйствительныхъ совѣтника (экономъ, скенофилаксъ, хартофилаксъ, протекдикъ), два почетныхъ засѣдателя. При консисторіи находится канцелярія, состоящая изъ секретаря, актуаріуса, трехъ официаловъ и двухъ акцессистовъ.

Предметы вѣдомства консисторіи и порядокъ ея дѣлопроизводства опредѣляются особымъ уставомъ („регуляминъ“) 1869 г. Консисторія вѣдаетъ дѣла по управленію и распоряженію церковнымъ имуществомъ (надзоръ за имуществами „религіознаго фонда“ и ежегодные отчеты по нему, обсужденіе дѣлъ по пожертвованіямъ въ пользу церкви, надзоръ и наблюденіе за достояніемъ отдѣльныхъ церквей, монастырей и приходскихъ общинъ, обезпеченіе духовенства земельнымъ надѣломъ и опредѣленіе размѣра слѣдующей ему съ прихожанъ платы за совершеніе требъ, назначеніе жалованья и пенсіи духовнымъ лицамъ), дѣла, касающіяся монастырей, а также учебныхъ и воспитательныхъ заведеній духовнаго вѣдомства (принятіе въ монашество, утвержденіе въ должности игуменовъ и вообще управленіе монастырями, завѣдываніе и надзоръ надъ духовною семинаріею и богословскимъ институтомъ, наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія въ народныхъ школахъ), дѣла внѣшняго богослуженія, дѣла личнаго состава и законодательства, дѣла церковнаго благочинія и суда и дѣла по части каѳедрального протоіерея (отправленіе богослуженія въ церквахъ епархіи, соблюденіе религіозныхъ обычаевъ, допущеніе къ рукоположенію кандидатовъ священства, освященіе церквей, завѣдываніе училищемъ церковнаго пѣнія и др.). Какъ видно отсюда, буковинской консисторіи принадлежитъ очень широкій кругъ дѣлъ,—даже такихъ, которыя у насъ обычно принадлежатъ компетенціи епархіальнаго архіерея. По отношенію къ послѣднему буковинская консисторія пользуется нѣкоторой независимостью въ своихъ рѣшеніяхъ. Въ случаѣ постановленія консисторіей рѣ-

шенія, съ которымъ несогласенъ предсѣдательствующій архіерей, послѣдній назначаетъ дѣло къ новому разсмотрѣнію въ ближайшемъ засѣданіи; если члены консисторіи останутся при прежнемъ мнѣніи, архіерей же признаетъ необходимымъ настаивать на своемъ, несогласномъ съ мнѣніемъ консисторіи, то онъ обязанъ представить дѣло, съ приложеніемъ подлиннаго производства, на разрѣшеніе министерства вѣроисповѣданій и просвѣщенія.

Благочинническій надзоръ надъ монастырями соединяется обыкновенно съ должностію консисторскаго архимандрита, который по этой своей обязанности называется сакелларіемъ. Благочинные надъ бѣлымъ духовенствомъ назначаются изъ приходскихъ священниковъ и носятъ названіе окружныхъ протоіереевъ; благочинническихъ округовъ („протопресвитеріатствъ“) въ Буковинѣ 12.

Къ бѣлому духовенству въ Буковинѣ причисляются каѳедральные архипресвитеры, протопресвитеры (протоіереи), parroхи или приходники (самостоятельные настоятели приходо́въ или парохій), парохіальные администраторы (завѣдующіе вакантными приходами), сотрудники (викарные священники, живущіе въ одномъ приходѣ съ настоятелемъ прихода и являющіеся его помощниками), сотрудники-экспозиты (священники небольшихъ поселеній, несоставляющихъ прихода). Всѣхъ священниковъ числится около 400.

Отъ священниковъ въ Буковинѣ требуется столь же высокій образовательный цензъ, какъ и въ Галичинѣ. Въ первой половинѣ XIX в. буковинскіе священники подготавливались въ спеціальной богословской школѣ („архіепископская клирикальная семинарія“). Въ 1875 г., съ открытіемъ черновецкаго университета, учрежденъ при немъ православный богословскій факультетъ со всѣми правами и преимуществами университетскихъ факультетовъ. На богословскій факультетъ поступаютъ окончившіе полный курсъ классической гимназіи съ аттестатомъ зрѣлости. Всѣ студенты-стипендіаты буковинскаго религіознаго фонда живутъ въ семинарскомъ интернатѣ при митрополичьемъ домѣ и подчиняются особому воспитательному режиму подъ высшимъ наблюденіемъ митрополита и непосредственнымъ надзоромъ ректора, въ учебныхъ же факультетскихъ дѣлахъ они обращаются къ декану богословскаго факультета. Курсъ преподаваемыхъ на этомъ факультетѣ наукъ ограничивается предметами богословскими, а изъ не-богословскихъ предметовъ—

украинскій языкъ съ литературою на этомъ послѣднемъ языкѣ составляютъ предметъ самостоятельной каѳедры богословскаго факультета. Студенты-богословы для дополненія своего богословскаго образованія слушаютъ университетскія лекціи и по другимъ наукамъ, въ особенности гуманитарнымъ. Изъ предметовъ богословскихъ они изучаютъ: св. писаніе Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, богословіе догматическое, нравственное и пастырское, исторію христіанской церкви, церковное право, практическое богословіе въ составныхъ его частяхъ—гомилетику, литургику и пр., катихитику, восточные (т.-е. семитскіе) языки; кромѣ того, при каѳедрѣ практическаго богословія для румынской половины студентовъ преподается румынскій языкъ съ литературою. Другая каѳедра практическаго богословія, съ преподавательскимъ украинскимъ языкомъ, учреждена для украинской части студентовъ-богослововъ. Предъ наступленіемъ войны имѣла быть открыта новая украинская каѳедра—исторіи. По окончаніи 4-лѣтняго курса богословскаго факультета студенты-богословы подвергаются государственнымъ экзаменамъ въ присутствіи специально назначенныхъ профессоровъ и командированныхъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ, и только выдержавшіе удовлетворительно государственный экзаменъ имѣютъ право на полученіе священническихъ или законоучительскихъ мѣстъ.

Въ Буковинѣ, какъ и въ Галичинѣ, существуетъ право патроната, и епархіальное начальство считается съ этимъ правомъ при назначеніи священниковъ на приходы. При открывшейся вакансіи консисторія объявляетъ конкурсъ, изъ числа конкурентовъ избираетъ трехъ кандидатовъ, а уже изъ нихъ одного указываетъ патронъ (владѣлецъ помѣстья, въ котромъ расположенъ приходъ) и надѣляетъ его „презентой“ (письменнымъ согласіемъ на принятіе его), послѣ чего избранный назначается на приходъ въ указанномъ выше порядкѣ постепенности священническихъ должностей. Въ помѣстьяхъ, принадлежащихъ лицамъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, право патроната принадлежитъ митрополиту, въ помѣстьяхъ, являющихся собственностью „религіознаго фонда“,—императору.

Къ черному духовенству, кромѣ епископа, принадлежатъ архимандриты (подраздѣляющіеся на архимандритовъ-митрофоровъ, имѣющихъ право надѣвать при богослуженіи митру, и на архимандритовъ-ставрофоровъ, которые носятъ

при богослуженіи особый архимандричій крестъ на груди), протосингелы, іеросхимонахи, іеромонахи (по административнымъ должностямъ—игумены, намѣстники), іеродіаконы и просто монахи. Для высшихъ монашескихъ степеней обязательно университетское богословское образованіе.

Мужскія и женскія обители, существовавшія въ Буковинѣ подъ именемъ монастырей и скитовъ, духовнымъ регламентомъ Іосифа II были упразднены, за исключеніемъ трехъ монастырей—Путна, Сочавица, Драгомирна. Мотивировалась эта мѣра тѣмъ, что для общаго блага жителей страны и для блага самого духовенства монастыри должны быть обращены въ такія учрежденія, которыя служили бы не притономъ для тунеядцевъ, но мѣстомъ, въ которомъ находили бы для себя кровъ и пропитаніе священники, немогушіе продолжать свое пастырское служеніе по преклонности лѣтъ или по болѣзни. Въ каждомъ изъ трехъ монастырей положено по штату не болѣе 25 человѣкъ братіи, но ни въ одномъ изъ нихъ число монашествующихъ не доходитъ до полнаго комплекта: во всей епархіи числится около 50 монаховъ.

Буковинское духовенство въ идейномъ отношеніи уступаетъ галицкому. Оно не спаяно съ народомъ такимъ живымъ чувствомъ національнаго единства, какъ это видимъ въ Галичинѣ, и въ меньшей степени проникнуто жизненными интересами своей паствы. Въ этомъ случаѣ разлагающее вліяніе (правда, въ меньшей степени, чѣмъ въ Угорской Руси, но все же весьма значительное) оказали на него тѣ національно-ассимиляторскія тенденціи, которыя упорно проводились высшею духовною властью и мѣшали ему слиться съ паствою въ одинъ живой и дѣятельный національный организмъ. Въ тѣхъ приходяхъ,—а такихъ становилось все больше,—гдѣ національно-сознательные элементы духовенства пошли противъ административнаго теченія, тамъ общественная и даже религіозная миссія духовенства осуществлена полнѣе.

Въ православной буковинской церкви, какъ и въ униатско-галицкой, въ значительной мѣрѣ находятъ откликъ и удовлетвореніе національныя потребности паствы. Пастырскія посланія, объявленія и предписанія консисторіи, если они касаются всей епархіи,—издаются на разговорныхъ языкахъ населенія, если же касаются отдѣльныхъ общинъ,—приноровляются къ языку этихъ послѣднихъ. При составленіи комиссій, а также при

обозрѣніи церквей протоколы должны быть изготовляемы на мѣстномъ языкѣ или на томъ, на какомъ пожелаютъ мѣстные жители. Отвѣты на прошенія частныхъ лицъ даются консисторіей на томъ языкѣ, на какомъ написаны самыя прошенія. Съ правительственными мѣстами консисторія сносится на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ буковинскомъ епархіальномъ управленіи преобладающее значеніе получилъ элементъ румынскій. Во главѣ епархіи послѣдовательно стояли румыны или шовинистически настроенные румынофилы, каковыми въ особенности были три послѣдніе митрополита—Сильвестръ Мораръ-Андріевичъ, Аркадій Чуперковичъ и нынѣшній Владиміръ Репта, являвшіеся ревностными румынизаторами украинскаго населенія. Они сумѣли создать перевѣсъ румынскаго элемента и въ консисторіи: большинство членовъ консисторіи—румыны или румынофилы. Такое положеніе тѣмъ болѣе ненормально, что въ епархіи преобладаетъ населеніе украинское (305 тыс. противъ 273 тыс. румынъ). Поэтому уже давно возникла мысль о раздѣленіи буковинской епархіи на двѣ—по національному составу паствы. Въ 1899 г. депутаты буковинскаго сейма обратились къ буковинскому митрополитскому синоду съ меморіаломъ, въ которомъ, изображая бѣдственное положеніе украинской паствы вслѣдствіе румынизации приходовъ съ украинскимъ населеніемъ, ходатайствовали о томъ, чтобы буковинская митрополія была раздѣлена на двѣ—украинскую и румынскую или, если это пока неудобноисполнимо, чтобы, по крайней мѣрѣ, митрополитъ и его викарій были назначаемы попеременно изъ среды украинскаго и румынскаго духовенства и чтобы буковинская консисторія была раздѣлена на двѣ національныя секціи. Такое требованіе раздѣляла и та часть духовенства, все болѣе и болѣе возрастающая, которая проникнута идеей національнаго возрожденія украинской Буковины. Планъ раздѣленія митрополіи на двѣ части былъ, однако, невыгоденъ для правящихъ духовныхъ круговъ, для которыхъ, помимо матеріальныхъ потерь, суживалась и сфера административнаго ихъ значенія, и потому высшіе духовные круги всѣми силами противились осуществленію этого плана. Въ томъ же году созванъ былъ въ Черновцахъ съѣздъ духовенства, и послѣднему инспирирована была резолюція о нераздѣльности буковинской митрополіи,—между прочимъ, въ виду яко бы традиціоннаго мирнаго сожителя-

ства обоихъ православныхъ народовъ края, а также изъ опасенія, чтобы раздѣленіе митрополіи не повело къ ея ослабленію. Но и этотъ съѣздъ, дѣйствовавшій подѣ сильнымъ давленіемъ епархіальной власти, все же призналъ наличность многихъ ненормальностей въ національныхъ отношеніяхъ буковинской церкви и въ своемъ обширномъ меморіалѣ выставилъ такія требованія, которыя въ сущности воспроизводили минимальную программу украинскихъ членовъ буковинскаго сейма. Такъ, съѣздъ требовалъ, чтобы при замѣщеніи должностей въ консисторіи, въ каѳедральномъ соборѣ, въ духовной семинаріи, въ монастыряхъ, при избраніи на митрополичью каѳедру, при избраніи представителей отъ духовенства въ областной училищный совѣтъ, въ администрацію „религіознаго фонда“, въ мѣстный сеймъ и въ имперскій парламентъ—въ равной мѣрѣ соблюдались права и интересы обѣихъ православныхъ національностей края, вопреки существующей практикѣ, при которой всѣми преимуществами пользовалось румынское духовенство; съѣздъ требовалъ, чтобы національное равноправіе соблюдалось и во всѣхъ и другихъ сторонахъ церковной жизни—въ совершеніи богослуженія и требъ, въ церковной проповѣди, въ служебной перепискѣ, въ веденіи метрическихъ книгъ, въ изданіи періодическихъ епархіальныхъ органовъ, при замѣщеніи приходскихъ мѣстъ, при чтеніи лекцій на богословскомъ факультетѣ, при преподаваніи закона Божія въ среднихъ и низшихъ школахъ, при обученіи въ пѣвческой школѣ и т. д. Вопросъ о раздѣленіи епархій сталъ на очередь въ ряду другихъ важнѣйшихъ національныхъ вопросовъ края, возбуждался по каждому отдѣльному поводу въ прессѣ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ сеймовыхъ и парламентскихъ дебатахъ, предъ центральнымъ правительствомъ; постепенно идея раздѣленія митрополіи входила въ сознаніе широкихъ круговъ общества и находила уже выраженіе въ конкретныхъ планахъ національнаго размежеванія въ церковной области. Окончательное соглашеніе все же не было достигнуто. Яблокомъ раздора являлась, главнымъ образомъ, митрополичья каѳедра: румыны стремились удержать митрополичій постъ, въ своихъ рукахъ, украинцы же противились этому въ виду численнаго преобладанія украинскаго населенія въ краѣ.

О. Бѣлоусенко.

Самостоятельная Галичина¹⁾.

I.

Древность украинской колонизаціи въ Галичинѣ. Извѣчный споръ сосѣдей за этотъ край. Притязанія Польши. Династія Ростиславичей. Ростъ Галичины. Расцвѣтъ ея при Романовичахъ. Князь Данило—объединитель Руси, Прекращеніе династіи Романовичей. Чужіе князья по женской линіи. Притязанія Литвы. Борьба Польши съ Венгріей и Литвой изъ-за Галичины. Людовикъ венгерскій и его ставленникъ Владиславъ Опольскій. Окончательный захватъ Польшей Галичины въ 1387 г.

Существуетъ научная теорія, утверждающая, что прародчиной украинскаго народа является именно Галичина (съ Вольныю). Такъ ли это было или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, ясно одно, что Галичина была занята украинскимъ народомъ съ незапамятныхъ временъ; здѣсь не прерывалась національная его традиція, культура, политическая и общественная жизнь. Сколько разъ случалось въ исторіи, что болѣе одаренныя и естественными, и культурными богатствами части Украины приходили въ упадокъ, жизнь тамъ

¹⁾ Словомъ „Галичина“ именуется этотъ край лѣтопись; такъ же зоветъ его и населяющій народъ. Терминъ „Галиція“ взятъ изъ латинскаго и, употребляя его, мы логически должны употреблять и другой—Льодомерія для обозначенія древняго нашего княжества Владимірскаго: оба эти термина латинскіе, оба употребляются рядомъ въ австрійскихъ официальныхъ документахъ, но намъ-то они одинаково чужды. Да и кромѣ того терминъ Галиція является по-просту административнымъ австрійскимъ: австрійское правительство, соединивъ въ 1772 году вмѣстѣ княжество краковское и Галичину назвало край общимъ искусственнымъ терминомъ. А такъ какъ мы говорить будемъ не объ австрійской провинціи, а о краѣ, то и будемъ именовать его естественнымъ именемъ—Галичина.

замирала, и тогда Галичина оставалась единственнымъ хранителемъ священнаго огня—національной традиціи.

Этой роли, кромѣ иныхъ, благопріятствовали и нѣкоторыя обстоятельства внѣшняго характера. Прежде всего географическія условія. Высокія Карпатскія горы съ запада и съ юга, съ сѣвера непроходимые лѣса и болота, незначительное коммуникаціонное значеніе Днѣстра, рѣки, сильно извилистой и не имѣющей многочисленныхъ притоковъ—все это суживало, конечно, размахъ жизни, не давало простора, но въ то же время именно способствовало консервированію добытыхъ цѣнностей.

Восточная Украина, гораздо богаче одаренная, создавала болѣе широкія формы жизни на своихъ безграничныхъ просторахъ, въ центрѣ колоссальной коммуникаціонной системы Днѣпра, но именно это обстоятельство, равно какъ близкое сосѣдство съ открытой степью, не разъ приводило къ тому, что Восточная Украина, истоптанная копытами кочевническихъ коней, почти погибала, и тогда Галичина, куда разрушительныя волны докатывались слабо, являлась хранительницей драгоцѣннаго достоянія предковъ.

То же самое мы видимъ и въ территоріальномъ смыслѣ. Въ то время, какъ подъ натискомъ всяческихъ ордъ, Восточная Украина не разъ мѣняла характеръ своей колонизаціи, перебрасывая огромныя массы населенія изъ одной мѣстности въ другую, Галичина твердо держалась и держится извѣчныхъ своихъ областей, уступая только натиску времени. Еще теперь украинская колонизація доходитъ на западѣ до верховья р. Дунайца, втискиваясь клиномъ между словаками и поляками; такимъ образомъ, если принять во вниманіе количество минувшихъ столѣтій, сумму всѣхъ неблагопріятныхъ историческихъ вліяній, отсутствіе политической самостоятельности, административныя, религіозныя и всякія иныя гоненія, то можно только удивляться, какъ мало утратилъ украинскій народъ своей территоріи, сохранивъ свою самобытность до сего дня.

Если же ко всему этому прибавить, что самостоятельной политической жизнью Галичина жила довольно долго, а самостоятельной культурной, можно сказать, почти все время своего существованія, за исключеніемъ развѣ самаго глухого времени среднихъ вѣковъ, то мы увидимъ, что Галичина представляетъ собой далеко болѣе сложный организмъ, нежели это можетъ казаться на первый взглядъ.

Край этотъ всегда былъ спорной территоріей: поляки говорили, что это Польша; чехи говорили, что это чешское королевство ¹⁾, Венгрія также считала эту страну своей. Такъ было въ древніе и средніе вѣка, то же самое мы видимъ въ настоящее время: державы соперничаютъ за право обладанія Галичиной и каждая изъ нихъ говоритъ о своихъ историческихъ и неотъемлемыхъ правахъ.

Польскіе историки говорили о Галичинѣ, какъ о польскомъ краѣ, на основаніи словъ нашего лѣтописца (подъ 981 годомъ): „иде Володиміръ къ ляхомъ за грады ихъ Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью“. Но если мы разсмотримъ колонизацію украинскаго народа въ настоящее время, то увидимъ, что, начиная съ самыхъ западныхъ границъ отъ Дунайца, по верховьямъ Попрада, Ропы, Вислока, съ одной (польской) стороны, а по верховьямъ Перчи, Топли, Лаборца и другой (венгерской)—украинскимъ народомъ занята сплошная территорія, идущая какъ бы вершинами Карпатскаго хребта съ большимъ и большимъ расселеніемъ въ долины по направленію къ востоку. Колонизація вообще, какъ извѣстно, шла съ востока на западъ. Нельзя же думать, что народъ сначала занималъ неудобныя для жительства вершины горъ, а потомъ спускался въ долины; гораздо естественнѣе предположить, что происходило какъ разъ обратное явленіе: будучи вытѣсняемъ изъ долинъ, народъ уходилъ въ горы и тамъ держался и держится по сіе время.

Такимъ образомъ одно разсмотрѣніе колонизаціоннаго скелета говоритъ намъ, что территорія Галичины врядъ ли и могла когда-либо быть польской. Правда, населеніе оплячивалось, но процессомъ искусственнымъ, почти, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, въ смыслѣ историческомъ. Вѣдь еще польская королева Ода (въ концѣ X в.) указываетъ границы Руси по Краковъ, въ началѣ XVII стол. каноникъ Красинскій велъ границы Руси оттуда же, Висла до XVIII стол. считалась естественной границей польскаго и украинскаго города; Хмельницкій всегда разсчитывалъ на помощь Руси по Люблинъ и Краковъ, ставилъ себѣ задачей отогнать „ляхивъ“ за Вислу, а въ своемъ проектѣ раздѣла Польши (1657 г.) эту же рѣку ставилъ политической границей. И

¹⁾ Чешскіе историки раздвигаютъ границы „Великой Чехій“ до Буга и Стыри. Историческимъ основаніемъ для этого служить грамота Генриха IV (изданная въ 1086 году), опредѣляющая границы Пражскаго епископства.

позднѣе, въ договорѣ Дорошенка съ Турціей, Висла фигурировала, какъ политическая граница.

Такимъ образомъ, вѣчный споръ Польши съ Русью за обладаніе галицкой территоріей представляется въ нѣскольکو иномъ свѣтѣ: со стороны Польши это было наступленіе—*Drapa nach Osten*, со стороны Руси—оборона извѣчныхъ своихъ правъ и себя самой. Мы немного остановимся на древней исторіи Галичины, рассматривая ее именно съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія: со стороны всевозможнѣйшихъ посягательствъ на нее всѣхъ окружающихъ сосѣдей и со стороны вѣчнаго отстаиванія этой маленькой страной своей само-бытности.

Борьбу за Галичину съ Польшей лѣтописецъ начинается съ Владиміра. Но несомнѣнно, что эта борьба существовала гораздо раньше, и занятіе Владиміромъ Перемышля было только возвратомъ края, раньше захваченнаго поляками. По смерти Владиміра „грады Червѣнскія“ снова перешли въ польскія руки: Святополкъ отдаетъ ихъ королю за помощь при занятіи Кіевского стола. Но это новое владѣніе продолжалось недолго: Ярославъ, отобравъ Кіевъ назадъ, не забылъ и Червенскихъ городовъ, а воспользовавшись смутами въ Польшѣ, взялъ сначала Белзь, а потомъ въ слѣдующемъ году „заяста грады Червѣнскія опять“.

Удалось ли Ярославу возстановить Владиміровы границы державы — неизвѣстно, но онъ много вниманія удѣлилъ западу; а дѣля передъ смертью державу, Галичину отдалъ внуку своему Ростиславу, родоначальнику самостоятельныхъ князей Галицкихъ Ростиславовичей.

Самому Ростиславу не удалось долго покняжить: его выгналъ оттуда дядя Изяславъ; но и дядю самого тоже выгнали изъ Галичины братья при помощи польскаго короля Болеслава, который при семъ удобномъ случаѣ началъ расправляться съ этимъ несчастнымъ краемъ по-военному. Немного посидѣлъ въ Галичинѣ сынъ Изяслава Ярополкъ, но видно среди князей существовало твердое убѣжденіе, что Галичина принадлежитъ Ростиславовичамъ—и она была имъ возвращена около 1084 года. Въ 1087 году видимъ сыновей Ростислава князьями въ Перемышлѣ и Звенигородѣ, и съ этого времени датируется самостоятельность Галичины.

Ярополкъ, желая отобрать Галичину назадъ, призвалъ поляковъ и пошелъ на Звенигородъ, но по дорогѣ былъ убитъ какимъ-то Нерядцею. Изъ того, что этотъ Нерядца

бѣжалъ потомъ къ старшему Ростиславовичу Рюрику въ Перемышль, можно строить предположенія, что Рюрикъ былъ причастенъ въ этомъ дѣлѣ. Но онъ скоро умеръ (1094 г.), а Перемышль перешелъ, вѣроятно, къ слѣдующему брату Володарю (мы видимъ чрезъ три года, князья признають Перемышль за Володаремъ, а Теребовль — за самымъ младшимъ Ростиславичемъ Василькомъ).

Ростиславовичи дѣлаются сильными князьями и это усиленіе не даетъ покоя Святополку Изяславовичу и Давиду Игоревичу (внукамъ Ярослава Мудраго). Совершается злое дѣло: эти князья ослѣпляютъ Василька, а Давидъ держитъ его въ плѣну. Но братъ Василька смѣлымъ натискомъ гонитъ Давида, освобождаетъ слѣпого. Святополкъ поручаетъ войны съ Ростиславичами своимъ сыновьямъ да сыну Давида Николаю. И вотъ эти молодые князья обращаются за помощью къ венгерскому королю. Вѣроятно, сношенія съ Венгріей существовали и раньше, но лѣтопись ихъ не упоминаетъ.

Венгерскій король пришелъ подъ Перемышль съ огромнымъ войскомъ, но тутъ былъ встрѣченъ Ростиславичами и Давидомъ (у него къ этому времени Святополкъ отобралъ Волынь). На р. Вягрѣ венгры были такъ страшно побиты, что долго не могли забыть этого поражения. „Такая бѣда приключилась, что нѣтъ такой и въ книгахъ, и словами ее описать нельзя“,—говорятъ венгерскія лѣтописи.

Крѣпко держатся Ростиславичи за свою самостоятельность. Когда съѣздъ князей въ Унѣтичахъ, поддавшись интригамъ Святополка, предложилъ Васильку отдать Теребовлю своему ослѣпителю, а самому переѣзжать къ брату въ Перемышль, „или въ Кіевъ—мы будемъ тебя здѣсь кормить“, Ростиславичи крѣпко стали въ оборону своихъ правъ. Вообще ихъ политикой являлось раздѣленіе Кіева и Воыни: какъ только кіевскіе князья протягивали руки на Воынь, галичане сейчасъ же выступали противъ; вѣдь усиленіе Кіева Воынью грозило утратой самостоятельности Галичины.

Въ 1124 г. умерли оба Ростиславича. Послѣ Василька остались сыновья Григорій и Иванъ, послѣ Володаря — Ростиславъ и Володимірко. Эти два брата сейчасъ же поссорились между собой изъ-за раздѣла земель (Ростиславъ сидѣлъ въ Перемышлѣ, а Володимірко—въ Звенигородѣ). Послѣ долгихъ перепитій, на которыхъ здѣсь останавливаться не будемъ, всѣ галицкія земли соединяются подъ

рукой этого Володимірка, не стѣснявшагося въ средствахъ, ведущихъ къ объединенію. Галичина становится могущественной державой со столицей Галичемъ, куда Володимірко перешелъ изъ Перемышля. Этотъ князь велъ широкую политику, сносился съ Византіей, Венгріей, Польшей и сыну своему Ярославу оставилъ сильное государство.

„Слово о полку Игоревомъ“ говоритъ съ большимъ уваженіемъ объ этомъ князѣ: „Галицкій Ярославъ Осмомыслъ. Высоко сидишь ты на своемъ златоканномъ столѣ, подперевъ горы Карпатскія своими желѣзными палками, заступивъ королю дорогу, затворивъ Дуная врата, рядя суды по Дунаю. Грозность твоя извѣстна всѣмъ землямъ. Ты открываешь ворота Кіевскія, стрѣляешь съ отцеваго золотого стола султановъ въ далекихъ земляхъ“. Такими красками живописуетъ Ярослава поэтъ. Но и лѣтописецъ говоритъ не менѣе ярко и симпатично: „Былъ это князь мудрый, краснорѣчивый, богобоязненный, уважаемый по всѣмъ землямъ и славный своими полками. Онъ устроилъ свою землю, раздавалъ много милостыни, былъ ласковъ къ бездомнымъ, кормилъ бѣдныхъ“. И въ самомъ дѣлѣ, „устроилъ землю“: съ Польшей у него были добрыя отношенія; съ венгерскимъ королемъ онъ чуть было не породнился (король Стефанъ III хотѣлъ взять за себя дочь Ярослава, но потомъ этотъ бракъ разстроился). Вездѣ былъ чтимъ, всѣ съ нимъ считались.

Таковъ былъ Ярославъ во внѣшней политикѣ. Личная же его жизнь была не изъ удачныхъ. Здѣсь мы соприкасаемся съ особенностью Галичины—боярскаго класса. Все княженіе Ярослава было сплошной борьбой со своими боярами, желавшими держать власть въ своихъ рукахъ, а княжескимъ именемъ пользоваться лишь какъ печатью. Много зла причинили Галичинѣ эти олигархическія стремленія.

Уже по смерти Ярослава, завѣщавшаго Галичъ сыну Олегу (отъ незаконной жены), а Владиміру (законному)—Перемышль, бояре нарушили волю покойнаго и призвали къ себѣ Владиміра, но ошиблись въ расчетахъ. Имъ казалось, что Владиміръ изъ благодарности будетъ во всемъ ихъ слушаться, а вышло совсѣмъ по иному: Владиміръ „думы не любящеть съ мужами своими“, на совѣты и указанія бояръ не обращалъ вниманія, и начались снова интриги, заговоры, подкопы.

Сосѣдъ Владиміра, князь владимірскій Романъ, воспользовался этими треніями, уговорился съ боярами, когда Владиміръ, сознавъ положительную невозможность жить въ Галичинѣ, убѣждалъ въ Венгрію, Романъ занялъ Галичъ, а свою власть уступилъ брату. Но скоро пришла вѣсть, что Владиміръ ведетъ огромную венгерскую силу. Романъ убѣждалъ изъ Галича, венгерское войско завоевало Галичину, но венгерскій король посадилъ на галицкій столъ вовсе не Владиміра, а сына своего Андрея, котораго титуловалъ „королемъ Галичины“, Владиміра же отправилъ въ тюрьму.

Но мало пришлось покоролевствовать Андрею: Владиміръ убѣждалъ изъ тюрьмы, нашелъ помощь у нѣмецкаго цесаря Фридриха Барбароссы (обѣщалъ платить за помощь 2,000 гривенъ ежегодно), и въ Спасовъ день 1189 г. занялъ Галичъ. Сидѣлъ на столѣ до кончины (1199 года). Съ его смертью окончилась династія Ростиславичей и періодъ первой самостоятельности Галичины.

Границей со стороны Польши въ это время былъ водораздѣлъ Попрада, Вислоки и Топли; со стороны Венгріи—Карпаты съ крайними западными мѣстностями Теличемъ и Мушиной. Наиболѣе замѣтными городами являлись: Перемышль—стольный городъ, Ярославъ—крѣпость, Звенигородъ (теперь село въ Бобрецькомъ повѣтѣ), Городокъ, Теремовль, Галичъ (еще въ 1141 г. онъ фигурируетъ какъ старшій столъ Теремовльской волости), Синевидско, Коломыя, Васыливъ, Бакота и др.

Когда князь Романъ, вынужденный бѣжать изъ Галича, возвратился въ свой Владиміръ, братъ, конечно, не пожелалъ возвращать стола, и такимъ образомъ Романъ очутился въ неловкомъ положеніи. Послѣ долгихъ усилій удалось возвратитъ себѣ Владиміръ, когда умеръ галицкій князь, то и Галичъ (при помощи польскаго короля). Такимъ образомъ, въ рукахъ Романа соединились два княжества. Это поставило Романа очень высоко. Кіевъ къ тому времени утратилъ свое первенствующее значеніе, и имъ также овладѣлъ Романъ.

Вообще это былъ сильный, энергичный князь. Лѣтопись называетъ его „самодержцемъ всей русской земли“ и даже „царемъ“. Онъ прославился походомъ на половцевъ, „утры и ляхи побѣди“, сносился съ Византіей, съ папой римскимъ, усмирилъ свое вольное боярство. Казалось, пришла новая эра въ исторіи Галичины, начала открываться дорога къ

могуществу и процвѣтанію. Такъ, вѣроятно, и было бы, если бы сынъ Романа вступилъ на престолъ сейчасъ же по смерти отца; но Романъ умеръ, оставивъ сына четырехъ лѣтъ отъ роду, и мы видимъ Галичину снова въ уособицахъ, снова въ кипѣніи болѣе 40 лѣтъ.

По смерти мужа вдова князя Романа поѣхала въ Венгрію искать защиты. Венгерскій король (величавшій себя *Galicae Lodomeriaeque rex*) и польскій вначалѣ будто сочувствовали молодымъ Романовичамъ, но это сочувствіе скоро исчезло: просто короли поняли, что владѣть одному изъ нихъ Галичиной невозможно, значить, нужно владѣть сообща. Тогда они рѣшили поступить такъ: трехлѣтнюю дочь Лешка Саломею выдать за пятилѣтняго сына Андрея Коломана и посадить этого послѣдняго на Галицкій столъ (Андрей просилъ папу Иннокентія III прислать корону для сына, обѣщая за то всю Русь привести въ католичество). И вотъ въ 1216 г. Коломана видимъ уже „королемъ Галиціи“. Боярамъ было выгодно имѣть такого маленькаго короля, и они противъ него ничего не имѣли.

Но росъ Данило, законный наслѣдникъ галицкаго стола, и началъ борьбу за свое наслѣдіе: „Изыде же Бѣлариксъ, рекъмый король Угорскій, въ силѣ тяжцѣ. Данилови же молящуся Богу избави и Богъ отъ руки сильныхъ“, правда, при помощи союзныхъ войскъ австрійскаго герцога Фридриха. Не будемъ описывать перипетій его борьбы, скажемъ только, что Данило побѣдилъ всѣхъ своихъ враговъ (окончательная битва подъ Ярославомъ 17 августа 1245 года) и крѣпко сѣлъ на галицкомъ столѣ. Брата Василька посадилъ во Владимірѣ.

Много крови испортили Данилу бояре въ его борьбѣ съ венграми. Когда наступилъ король и „примъ Ярославль и поиде къ Галичю“—на сторону Венгріи „вси бояре Галичѣ кѣи предашася“. Въ другой разъ, увидѣвъ отступленіе Василька, „бояре Галичѣстии воздвигоша крамолу“. Когда Данило первый разъ укрѣпился въ Галичѣ (онъ это дѣлалъ 4 раза), бояринъ Судиславъ все время взывалъ („глаголищу непрестанно“) къ венграмъ: „изыдѣте на Галичъ и примете землю Рускую“, въ концѣ концовъ „прииде королеви Андрѣви и возведе короля Угорьскаго Андрѣя“. Поэтому неудивительно, что первой задачей Андрея по вступленіи на престолъ было усмиреніе крамольствующихъ бояръ. Это

ему удалось, и мы уже не слышимъ болѣе о внутреннихъ усобицахъ Галичины, раздиравшихъ ее болѣе 50 лѣтъ.

Подъ скипетромъ Данила Галичина переживаетъ кульминаціонный пунктъ своего значенія и славы. Войско галицкое всѣмъ грозно: и Польшѣ, „иный князь не входилъ бѣ въ землю Лядську толь глубоко“; и чехамъ—„не бѣ бо въ землѣ Русцѣй первое, иже бѣ воевалъ землю Чешську“. И какой-то „Гѣрбортъ присла Данилови мечъ и покорные свое“; и папа римскій „величала его и присла ему свое благословеніе и знаменія королевская“. Видѣло войско галицкое далекую Ригу; сидѣлъ одинъ изъ сыновей Данила на австрійскомъ престолѣ. Боялись Данила даже сами татары, и только этой боязнью можно объяснить татарскій походъ на Галичину и повелѣніе срыть всѣ крѣпости.

Поставилъ себѣ Данило великую задачу—объединить Русь. „Былъ великъ, обладалъ Рускою землею, Киевомъ и Володиміромъ, и Галичемъ“, но довершить этого начинанія не пришлось князю: татарская сила слишкомъ была велика, а вмѣсто союзниковъ кругомъ были только завистники. Но связей съ сѣверо-восточной Русью, концентрировавшейся гдѣ-то тамъ въ лѣсахъ совершенно отдѣльно и незамѣтно, мы не видимъ; Галичина тяготеетъ болѣе къ Западной Европѣ, поддерживаетъ съ ней тѣсныя сношенія, и будь наслѣдники Данила мудрѣе, Галичина сдѣлалась бы одной изъ могущественныхъ западно-европейскихъ державъ. По культурѣ она стояла не ниже Запада и ужъ безусловно выше Польши и Венгріи. Когда Данило во всей своей пышности прибылъ помогать венгерскому королю, тотъ воскликнулъ: „не взялъ быхъ тысяще серебра за то, оже вси пришелъ обычаемъ Рускимъ отцевъ своихъ“. А когда этотъ же король венгерскій пріѣхалъ во Владиміръ, то „дивяшуся ему, рекъшу: яко така града не изобрѣтохъ ни въ Нѣмѣцкихъ странахъ“.

Но слишкомъ много было враговъ у Галичины: и Литва, и Польша, и татары и венгры. Каждый изъ этихъ народовъ слѣдилъ, выискивалъ слабыя мѣста и, найдя, бросался. Не подъ силу было одному Данилу справиться со всѣми этими посягателями, такъ и умеръ онъ, не довершивъ основного дѣла всей своей жизни—объединенія Руси и освобожденія ея отъ татаръ.

Умеръ въ 1261 году на 63 году жизни. „Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда города многи, и церкви постави и украси ѣ различными

красотами. Сей же Данило бѣшетъ второй по Соломонѣ“. И даже Длугошъ, не особенно любившій хвалить русскихъ князей, говорилъ о Данилѣ: „Divitis, terris, gentibus, fastivitate et industria pobleus“.

Сынъ Данила Левъ ничего не прибавилъ къ славѣ своего отца. Правда, воевалъ съ Польшей побѣдоносно (и это были послѣднія побѣды галичанъ надъ поляками), ходилъ съ венграми на Австрію. Впрочемъ, на 1290 году обрывается главный источникъ нашихъ свѣдѣній о Галичинѣ—галицко-волынская лѣтопись, и мы уже очень мало знаемъ о дальнѣйшихъ событіяхъ. Знаемъ Юрія Львовича, титуловавшагося rex Russiae; знаемъ Андрея и Льва Юрьевичей, писавшихся Dei gratia, duses, totius, terrae, Russtae, Galicae et Ladomeriae, но эти пышные титулы не придавали внутренняго могущества. Изъ внѣшней дѣятельности этихъ князей знаемъ только о ихъ борьбѣ съ татарами: по крайней мѣрѣ, когда они умерли (ок. 1324 года) польскій король Владиславъ Локотекъ писалъ папѣ Іоанну XXII, что Польша по смерти этихъ князей de gente (schista) schismatica утратила непобѣдимый щитъ противъ татаръ.

Еще видимъ на галицкомъ престолѣ Юрія II Андреевича (умеръ 1335 г.), и съ его смертью пресѣкается домъ Романовичей.

Кому княжить?

Старорусское право предоставляло выборъ князя народу. Въ Галичинѣ, сильной боярщиной, народъ былъ оттѣсненъ отъ участія въ политической жизни и выборъ князя лежалъ собственно въ рукахъ бояръ. Въ родѣ князя Льва (записанномъ въ помянникѣ одного изъ львовскихъ монастырей) числится 32 мужскихъ имени, но, вѣроятно, это были уже совсѣмъ незначительные слабые князья, и галичане избирали себѣ княземъ Болеслава, сына Маріи (сестры Юрія II) и литовскаго князя Тройдена.

Болеславъ, вступая на княжество, далъ слово ничего не измѣнять въ державѣ безъ воли народа, но обѣщанія этого не исполнилъ и началъ вводить католицизмъ. Хотя папа римскій и утверждаетъ, что Болеславъ поступалъ такъ по собственной инициативѣ, но врядъ ли этому можно вѣрить. Какъ бы то ни было, но политика Болеслава, предпочтеніе, отдаваемое имъ полякамъ, нѣмцамъ и чехамъ—все это не могло нравиться въ Галичинѣ, и въ 1340 году Болеславъ внезапно умеръ. Говорятъ, былъ отравленъ.

Это былъ послѣдній самостоятельный князь. Съ его смертью Галичина становилась чѣмъ то вродѣ выморочной державы, открывая широкую дорогу всѣмъ претендентамъ. Въ претендентахъ этихъ недостатка не было.

Едва дошла вѣсть о смерти Болеслава до Польши и Венгріи, какъ оба короля этихъ странъ быстро собрали войско и спѣшно направились въ Галичину. Быстрѣе пошелъ Казиміръ: онъ неожиданно подступилъ подъ Львовъ (послѣ Галича сдѣлавшійся столицей княжества), взялъ его, забралъ много драгоценностей (между прочимъ цѣнныя короны и княжескій тронъ), оставилъ во Львовѣ отрядъ нѣмцевъ и ушелъ, такъ какъ прослышалъ, что татаре также двинулись на Галичину.

Ханъ, дѣйствительно, пришелъ, опустошилъ княжество Краковское, освободилъ Галичину отъ поляковъ, но ушелъ, не оставивъ правителя, и Галичина призываетъ княжить Любарта литовскаго. Права этого послѣдняго на Галичину основывались на томъ, что его жена была дочерью Андрея Юрьевича. Когда по смерти Юрія II прервался родъ русскихъ князей, Любартъ взялъ себѣ Волинь, а вотъ теперь былъ призванъ и въ Галичину. Такимъ образомъ, Польша въ своихъ притязаніяхъ на Галичину встрѣтилась еще съ однимъ врагомъ—Литвой.

Казиміру не подъ силу было теперь бороться съ Литвой, надо было выждать момента, когда Литва ослабѣетъ. Моментъ этотъ представился скоро.

Давно уже шла у литовцевъ кровавая борьба съ крестоносцами. Магистру Винриху де-Книпроде удалось привлечь на свою сторону французовъ и англичанъ и въ 1349 году въ январѣ мѣсяцѣ онъ съ огромными силами напалъ на Литву. Казиміръ воспользовался этимъ случаемъ, собралъ большое войско, быстро двинулся на Галичину и овладѣлъ ею. Это былъ уже рѣшительный захватъ. Хотя Любартъ и напалъ потомъ на Польшу и даже побѣдилъ Казиміра, все же Галичина осталась въ польскихъ рукахъ. Но еще не окончательно.

Литва, отобравъ себѣ часть русскихъ земель, заключила съ Польшей перемиріе на два года: „отъ Покровы Богородицы до Ивана дня, до Купала; а отъ Ивана дня за два лѣтъ“. Все это время ни Польша, ни Литва не имѣютъ права строить новыхъ городовъ на Руси, а также поправлять старыхъ. Относительно внѣшнихъ нападеній было условлено:

если венгры придутъ на Литву, то король польскій долженъ помогать, но если придутъ на Русь Литовскую, то помогать не обязанъ. Точно также и съ Польшей.

Со стороны Венгріи Казиміръ также обезпечилъ себя договоромъ. По этому договору венгерскій король якобы уступалъ Казиміру свое право на Галичину (которую называетъ *regnum nostrum ad nos jare seraessorio devoltump*).

Но уступалъ только лично Казиміру и только до его смерти. Если у Казиміра будетъ сынъ, то Венгрія можетъ выкупить Галичину за 100,000 флориновъ (вѣроятно, во столько же цѣнилъ Казиміръ стоимость своего похода); если же у Казиміра потомка мужскаго пола не будетъ, то Галичина вмѣстѣ съ Польшей переходитъ подъ власть короля Людовика Венгерскаго (переходъ самой Польши былъ рѣшенъ еще ранѣе трактатомъ 1338 года).

Устроивъ все это, Казиміръ написалъ папѣ въ Римъ, что наконецъ то удалось ему завоевать эти огромныя земли невѣрныхъ русиновъ; что здѣсь можно основать семь епархій; что уже одинъ русскій князь перешелъ въ католичество со всей семьей—словомъ, все шло бы очень хорошо, но мѣшаютъ татары, мстящіе за отнятіе столькихъ земель: соединяются съ Литвой и не перестаютъ нападать на Польшу. Въ концѣ Казиміръ просилъ у папы помощи на войну со всѣми этими невѣрными. Эта была одна изъ обычныхъ Казиміровыхъ реляцій съ обычнымъ извращеніемъ фактовъ, лишь бы добиться чего-нибудь у папы. Ходатайство увѣнчалось успѣхомъ: папа далъ на военные расходы четырехлѣтній приходъ со всѣхъ польскихъ діецезій. Эти деньги облегчали Казиміру борьбу съ Литвой. Нѣсколько разъ обѣ державы нападаютъ другъ на друга, оспаривая обладаніе Галичиной, пока, наконецъ, въ 1366 году Казиміръ не одолѣлъ Литвы и не заключилъ „вѣчнаго мира“ (просуществовавшего, впрочемъ, только до смерти польскаго короля).

Политика Казиміра на Руси была осторожной: онъ старался жить въ мирѣ съ мѣстнымъ населеніемъ; въ церковныхъ дѣлахъ, хотя и писалъ папѣ о семи епархіяхъ, но также не дѣлалъ острыхъ шаговъ. Его тенденціей было—собрать силы на Руси противъ Руси, для чего онъ не переставалъ усиливать польскую и нѣмецкую колонизацію и, нужно признать, что эти островки сыграли потомъ большую роль въ дѣлѣ удержанія Галичины при Польшѣ.

Но вотъ Казиміръ умираетъ. Правда, не бездѣтнымъ (было четыре дочери), но безнаслѣднымъ. Венгерскій король по договору становится королемъ Польши (1370). Впрочемъ, медъ этого факта былъ отравленъ ложкой дегтя: вѣдь самъ Людовикъ тоже сыновей не имѣлъ; значить, послѣ его смерти и Польша, и Галичина опять неизвѣстно кому достанутся. И вотъ Людовикъ начинаетъ хитрить: какъ бы, во-первыхъ, польскій тронъ удержать за дочерьми, а во-вторыхъ—какъ бы Галичину присоединить къ венгерской коронѣ.

Первымъ долгомъ онъ отдаетъ Галичину *ad gubernandum et conservandum* своему довѣренному и другу Владиславу Опольскому. Это былъ еще одинъ—и уже послѣдній—особый князь для Галичины. Шесть лѣтъ онъ княжилъ здѣсь (называлъ себя *Dominus et haeres Russie, dux Russie*) пока Людовикъ не рѣшилъ, наконецъ, совершенно инкорпорировать Галичину, сдѣлалъ ее вмѣсто намѣстничества простой составной частью Венгріи. Владиславъ издалъ грамоту, въ которой освобождалъ галичанъ отъ присяги себѣ и возвращалъ край Людовику. Сейчасъ же управителемъ былъ назначенъ венгерскій староста, всѣ болѣе важныя должности переданы въ руки венгровъ и Галичина стала венгерской провинціей (была ею около девяти лѣтъ). Теперь осталось закрѣпить за своимъ потомствомъ и польскую корону.

У Людовика было три дочери: Екатерина, Марія и Ядвига, но ни одна изъ нихъ по договору не имѣла права быть королевой Польши. Людовикъ употреблялъ всяческіе способы, чтобы вынудить у поляковъ согласіе на коронованіе одной изъ его дочерей. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ способовъ.

Издавна существовала въ Польшѣ подать, такъ называемая, „королевщина“—около двухъ грошей отъ лана. По-немногу короли ее увеличивали и постепенно довели до шести грошей отъ лана. Это, конечно, вызывало нареканія шляхты. По смерти Казиміра начались безпорядки, королевщины никто не платилъ, накопилось ея довольно много. И вотъ, когда чиновники Людовика потребовали всю королевщину сразу,—шляхта взвыла.

Этимъ воспользовался Людовикъ. Онъ заявилъ: „если вы признаете своей королевой одну изъ моихъ дочерей, я буду считать вамъ королевщину только по два гроша отъ лана“. Шляхта съ радостью согласилась, и въ 1355 году въ Коши-

цахъ былъ заключенъ соотвѣтственный договоръ. Шляхта до такой степени простерла свою вѣжливость, что согласилась наименовать королевой любую изъ дочерей, какую угодно будетъ указать Людовику или его женѣ.

Людовикъ выбралъ Екатерину, но она скоро умерла. Король тогда созвалъ шляхту вторично, чтобы она присягла слѣдующей дочери Маріи. Но тутъ уже нашлись противники, шляхта раздѣлилась на двѣ партіи. Впрочемъ, Людовикъ поступилъ круто: заперъ ворота и сказалъ, что не выпуститъ ни одного депутата, пока они не подпишутъ договора. Волей-неволей надо было соглашаться, и въ 1380 году была признана королевой Марія.

Когда ей минуло 10 лѣтъ, ее обручили съ 13-лѣтнимъ Маркграфомъ Бранденбургскимъ Сигизмундомъ, сыномъ императора Карла IV. Людовикъ снова созвалъ шляхту для присяги этому Сигизмунду, но въ 1382 году смерть Людовика перевернула всѣ событія.

Прежде всего поляки не приняли Сигизмунда и детронизировали Марію. Она, утративъ Польшу, хотѣла оставить за собой хотъ Галичину (Сигизмундъ такъ и титуловался *Domini Russiae*). Это была не та провинція, которую забралъ Казиміръ: послѣ смерти Людовика Любартъ сдѣлался самостоятельнымъ владимірскимъ княземъ, значить, отобралъ Владиміръ, а кромѣ того за деньги откупилъ у Венгріи не только Кременецъ, Лопатинъ и Олеско, но и Снятинъ и Перемышль, такъ что въ польскихъ рукахъ остались только земли Сяноцкая, Самборская, часть Перемышльской, Галицкая, Львовская. Вотъ этими землями и задумала овладѣть Марія.

Трудности это не представляло: вездѣ въ Галичинѣ стояло венгерское войско, управляли венгерскіе чиновники; они помогли дочери,—и мы скоро видимъ Марію въ роли королевы Галичины (въ 1384 году она даритъ перемышльскому католическому бискупу огромныя пространства земли). Но это продолжалось недолго: въ Венгріи начались большія волненія, Польша воспользовалась этимъ подходящимъ моментомъ для возвращенія Галичины.

Въ самой Польшѣ произошли перемѣны: королевой была приглашена Ядвига; она вышла замужъ за Ягайла и, такимъ образомъ, Литва соединилась съ Польшей, а вмѣстѣ съ Литвой подъ польскую корону пришла и огромная часть Руси. Оставалась внѣ державы только Галичина; нужно было

отобрать ее во что бы то ни стало. И вотъ поляки собирають войско, сажаютъ на коня молодую Ядвигу и высылають ее на завоеваніе Галичины. Никто края не защищалъ; безъ пролитія единой капли крови былъ занятъ Львовъ, Перемышль, Теревовля, Сянокъ, Ярославль. Только въ Галичѣ заперся венгерскій воевода, но и тотъ поддался въ концѣ концовъ. Такъ въ 1387 году Галичина окончательно подпала подъ власть Польши и была подъ ней 385 лѣтъ. Шляхта, помня, какъ Людовикъ хитро отдѣлилъ Галичину отъ Польши и отдалъ ее Венгріи, боялась, чтобы до этого не додумался и Ягайло по отношенію къ Литвѣ, и потребовали общанія, что Русь всегда будетъ принадлежать польской коронѣ. Ягайло общалъ.

Венгрія была занята войной съ Турціей и ей было не до Галичины. Только въ 1411 году снова она выдвигаетъ этотъ вопросъ. Созывается рядъ комиссій, обсуждаютъ, договариваются. Въ концѣ концовъ на Любовльскомъ съѣздѣ королей было постановлено, что Галичина остается при Польшѣ до смерти королей и послѣ ихъ смерти еще пять лѣтъ; по истеченіи же этого времени должна быть созвана комиссія, и эта комиссія окончательно уже рѣшить, кому будетъ принадлежать Галичина. Это постановленіе еще якобы отодвигало послѣднее рѣшеніе вопроса, но въ сущности Венгрія болѣе не посягала на Галичину серьезно. И только почти черезъ 400 лѣтъ при первомъ раздѣлѣ Польши австрійская дипломатія снова выдвинула „историческія права“ Венгріи на владѣніе Галичиной въ цѣляхъ присоединенія этого края, но не къ Венгріи, а къ Австріи.

Такъ Галичина окончательно подпала подъ власть Польши.

Фактически она находилась подъ польскимъ вліяніемъ уже давно и исключительно, т. е. въ томъ смыслѣ, что остальные части Украины перебивали болѣе-менѣе долгое время въ сферѣ вліянія Литвы, литовскаго государственнаго права; а такъ какъ Литва въ моментъ присоединенія Руси была государствомъ неустроеннымъ, молодымъ, новымъ, то и вліяніе русской культуры было велико. Польша же была государствомъ болѣе-менѣе старымъ, съ традиціями исторической жизни, съ выработаннымъ государственнымъ правомъ и съ культурой къ тому времени не ниже русской. Литва смотрѣла на Русь снизу, Польша наоборотъ, но не въ силу превосходства, котораго еще не было, а просто какъ

каждая организованная общественная группа смотреть на разбитую.

Охранять старо-русскую культуру и правопорядокъ Польша не имѣла ровно никакихъ причинъ (это было „негосударственно“, какъ выразились бы теперь), наоборотъ— нужно было гдѣ только можно заводить свой ладъ и дѣлать это интенсивно. Польша такъ и начала поступать: колонизировала Галичину польскимъ и нѣмецкимъ элементомъ, вытѣснявшимъ аборигеновъ изъ ихъ насиженныхъ мѣстъ; на высшія должности въ краѣ ставили своихъ людей съ широкими компенсаціями—и эти люди даже безсознательно заводятъ польскіе порядки просто потому, что къ нимъ привыкли. Среди самихъ колонистовъ поляки, естественно, мѣрили свои отношенія масштабомъ польскаго права, нѣмцы пользовались магдебургскимъ правомъ—и, такимъ образомъ, право русское расшатывалось задолго еще до формальнаго введенія господствующихъ въ державѣ юридическихъ нормъ. Уже въ первыя десятилѣтія польской оккупациі мы рядомъ съ актами русскими все болѣе и болѣе видимъ актовъ, писанныхъ по-латыни, т.-е. примѣнительно къ нормамъ польскаго права.

Все это были начатки разложенія, все это были элементы колонизаціи. Постепенной и вначалѣ мирной, но неуклонной.

И. Хоткевичъ.

Н. Маклаковъ, какъ губернаторъ, въ борьбѣ съ украинствомъ.

Н. Маклаковъ еще на посту черниговскаго губернатора занялъ вполне опредѣленную позицію въ украинскомъ вопросѣ и приобрѣлъ большія заслуги въ дѣлѣ искорененія украинскихъ культурно-просвѣтительныхъ начинаній. Часто входя самолично въ разсмотрѣніе того или иного инцидента на почвѣ неуклонно и послѣдовательно проводимой имъ политики пресѣченія „украинской опасности“, вдохновляя въ этомъ же духѣ своихъ подчиненныхъ, координируя свою дѣятельность въ этой области съ дѣятельностью другихъ, если не подчиненныхъ непосредственно, то сродныхъ съ нимъ по духу мѣстныхъ вѣдомствъ (въ родѣ народнаго просвѣщенія), будущій министръ создалъ въ черниговщинѣ для украинцевъ такую тяжелую атмосферу безправія, которая совершенно исключала возможность нормальной общественной, культурно-просвѣтительной дѣятельности и сводила таковую всецѣло къ усмотрѣнію цѣлой іерархической лѣстницы административныхъ властей, на высшей ступени которой возсѣдалъ г. губернаторъ, а основанія ея поддерживалъ урядникъ со стражниками. Неоднократно помѣщавшіяся на страницахъ украинской періодической печати сообщенія черниговскихъ корреспондентовъ полны описаній самыхъ невѣроятныхъ, подчасъ трагикомическихъ приѣмовъ искорененія „украинской опасности“. Черниговщинѣ суждено было испытать въ то же время и блага „автономнаго“ управленія.

Проявляя нерѣдко склонность къ самостоятельности, поскольку дѣло касалось политики по отношенію къ украинцамъ, Николай Маклаковъ олицетворялъ подчасъ въ своей губернаторской особѣ не только исполнительную, но и „законодательную“ власть.

Но обратимся къ его заслугамъ.

Главнѣйшей изъ нихъ является закрытіе черниговской „Просвіти“. Открытая въ началѣ 1906 г. черниговская „Просвіта“ только лишь нѣсколько мѣсяцевъ пользовалась относительной свободой и успѣла, нужно замѣтить, за это короткое время развить довольно интенсивную дѣятельность. Но затѣмъ посыпались запрещенія. Если историкъ много-страдальной черниговской „Просвіти“ дастъ себѣ трудъ сдѣлать статистическій подсчетъ запрещеній и разрѣшеній, послѣдовавшихъ со стороны черниговской администраціи, то въ графѣ запрещеній онъ получитъ цифру, во много разъ превосходящую чисто разрѣшеній...

Репрессіи началъ собственно предшественникъ Николая Маклакова Родіоновъ, главнѣйшимъ административнымъ трюкомъ котораго явилось исключеніе изъ „Просвіти“ нѣсколькихъ членовъ ея (въ томъ числѣ переводумца, виднаго общественнаго дѣятеля И. Л. Шрага и покойнаго писателя М. Коцюбинскаго),—исключеніе тѣмъ болѣе непонятное и сомнительное съ точки зрѣнія его правового обоснованія, что на такой шагъ ему не давалъ права, какъ замѣчаетъ корреспондентъ „Ради“, ни уставъ о-ва, ни даже положеніе объ усиленной охранѣ. Съ появленіемъ на посту черниговскаго губернатора Николая Маклакова положеніе „Просвіти“ значительно ухудшилось. Новый губернаторъ сразу же повелъ правильную крѣпостную осаду „Просвіти“, засыпая ее цѣлымъ потокомъ до виртуозности изобрѣтательныхъ, болѣе усовершенствованныхъ по сравненію съ предшественникомъ административныхъ запрещеній. Графа запрещеній, налагаемыхъ на дѣятельность „Просвіти“, начала расти повышеннымъ темпомъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшій ростъ запрещеній не достигъ того предѣла, за которымъ оказалось, что „Просвіта“... „въ дальнѣйшей своей дѣятельности можетъ вызвать явленія, угрожающія общественному спокойствію и безопасности“, а съ другой стороны,—что она... „не проявила до настоящаго времени какихъ-либо полезныхъ культурно-просвѣтительныхъ начинаній“..., какъ гласила официальная мотивировка закрытія о-ва.

Запрещенія касались самыхъ разнообразныхъ сторонъ дѣятельности „Просвіти“ ¹⁾. Общія собранія членовъ, рефераты, чтенія для рабочихъ, библіотеки въ деревняхъ, кіоскъ для продажи газетъ, книжный складъ въ помещеніи

¹⁾ См. „Рада“ 1912 г. № 48; „Укр. Жизнь“ № 3, 1912 г., стр. 77.

„Просвіти“,—все это оказывалось подъ запретомъ. Изъ программъ вечеровъ выбрасывалось все, кромѣ пѣнія, или же требовалось на все читаемое на вечерахъ цензурное разрѣшеніе, дѣтямъ запрещалось декламировать стихи, басни, такъ что, какъ замѣчаетъ отчетъ правленія, однажды состоялся „німий дитячий вечір“. Литературно-вокальныя вечеринки разрѣшались лишь въ порядкѣ закона о собраніяхъ; полицмейстеръ однажды отказался подписать афишу объ устройствѣ Шевченковскаго вечера и порекомендовалъ обратиться къ... попечителю учебнаго округа. Въ контактѣ съ администраціей дѣйствовало и мѣстное вѣдомство народнаго просвѣщенія. Неоднократно получался отказъ въ предоставленіи помѣщенія городскихъ и народныхъ школъ для культурно-просвѣтительныхъ цѣлей—устройства чтеній, вечеровъ. Обыски въ помѣщеніи „Просвіти“ и у отдѣльных членовъ, всевозможныя мелкія придирки, административныя воздѣйствія на должностныхъ лицъ, уличенныхъ въ прикосновенности къ „Просвітѣ“, дополняютъ картину того тернистаго пути, по которому должна была пробиваться „Просвіта“.

25 іюля 1911 года черниговская „Просвіта“ была закрыта. Предъявленныя ей обвиненія довольно многочисленны. Кромѣ вышеуказанныхъ мотивовъ ей ставилось въ вину то, что ея дѣятельность вызывала необходимость ревизіи (такъ мягко, какъ замѣчаетъ корреспондентъ „Ради“, назывались, повидимому, обыски) и т. п. въ томъ же духѣ. Такая же судьба постигла еще до закрытія „Просвіти“ ея двѣ филіи.

Одна была закрыта за „бездѣятельность“, а другая за уклоненіе отъ непосредственныхъ своихъ задачъ. Такое уклоненіе было усмотрѣно, какъ предполагаетъ корреспондентъ „Ради“, въ постановкѣ пьесы, въ которой выведенъ получающій взятку урядникъ. Власть, очевидно, сочла себя обиженной и въ назиданіе, дабы другимъ не повадно было подрывать на сценѣ ея авторитетъ, арестовала нѣкоторыхъ артистовъ-любителей.

Если при такихъ условіяхъ протекала дѣятельность „Просвіти“, то и въ области другихъ общественныхъ и культурныхъ начинаній черниговскіе украинцы встрѣчали не меньшее противодѣйствіе.

Безпокоило Н. Маклакова ежегодно устраиваемое чествованіе памяти П. А. Кулиша на его могилѣ. Сюда неиз-

мѣнно высылался нарядъ стражниковъ съ исправникомъ или его помощникомъ во главѣ. Конечно, всякія попытки почитать память покойнаго писателя произнесеніемъ рѣчей пресѣкались въ корнѣ.

Дѣйствія руководителя наряда носили отпечатокъ большого рвенія къ исполненію предписаній свѣше, доходившаго до виртуозности, что прекрасно иллюстрируетъ происшедшій въ одну изъ годовщинъ инцидентъ. Прибывшая на панихиду публика укрылась отъ дождя въ домѣ хозяина хутора, гдѣ похоронены П. А. и А. М. Кулиши. Полицейскій чинъ усмотрѣлъ въ этомъ незаконное собраніе и, дабы прекратить таковое, немедленно очистилъ помѣщеніе дома, заставивъ публику подъ проливнымъ дождемъ расходиться ¹⁾).

Къ сбору пожертвованій на памятникъ Шевченку Н. Маклаковъ отнесся также весьма недоброжелательно и проявилъ здѣсь большую самостоятельность.

Повсемѣстно въ Россіи былъ разрѣшенъ сборъ пожертвованій на памятники Шевченку. Не обходилось, конечно, безъ всевозможныхъ затрудненій, чинимыхъ въ большинствѣ случаевъ младшими полицейскими чинами по невѣжеству ли, по самодурству или по другимъ причинамъ. Но г. Николаю Маклакову должно воздать дань справедливости. Черниговскій губернаторъ затмилъ всѣхъ исправниковъ, урядниковъ, часто запрещавшихъ сборъ пожертвованій въ своемъ околоткѣ. Будущій министръ не пожелалъ считаться съ фактомъ разрѣшенія сбора пожертвованій центральной властью и издалъ, очевидно, въ порядкѣ „автономнаго“ управленія Черниговщиной, циркуляръ, безусловно воспреещающій сборъ пожертвованій въ предѣлахъ Черниговской губерніи.

Административный походъ Н. Маклакова завершился отобраніемъ урядниками подписныхъ листовъ у всѣхъ священниковъ ²⁾).

Искорененіе украинскаго языка, коль скоро таковой дерзнулъ появиться публично, въ афишахъ, газетныхъ объявленіяхъ (напр., въ 1912 году объявленіе о панихидѣ по М. В. Лысенкѣ), война съ украинскими вывѣсками,—всѣ эти и другіе въ такомъ же родѣ мелкіе факты дополняли политику Николая Маклакова по отношенію къ украинско-

¹⁾ См. „Укр. Жизнь“ № 9, 1912 г., стр. 88.

²⁾ См. „Укр. Жизнь“, 1912 г., № 10, стр. 97, и 1913 г., № 1, стр. 111.

му обществу въ Черниговщинѣ и придавали ей видъ стройной законченной системы.

Съ назначеніемъ Н. Маклакова на министерскій постъ положеніе украинскаго общества въ Черниговщинѣ, конечно, не измѣнилось. Н. Маклакова отдѣляло отъ Черниговщины лишь пространство, духъ же его продолжалъ витать въ ней. Если Н. Маклаковъ, черниговскій губернаторъ, могъ проводить свою „украинскую“ политику въ одной лишь подвѣдомственной ему Черниговщинѣ, то Н. Маклаковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ могъ уравнивать съ Черниговщиной въ „правахъ“ и обязанностяхъ другія украинскія губерніи.

Предъ нимъ открылось болѣе широкое поле дѣятельности. И новый министр не замедлилъ проявить себя.

Скорбный синодикъ украинскаго національнаго движенія сталъ быстро заполняться.

Б. Подольскій.

Розказы Т. Бордуляка.

Бачу, що голоти

Доля не весела.

Шоголів.

Въ небольшомъ сборникѣ разказовъ Тимоѳея Бордуляка, впервые вышедшемъ во Львовѣ въ 1899 году подъ названіемъ „Ближні“, а затѣмъ въ кievскомъ изданіи уже въ 1903 г., большинство разказовъ—картинки изъ жизни галиційскаго крестьянства. Персонажи произведеній Бордуляка—простые, въ большинствѣ обиженные судьбою и ближними люди, гнушіе спину надъ клочкомъ земли, не дождающіе и не досыпающіе и до невѣроятія терпѣливые... Тѣ самые люди, которымъ украинская литература посвятила не одно изъ своихъ произведеній, за что и была осмѣяна Бѣлинскимъ, никоимъ образомъ не хотѣвшимъ допустить, чтобы литература, дышащая „простоватостью“ крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума“, могла занять мѣсто въ ряду другихъ европейскихъ литературъ.

Бѣлинскому и его современникамъ казалось, что эта самая „простоватость“, что увлеченіе „мужикомъ“—показатель „недолговѣчности“ украинской литературы, въ ея демократизмѣ видѣли залогъ ея близкой гибели, а не жизнеспособности. Хотѣлось больше вѣрить въ Украину Гоголя, а не въ Украину Шевченка; первая была понятнѣе, красивѣе, занятнѣе, а во второй было что-то новое, совершенно незнакомое и чуждое не только читателю, но и критику. Бѣлинскій на этотъ разъ ошибся: „Кобзарь“ въ пахнущихъ дегтемъ (запахъ, такъ не понравившійся Гоголю) сапогахъ и бараньей шапкѣ вышелъ на Парнасъ, а за нимъ потянулся цѣлый рядъ другихъ поэтовъ, говорившихъ о „мужикѣ“. Когда появились другіе, въ русской критикѣ на нихъ посмотрѣли иначе, потому что и въ русской литературѣ элементъ аристократическій отошелъ назадъ, появился все-тотъ же „мужикъ“.

Въ украинской литературѣ „запахло дегтемъ“ гораздо раньше, и запахъ этотъ продержался дольше. На протяженіи почти всего XIX вѣка въ украинской литературѣ господствуетъ писатель-бытовикъ, изображающій жизнь села, главнымъ образомъ крестьянъ, рѣже сельской интеллигенціи и уже совсѣмъ рѣдко жизнь города. Причина этого обстоятельства лежала въ тѣхъ соціально-политическихъ условіяхъ, въ которыхъ жила Украина; народъ украинскій состоялъ почти исключительно изъ крестьянства, и писатель работалъ преимущественно для него, писалъ о немъ, въ защиту его интересовъ.

Такъ должно было быть и такъ было, когда національное движеніе на Украинѣ дѣлало свои первые шаги. Постепенно въ литературу входятъ другіе мотивы: рядомъ съ крестьянствомъ становится рабочій и украинскій интеллигентъ. Поле зрѣнія украинскаго писателя расширяется, темы его произведеній разнообразятся. Самое національное движеніе ширится, захватываетъ новые кадры людей, перестаетъ быть на положеніи какого-то „домашняго“ дѣла, и соответственно этому растетъ литература, искусство, наука...

Самый характеръ и тонъ бытовыхъ произведеній украинской литературы конца XIX вѣка уже иной, чѣмъ въ первой половинѣ и 60—70-хъ годахъ; романтическая идеализація народа уступаетъ мѣсто болѣе объективному изображенію отдѣльных моментовъ его жизни, свѣтлыхъ и темныхъ, тяжкихъ и радостныхъ.

У Т. Бордуляка, какъ мы уже отмѣтили выше, находимъ рядъ рассказовъ изъ жизни крестьянъ въ Галичинѣ, и всюду онъ остается только правдивымъ, наблюдательнымъ художникомъ, занесшимъ на бумагу то, что онъ видѣлъ и слышалъ, безъ всякаго желанія идеализировать своихъ героев и обстановку ихъ жизни.

Литературная дѣятельность Бордуляка—въ прошломъ, его время—90-е годы прошлаго столѣтія; тогда украинская дѣйствительность все еще мало давала беллетристу темъ изъ жизни другихъ соціальныхъ группъ, кромѣ крестьянства, и въ этомъ отчасти объясненіе того, что изъ 16 рассказовъ Бордуляка, изданныхъ въ Киевѣ, только одинъ стоитъ особнякомъ, какъ выхваченный изъ другой обстановки („Жебрачка“), не крестьянской. Я говорю отъ части, потому что другая причина кроется въ личной жизни самого писателя. Онъ родился и выросъ въ крестьянской семьѣ, затѣмъ, окон-

чивъ украинскую гимназію во Львовѣ и богословскій факультетъ львовскаго университета, продолжалъ жить въ селѣ въ качествѣ священника. Крестьянскую среду онъ зналъ лучше всего, крестьянскую жизнь наблюдалъ въ теченіе ряда лѣтъ, съ ней сроднился и, какъ писатель-реалистъ, и литературную свою дѣятельность посвятилъ все тому же крестьянству. По количеству то, что далъ Т. Бордулякъ родной литературѣ, незначительно, несмотря на то, что онъ подлинный писатель, а не человѣкъ случайный въ литературѣ,—писатель, любящій литературу, для котораго его литературная работа потребность, а не своего рода „время-провожденіе“.

Объясненіе этой малой сравнительно литературной плодovitости Бордуляка находимъ въ его письмѣ къ другому украинскому писателю, О. Маковею. Приводимъ его въ переводѣ: „Я не литераторъ по профессіи,—писалъ онъ въ 1898 г.,—потому что имѣю другія обязанности: я пишу только урывками, такъ сказать, для рекреаціи, для удовлетворенія врожденной, а быть можетъ, выработанной потребности. Вы не думайте, что сельскій священникъ отдыхаетъ на розахъ и распоряжается своимъ временемъ, какъ ему нравится. Работы много. Я, напримѣръ, имѣю двѣ церкви и двѣ школы, о которыхъ забочусь какъ о собственныхъ глазахъ; каждую минуту я долженъ быть въ распоряженіи прихожанъ, даже ночью,—ну, а объ ежедневныхъ хозяйственныхъ заботахъ я ужъ и не буду говорить, потому что вы бы, пожалуй, и не захотѣли вѣрить, какъ мало нашъ братъ въ деревнѣ имѣетъ покоя и свободнаго времени“...

Но и при маломъ количествѣ написанное Бордулякомъ обезпечиваетъ ему почетное мѣсто въ галлерей украинскіхъ писателей. Его произведенія не блещутъ особой изощренностью стиля, не увлекаютъ читателя своею внѣшностью, сложностью и тонкостью психологическихъ переживаній героевъ, трактовкой модныхъ вопросовъ, они просты и безыскусственны, какъ простъ и на первый взглядъ непригляденъ ихъ герой, какъ простъ и незамѣтенъ и самъ авторъ разсказовъ, скромный деревенскій священникъ.

Судьба поставила автора въ такія условія, что ему все время пришлось жить среди крестьянства, сначала среди своихъ родныхъ односельчанъ, потомъ прихожанъ, и отдѣльные моменты изъ ихъ жизни охватывалъ онъ своимъ творческимъ аппаратомъ и въ часы досуга записалъ, чтобы разсказать и

другимъ, какъ живутъ наши „ближні“. Отъ выводовъ онъ, осторожный и вдумчивый художникъ, отказался, предоставивъ дѣлать ихъ самимъ читателямъ. Тяжела и невесела жизнь галиційскаго крестьянина, и на темномъ фонѣ картины, нарисованной писателемъ, только два—три рассказа выдѣляются своими свѣтлыми красками. „Халупник“¹⁾ Матвій Басъ купилъ корову, цѣлыхъ пятьдесятъ „риньськихъ“²⁾ скопилъ тяжелымъ трудомъ и купилъ кормилицу для семьи, и всѣ члены семьи съ ликованіемъ встрѣчаютъ его, въ торгѣ дѣтвора, даже жена не въ состояніи скрыть своей радости. Въ день покупки всѣ ѣдятъ молочную кашу, хорошее настроеніе водворяется въ „халупѣ“, и этой свѣтлой минутѣ въ жизни полуголоднаго человѣка радуется и самъ авторъ. Съ глубокой симпатіей и участіемъ относится Т. Бордулякъ къ простымъ людямъ-хлѣборобамъ, готовъ плакать ихъ слезами и радоваться вмѣстѣ съ ними въ тѣ рѣдкія минуты, когда судьба пошлетъ удачу и успѣхъ. Онъ знаетъ, чего стоитъ тотъ суровый трудъ, какой несутъ крестьяне, и въ его устахъ не пустою кажется фраза: „Як бачу женців у полі при роботі—мене огортає якесь неописане, благовійне почування, я хилю чоло перед тою величною працею и віддаю честь рукам, що до тої праці взялися“... („Першій раз“). Переживаніямъ почти еще дѣвочки Парани, въ первый разъ вышедшей съ серпомъ въ поле въ лѣтнюю страду вмѣстѣ со взрослыми, посвященъ небольшой рассказъ „В першій раз“, овѣянный теплымъ отношеніемъ автора къ трудящемуся люду, уваженіемъ и любовью къ самому труду. Въ этомъ рассказѣ и въ „Дай, Боже, здоровья корові“—тихіе, покойные, рѣдкіе свѣтлые проблески въ жизни крестьянина-хлѣбороба. Но рѣдко приходилось наблюдать ихъ автору, чаще видѣлъ онъ безысходную нужду, непосильную тяжесть податей, голодъ, нищету, пьянство...

Живутъ люди, пахутъ, сѣють, жнутъ, ѣдятъ „голый борщъ“, отъ котораго „благородний чоловік мусить аж здригнутись і одвернутись від такої „страви“, претерпѣвають всѣ ужасы „здекуції“³⁾, и такъ отъ колыбели до могилы.

Это, такъ сказать, повседневная обстановка, то, къ чему крестьянинъ привыкъ, во что втянулся, но бываютъ удары судьбы внезапные, отнимающіе у человѣка все сразу.

¹⁾ Безземельный крестьянинъ.

²⁾ „Ринський“—гульдень.

³⁾ Сборъ податей.

Жила Катерина Грущика, жила, какъ живутъ многіе. Мужъ ея „халупник Семень Грушка був тверезою и роботящою людиною: працював, заробляв, тиснув гриш до гроша, зодягав и годував себе, жінку і пятеро дітей“. Но пришелъ тотъ несчастный день, когда Семень пошелъ вмѣстѣ съ другими въ лѣсъ на работу и обратно уже не вернулся,—его придавило упавшимъ деревомъ. Потянулись черные дни и, наконецъ, наступилъ моментъ, когда въ хатѣ не осталось ни кусочка хлѣба. На выручку пришелъ „громадський дід“ Макаръ, нищій, собиравшій кусочки въ тѣхъ мѣстахъ. Грущика дала ему пристанище, а „дід“ взялъ подъ свою опеку безпомощныхъ людей...

Таково содержаніе разсказа „Дід Макар“. Въ разсказѣ „Діти“ семья теряетъ не отца, а мать. Тутъ не вліяетъ на читателя самая нищета, но тяжкое горе заставляетъ вдовца Мирона прямо съ кладбища бѣжать домой, чтобы... повѣситься. Въ послѣдній моментъ его взглядъ падаетъ на спящихъ дѣтей, и человекъ рѣшилъ жить для дѣтей. „Він накрив діти кожухом і сам сів коло них чекати, пока і його не зморить сон. А місяць усе світив і цікави зорі заглядали крізь віконце до тихої світлиці“...

Жутко вѣетъ отъ маленькаго разсказа „Для хворого Оедя“. Простая исторія. Умираетъ маленький Оедя, и возлѣ него сидитъ мать, кутаетъ и дышитъ на его руки и ноги, потому что въ хатѣ холодно, въ печи не топлено. У отца было немножко денегъ, могъ бы поѣхать купить дровъ, истопить печку, да явился въ село „здекучник“ ¹⁾, это постоянное „memento mori“ для галиційскаго крестьянина пришлось послѣдній грошъ нести ему и заплатитъ „за свою хатину, за шопчину, за маленький городецъ, за клептик поля... Пришлось оставить хату нетопленной, а въ хатѣ умирающаго сына. У хаты Марка Бураго стояла груша, была она толще всѣхъ и выше всѣхъ грушъ въ селѣ и давала массу сладкихъ, вкусныхъ грушъ. Гордился Марко этой грушей, посаженной еще его прадѣдами. А какъ тѣшился вкусными грушами маленький Оедь!... И теперь, чтобы если не спасти, то хоть согрѣть стынувшее тѣльце умирающаго сына, идетъ Марко съ топоромъ въ рукахъ къ грушѣ. Въ тяжелую минуту рубитъ Марко „батьковську памятку“, и чудится ему, будто груша вздрагиваетъ отъ боли, и еще острѣе щемитъ у него въ сердцѣ.

¹⁾ Сборщикъ податей.

„В кінці груша затріщала і з шумом та ласкутом повалилась на землю... Перелякани ворони з диким криком стали літати по-над збуреною чуприною Марка Бурого, а Марко Бурій випустив з рук сокиру на сніг і похилив голову на груди“...

Не легка доля и старой Клишихи въ рассказѣ „Мати“: младшаго сына ея, ея главную опору и надежду, берутъ въ солдаты, а старшій сынъ предоставляет старуху самой себѣ. Младшій сынъ, попавъ въ солдаты, скоро, какъ водится, забываетъ о томъ, какъ живетъ мать, и всѣ старанія направляетъ къ тому, чтобы вытянуть у старухи пару—другую „ринських“. Заброшенная, измученная непосильной работой, одинокая старая Клишиха умираетъ, не дождавшись возвращенія со службы сына.

Грустныя картины рисуєтъ Бордулякъ. Два брата грызутся изъ-за „нивки“, которую оба считаютъ своимъ достояніємъ, и стоитъ она пустой, необработанной; какъ только одинъ изъ нихъ выходитъ съ плугомъ, другой несется съ коломъ въ рукахъ прогонять брата съ поля... („Самитна нивка“). Приѣхалъ въ село „здекуцник“ выколачивать подати: ходять по хатамъ и тащатъ послѣднее: свинью волокутъ изъ хлѣва, послѣдній кусокъ полотна изъ сундука, кожухъ съ больного человѣка („Михалкови радости“)... Спиивается съ круга хозяинъ, самый умъ свой и совѣсть пропиваетъ и собирается продавать свою дочь „до двору“ („Гаврило Чорній“)... И въ этой горькой долѣ люди ищутъ, пытаются найти выходъ. У нихъ теплится надежда на лучшее будущее. Вѣдь должны же быть мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ можно найти кусокъ хлѣба здоровому человѣку-землепашцу? Обѣтованной земли жаждутъ они всѣ и, какъ у насъ въ російской Украинѣ, хотѣли видѣть ее въ Сибири на Уссурійскомъ краѣ, такъ въ Галичинѣ заговорили о Бразиліи. Нужда, голодъ выталкивали крестьянина изъ родного угла, а разнаго рода агенты услужливо направляли его въ Бразилію.

„Уже нам дома просвітку либонь не видати, але є, кажуть, десть край Бразилія, за високими горами, за широкими морями, а до того краю, до тої Бразилії стягаються з усіх сторин бідні люде: бездомни нетяги, безземельни халупники, підупали господарі—загалом усі, хто лиш чує въ руках силу до роботи... А прийдеш туди, до того краю, так зараз дадуть тобі землі доброї, врожайної, скільки сам захочеш... Бери, будуйся, господарюй на щастя, на здоровля, та ще і по-

датку не возьмутъ від тебе“... („Ось куди ми підемо, не-бого!“).

Съ такимъ представленіемъ о Бразиліи „халупник“ распродалъ все свое скудное имущество, ликвидировалъ хозяйство, забиралъ жену, дѣтей и пускался въ дальній путь за счастьемъ и правдой.

Картину того, что называлось „бразильской горячкой“, далъ Т. Бордулякъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ разсказовъ, „Иванъ Бразиліецъ“. Это исторія Ивана Загуменнаго, выѣхавшаго, несмотря на увѣщанія и предостереженія „дядьки Панька“, просившаго „плюнуть на ту дурну Бразилію, бо ціла Бразилія—то либонь велике шахрайство“, въ погоню за лучшей долей. Иванъ первый выѣхалъ изъ Скороходовъ въ Бразилію,—выѣхалъ съ представленіемъ о ней какъ о краѣ, гдѣ онъ будетъ имѣть вдоволь прекрасной урожайной земли, обзаведется хозяйствомъ и станетъ хозяйничать на славу, все будетъ такъ, какъ сулилъ тотъ молодой „панич“ изъ Львова, который всячески уговаривалъ людей не вѣрить газетамъ и ѣхать въ Бразилію, чтобы тамъ „заложить нову Русь“.

Остался старый Панько одинокимъ. Чтобы разсѣять тоску и скрасить одиночество, частенько посѣщаетъ онъ „дьяка Ониська“, такого, какъ самъ, бобыля, слушаетъ, какъ „дьякъ Онисько“ читаетъ газету и принимаетъ живѣйшее участіе въ обсужденіи вопросовъ политики, главнымъ образомъ внѣшней, до чего большой охотникъ „пан реентий“¹⁾. Между стариками завязывается дружба, и въ ней находитъ Панько Загуменный нѣкоторое утѣшеніе въ постигшей бѣдѣ. Но всюду и во время обсуждения вопросовъ первостепенной важности въ родѣ возстанія на Кубѣ, судебъ Болгаріи, Крита и во время такихъ дружескихъ бесѣдъ, и во время чтенія Св. Письма не покидаютъ стараго Панька думы о судьбѣ племянника и его семьи.

Долго вѣстей изъ Бразиліи не было никакихъ, но, наконецъ, стали доходить слухи, что будто Иванъ Загуменный чувствуетъ себя въ Бразиліи великолѣпно, сдѣлался богатымъ человѣкомъ и даже поставилъ себѣ хату изъ краснаго дерева... Потомъ стали доходить вѣсти менѣе радостныя, и въ газетахъ все чаще и чаще замелькали статьи о тяжкомъ положеніи украинскихъ эмигрантовъ въ Бразиліи.

¹⁾ Дьячокъ.

Тревога закралась въ душу Панька, а когда вернулся одинъ изъ „бразилійцев“, крестьянинъ сосѣдняго села, и разсказалъ, что по пути въ обѣтованную землю умерли дѣти Ивана, а въ Бразиліи умерла отъ желтой лихорадки и жена его, что самъ Иванъ бѣдствуетъ гдѣ-то на кофейныхъ плантаціяхъ, какъ громомъ ударило Панька, „він перепхався кризь натовп слухачів і пустився до-дому, до своєї хатини, непевним кроком. Тутъ він кинувся на свою постелю й залився сльозами“...

Старикъ послѣ этихъ вѣстей сразу осунулся, затосковалъ, пересталъ съ прежнимъ вниманіемъ слушать рассказы „дьяка Ониська“ о событіяхъ на о. Критѣ, на Кубѣ, о планахъ Греціи, Турціи, Россіи, о войнѣ... Одну псалтирь съ прежнимъ вниманіемъ слушалъ старый дѣдъ,—это было уже началомъ конца, и недаромъ его пріятель, глядя на Панька, думалъ: „Ов, буде з тобою зле, бачу, коли тобі так пахне псалтира!“...

Умеръ Панько Загуменный въ тотъ день, когда вернулся изъ Бразиліи его несчастный племянникъ Иванъ, одинъ, безъ семьи, нищій и немощный. Еще увидѣли угасающія очи Панька блуднаго сына, еще услышалъ изъ устъ его печальную исторію и разстался со свѣтомъ.

Иванъ Бразиліецъ поселился на старомъ пепелищѣ и получилъ отъ „громади“ должность „гробаря“¹⁾, которую до того занималъ его дядя. Разсказъ оконченъ на томъ моментѣ, когда Иванъ Загуменный послѣ выбора его въ „гробари“ приходитъ въ корчму и зоветъ съ собой своихъ товарищей „голоту“. „В середині, в корчмі, на тим самим місці, де небіжчик Панько Загуменный не раз любив шукати разради в тяжких хвилях життя, сидів тепер Иванъ Бразиліецъ і запивав з новими товаришами могорич—топив свое гере“...

Такъ печально кончилась для семьи Загуменныхъ попытка устроить свою жизнь въ далекой неизвѣстной Бразиліи.

Разсказъ „Иванъ Бразиліецъ“—безусловно одинъ изъ лучшихъ разсказовъ Т. Бордуляка; автору удалось поставить передъ читателемъ не только нѣсколько отдѣльныхъ интересныхъ фигуръ, характерныхъ лицъ, но дать почувствовать самую глубину жизни галиційскаго села, психологію его обывателей, проникнуть въ ихъ мысли и чувства. Жизненность изображенныхъ писателемъ лицъ, удивительная чут-

¹⁾ Могилящикъ

кость и мягкость таланта, глубокая симпатія къ своимъ героямъ, наблюдательность чувствуются во всѣхъ безъ исключенія разсказахъ Т. Бордуляка, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ эти характерныя черты его особенно ясно чувствуются, и „Іванъ Бразиліецъ“—одинъ изъ такихъ.

Я говорю „одинъ изъ такихъ“, потому что тѣмъ же настроеніемъ и въ не меньшей степени проникнуть, напрымѣрь, и другой большой разсказъ Т. Бордуляка, „Бідний жидокъ Ратиця“. Я бы сказалъ, что это произведеніе заслуживаетъ особаго вниманія, потому что оно едва ли не единственное въ своемъ родѣ. Если мы оставимъ въ сторонѣ еврейскую литературу, то придется отмѣтить, что еврей—эпизодическая фигура литературныхъ произведеній всѣхъ народовъ. Онъ появляется рѣдко, а если появляется, то чаще всего въ рамкахъ ростовщика, комиссіонера, шинкаря или какого-нибудь комическаго персонажа. Евреемъ, полунищимъ и полуголоднымъ сельскимъ обывателемъ, не эксплуататоромъ, а эксплуатируемымъ, мало интересовались писатели. Т. Бордулякъ, умный и наблюдательный бытовикъ, описывая сельскую жизнь, не могъ пройти мимо немножко смѣшной, но въ то же время жалкой, юркой и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичной фигуры, получившей кличку „Ратиці“. „Сухорляве лице—маленьке, мов кулачок, та очі цибульковатої форми, ніс подібний до сливки, раз-у-раз наполовину раззявлений рот, борідку, на котрій стирчало лиш кільки рудих, неначе товаряча шерсть, волосків; вузьки груді, сухі, довгі руки, що теліпалися по обох боках того мізернаго тіла... На им'я йому було Кива, однак, його майже ніхто не кликав инакше, як Ратицею“.

„Ратиця“ родился и выросъ въ селѣ, его отецъ скупалъ рыбу у мѣстныхъ рыбаковъ и возилъ ее въ городъ, и это занятіе, помимо ста „ринськихъ“, оставилъ своему сыну въ наслѣдство.

Любопытно то, что антисемитизмъ крѣпко держится даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреи не живутъ, гдѣ ихъ не знаютъ, съ ними не сталкиваются. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ живутъ евреи, они мирно уживаются съ мѣстнымъ крестьянствомъ, если не приходятъ люди извнѣ, старающіеся посѣять вражду и ненависть. Живутъ мирно не десятки, а сотни лѣтъ и не ищутъ въ сосѣдѣ-евреѣ врага, не видятъ его въ Лензерѣ, Шмулѣ или Шіѣ. Мирно и тихо жилъ и „Ратиця“ въ селѣ, торговалъ рыбой, немножко щетиной, яйцами и чувствовалъ себя хорошо. Умѣлъ „Ратиця“ хорошо

торговаться, потому что необходимость заставляла его быть коммерческимъ человѣкомъ. Во время торга слышались любезности, въ родѣ: „Ти, ратице свиняча! Нехристе! Юдо скоріотський!“, но когда торгъ кончался, то обязательно кто-нибудь изъ рыбалокъ обращался къ „Лудѣ“ въ шутиливомъ тонѣ: „Ну, дай же бодай зажити табаки, фарисею!“. „Фарисей“ вынималъ изъ кармана березовую тавлинку, нюхалъ самъ и давалъ нюхать всѣмъ рыбалкамъ подъ-рядъ. Тѣмъ и кончалась жестокая перебранка. Рыбалки были довольны „Ратицею“, а еврей рыбалками. Такъ проходили годы, росла и росла семья „Ратиці“, а дѣла шли все хуже и хуже, бѣднѣли крестьяне, сдавливаемые со всѣхъ сторонъ панскими угодами, теряли свои лѣса, луга, выгоны, пошли неурожайные годы... А вмѣстѣ съ крестьянами нищаль и „Ратиця“. Наконецъ, дѣло дошло до того, что какой-то агентъ изъ Пруссіи сталъ закупать и рыбу, и раки изъ рѣки, кормившей рыбалокъ и „Ратицю“. Пришлось въ концѣ-концовъ еврею взять мѣшокъ и итти въ городокъ искать помощи у единовѣрцевъ и богатыхъ людей. Нищимъ сталъ „Ратиця“. Стояла суровая зима, морозъ трещалъ во-всю и заморозилъ „Ратицю“, когда онъ плелся лѣсомъ домой съ ношей муки, крупы, кусковъ хлѣба... Все село жалѣло „жидка-сіромаху“ и его несчастную семью.

Разскажъ весь полонъ теплымъ, участливымъ отношеніемъ къ „бѣдному жидку Ратицѣ“, даетъ правдивую картину его жизни безъ преувеличенія, безъ сгущенія красокъ, безъ излишней сентиментальности, поэтому-то онъ и оставляетъ послѣ себя прекрасное впечатлѣніе.

Я бы считалъ свой очеркъ неполнымъ, если бы не упомянулъ о разскажѣ „Дяк Гриць“, которымъ и заканчивается рядъ картинъ Т. Бордуляка изъ жизни галиційскаго села. Это—исторія о томъ, какъ и почему „дяк Гриць“ удралъ изъ Львова, куда его отецъ отвезъ учиться. Немудрая исторія мальчика, который не могъ никакъ забыть родного села, близкихъ людей и... своего любимца—бычка „Чепелика“. Правдивая, немножко смѣшная исторія, написанная съ присущимъ автору талантомъ и легкимъ юморомъ.

Особнякомъ стоитъ разскажъ „Жебрачка“. Здѣсь уже нѣтъ быта, въ этой мініатюрѣ авторомъ подчеркнута та пропасть, которая лежитъ между міромъ дѣйствительности и міромъ искусства, между сытымъ и голоднымъ. Господинъ и двѣ дамы въ картинной галлерей любовались полотномъ,

на которомъ художникъ какъ живую изобразилъ нищую, протягивающую руку за подаваніемъ. По выходѣ изъ галле-рей они на улицѣ наталкиваются на нищую, протягивающую и къ нимъ руку. Ничего другого не находятъ они сказать, какъ: „Ахъ! Какими нахальными стають эти бездѣльники! Теперь, право, небезопасно выходить на улицу!“ и, конечно, ни гроша не даютъ старухѣ. А то была нищенка, служившая натурой художнику, писавшему ту самую картину, которой только-что любовалась компанія.

Таковы рассказы Т. Бордуляка. Жизнь галиційскаго села глядитъ на читателя со страницъ книги, вереницей проходятъ бѣдные, обойденные судьбой люди: Гаврило Чорній, дядько Оедюкъ, дѣдъ Макаръ, „жидокъ“ Ратыця... Авторъ сумѣлъ подойти къ нимъ, войти въ кругъ ихъ интересовъ, понять ихъ,—потому такъ цѣнны рассказы Бордуляка. Правдивость и искренность въ творествѣ писателя, простота и вдумчивость, освѣщенная талантомъ, всегда привлекають читателя, въ талантѣ же Бордуляка есть и еще одинъ привлекающій моментъ: это—сочувствіе и симпатія, съ которой онъ говоритъ о своихъ герояхъ. Они для него не препараты, не букашки въ коллекціи, а живые близкіе люди, о счастьѣ которыхъ онъ мечтаетъ постоянно. „Та чого вони такі бідни, такі забути—ті чорни порепани руки? Та чи скоро прийде лучча доля, відрадніша будучність тім голодним, захлялим робітникам-хліборобам? Ой, Господи Боже, зглянься, та поможи, та прискори той час!“... („Першій раз“).

И въ наступленіе этого лучшаго будущаго непоколебимо вѣритъ Т. Бордулякъ, поэтому не чувствуется въ его произведеніяхъ того глубокаго пессимизма, который сквозить въ рассказахъ нѣкоторыхъ украинскихъ авторовъ послѣдняго десятилѣтія, когда они зарисовывають жизнь сель. Онъ знаетъ, гдѣ и въ чемъ спасеніе, онъ уже видѣлъ, какъ пробуждается народное сознаніе, какъ нарождаются новые люди Панасъ Михаленко въ рассказѣ „Бідний жидок Ратиця“ или „Дяк Гриць“.

Т. Бордулякъ, стоя на рубежѣ двухъ столѣтій и наблюдая ликвидацію старыхъ отношеній и зарожденіе новыхъ въ экономической и политической жизни страны, находясь въ самой гущѣ народа, видя, какъ и въ жизнь, и въ литературу проникають новыя вѣянія, новые люди, талантливо и правдиво записалъ то, чему былъ свидѣтелемъ. Во всѣхъ произведеніяхъ, повторяю, нѣтъ не идеализаціи его героевъ и

ихъ жизни, но нѣтъ и холоднаго объективизма художника-наблюдателя. Оттого его бытовые рассказы, стоящіе нѣсколько особнякомъ и отъ народныхъ разсказовъ старыхъ украинскихъ писателей-бытовиковъ и писателей болѣе поздняго времени (Стефаникъ, Григоренко), всегда интересны, всегда оригинальны и всегда сохраняютъ свое значеніе для широкихъ читательскихъ круговъ и для историковъ.

Талантъ Т. Бордуляка скромный, быть можетъ, не бросающійся сразу въ глаза, но глубокій и симпатичный; такъ же, вѣроятно, скромнень и близокъ всегда человѣческой душѣ и самъ авторъ. И какъ-разъ такіе люди и такіе авторы кладутъ прочное основаніе успѣху того дѣла, которое приближаетъ ихъ къ моменту, когда

Врага не буде, супостата,
А буде син і буде мати
І будуть люде на землі.

(Т. Шевченко).

Литературной работой Т. Бордуляка намѣченъ одинъ изъ камней, на которомъ строится зданіе этой новой жизни на обновленной землѣ.

Л. Бурчакъ.

Федоръ Салтыковъ, современникъ Петра о политикѣ Россіи по отношенію къ Малороссіи.

Федоръ Салтыковъ—видная фигура среди петровскихъ прожектеровъ. Его „Препозиціи“ и „Изъявленія прибыточнаго государству“, посланныя изъ Англіи Петру, обнаруживаютъ хорошее знакомство съ нѣкоторыми сторонами европейской, преимущественно, англійской жизни. Салтыковъ до крайности увлекся Западомъ, и, часто благодаря своему крайнему западничеству, онъ не видитъ и не замѣчаетъ мертворожденности многихъ изъ своихъ проектовъ ¹⁾. Ко всѣмъ вопросамъ русской дѣйствительности Салтыковъ подходилъ подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ, воспринятыхъ имъ безъ достаточно критическаго осмотра. Только въ малороссійскомъ вопросѣ—Салтыковъ оказался самостоятельнымъ и оригинальнымъ. Западная Европа почти ничего не могла ему дать, а между тѣмъ отношенія къ Малороссіи послѣ 1709 г. оставались весьма напряженными. Петровское правительство еще не выработало той точки зрѣнія, которой оно намѣревалось держаться въ малороссійскомъ вопросѣ. Поэтому всякіе совѣты и указанія въ этой области были болѣе, чѣмъ желательны. Салтыковъ это превосходно понималъ, и въ своихъ „Изъявленіяхъ прибыточныхъ государству“, малороссійскому вопросу посвятилъ цѣлую главу подъ общимъ заглавіемъ: „О содержаніи Украины Черкасской“ ¹⁾. Салтыковскія разсужденія интересны въ двухъ отношеніяхъ: 1) они даютъ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ сами современники Петра смотрѣли на присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ; 2) они обнаруживаютъ неосмысленную враждебность къ малороссійской автономіи и всѣ проникнуты рѣзко выраженной склонностью къ централизаціи управленія и окончательной

¹⁾ Павловъ-Сильванскій: Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, стр. 11—56.

²⁾ Павловъ-Сильванскій opus cit. ч. II, стр. 17—19.

ликвидации областной автономии. В последнем случае Салтыков шел навстречу желаниям и планам петровского правительства.

Салтыков признает, что в момент присоединения Малороссии к Москвѣ она была самостоятельна „нѣсколь-ко времени“ съ того момента, когда „Украина Черкасская, будучи подъ вліяніемъ польскимъ, отлучилась ея“. Обращение къ Москвѣ было совершенно добровольнымъ актомъ. По мнѣнію Салтыкова, Украина, перейдя подъ власть Москвы, однако выставила нѣкоторые условія и добилась значительной самостоятельности. Сущность ея заключалась въ томъ, что „они заключили свои властные правленія, судъ и своихъ природныхъ правителей быть у нихъ, какъ гетману, полковникомъ и сотникомъ и прочимъ всякихъ чиновъ людямъ, какъ въ воинскихъ, такъ и въ гражданскихъ чинахъ, чтобы были у нихъ непременно изъ ихъ народа, а не изъ російскихъ господъ, и не изъ російскаго народа“. Итакъ, Москва и Украина связаны опредѣленными договорными отношеніями, благодаря которымъ „присяжная провинція російскому государству ненаслѣдственна прилучилась“. Салтыкову не нравится автономія Украины. Она вредна и для Украины и для Москвы. Благодаря автономіи Украина „изъ начатку того и потомъ даже и до послѣдку всегда исполнена была бурной безпутной польской обычности и безпутной такой воли ихъ“. Эта вольность весьма вредно отражалась на взаимоотношеніяхъ Москвы и Украины—благодаря ей возникали „измѣны и отлагательства“, изъ числа которыхъ послѣдняя измѣна Мазепы—памятна государю „тысячекратно“, нежели самому автору, „послѣднему вашему рабу“. Итакъ, благодаря автономіи получается „великая вредительность обоимъ народамъ“. Отсюда вытекаетъ естественное слѣдствіе—необходимость отмѣны автономіи и превращенія Украины въ наслѣдственную провинцію. Вторая часть этой главы и посвящена тѣмъ пріемамъ, коими Украина можетъ быть превращена въ провинцію Російскаго государства.

Салтыковъ готовъ признать, что, послѣ неудачнаго движенія Мазепы и побѣды Петра надъ непріателемъ, Украина усмирена, и всѣ „въ состояніе прежнее подъ ваше владѣніе утверждены и поставлены“. Но Салтыкову это показалось недостаточнымъ „ибо въ нѣкоторыхъ старыя несостоятельства ихъ мыслимыя воли остались“.

Эта неудовлетворенность своимъ положеніемъ—всегда будетъ, „ежели у нихъ такая вольность останется, какъ они сперва приняты“. Слѣдовательно, ликвидація автономнаго строя необходима для блага обоихъ народовъ, чтобы впредь не было „обоимъ народамъ разореніе“.

Однако, отмѣна автономіи должна быть произведена не сразу, а постепенно. Всякая быстрота въ данномъ вопросѣ совершенно нежелательна. Поэтому, въ качествѣ первой мѣры—Салтыковъ рекомендуетъ отправить въ Украину къ гетману одну кавалерійскую роту „подъ образомъ вида гвардіи его, будто въ честь его“, составъ этой роты долженъ быть совершенно особенный.

Она должна быть „выбрана изъ дворянскихъ дѣтей и изъ кадетовъ, изъ нарочитыхъ умныхъ людей“. На эту избранную роту возлагается политическій шпіонажъ: они должны „осматривать ихъ злыя замышленія и измѣны, ежели они будутъ впредь намѣреваться дѣлать“.

Салтыковъ не отрицаетъ того, что и раньше правительство уже кое-что сдѣлало въ этомъ направленіи. Только, по его мнѣнію, эти мѣры были недѣйствительны. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ сдѣлать одинъ полковникъ, прикомандированный къ гетману-Мазепѣ, когда весь полкъ состоялъ исключительно изъ стрѣльцовъ. Проектируемая же Салтыковымъ мѣра болѣе дѣйствительна, такъ какъ „дворянскіе чины вѣрнѣе и усмотрительнѣе всегда для своего дворянства, для своихъ родственниковъ“.

Второй мѣрой, преслѣдующей ликвидацію автономнаго строя Украины—будетъ назначеніе на должности московскихъ чиновъ при обнаруженіи свободныхъ вакансій. Это, конечно, средство довольно дѣйствительное для осуществленія централистической политики русскаго правительства. Разъ русскіе займутъ важныя должности въ Украинѣ, то необходимо позаботиться о сближеніи русскаго народа съ украинскимъ. Эта руссификація необходима, чтобы достигнуть полнаго сохраненія обоихъ народовъ „отъ раззоренія и убытковъ“. Эта же руссификація будетъ вѣрнымъ средствомъ для воздержанія украинскаго народа „отъ измѣнъ“. Для успѣшной руссификаціи, необходимо устраивать браки между русскими дворянами и дочерьми полковниковъ, сотниковъ и „прочихъ богатыхъ людей“.

Когда всѣ эти мѣропріятія будутъ осуществлены, тогда украинскій „народъ въ доброе и постоянное состояніе

приведется и воплотится въ російскій народъ“, т.-е. постепенно исчезнетъ національная рознь. Благодаря такой политикѣ украинцы „будутъ освобождены отъ всякаго дѣла“, а русское правительство приобрѣтетъ въ лицѣ ихъ вѣрную военную силу. Салтыковъ прекрасно понимаетъ, что подобная политика неправомѣрна, но стоитъ ли объ этомъ думать, когда „по сему образу Ирландія и Велская сторона въ Англіи приведена подъ владѣніе англійское и нынѣ такожде приходитъ и Шотландія“. Стоитъ ли церемониться съ автономной Украиной, когда Англія уничтожила автономію Ирландіи и Шотландіи—таковъ смыслъ ссылки на исторію Англіи.

Проектъ Салтыкова нельзя не признать совершенно вѣрно отражающимъ извѣстное правительственное теченіе. Въ этомъ отношеніи—его совѣты совпадутъ съ характеромъ мѣропріятій Петра по отношенію къ Малороссіи. Важно, конечно, не полное тождество, а общій тонъ и направленіе политической мысли. Очень важно признаніе договорныхъ отношеній между Москвой и Украиной и признаніе незаконными дѣйствій правительства, направленныхъ противъ областной автономіи. Отстаивая централистическую политику по отношенію къ Украинѣ, Салтыковъ много говоритъ о разореніи, о бѣдахъ Украины и вытекающихъ отсюда послѣдствій для русскаго государства. Но едва ли было бы правильнымъ считать Салтыкова крайнимъ государственнымъ, ненавидящимъ автономію Украины изъ-за своихъ крайнихъ политическихъ взглядовъ. Вѣдь Салтыковъ въ то же время страстный апологетъ дворянства и его преимуществъ. Служилое дворянство давно съ нѣкоторой завистью смотрѣло на плодоносныя поля Украины. Но при существованіи областной автономіи—они были для него недоступны. Салтыковъ это прекрасно понималъ—отсюда его страстные выпады противъ украинской вольности, отсюда его проповѣдь сліянія украинцевъ и русскихъ въ одинъ нераздѣльный народъ. Итакъ, современникъ Петра признавалъ, что: 1) Украина пользовалась довольно значительной автономіей; 2) эта автономія сохраняла національныя особенности украинскаго народа и мѣшала утвержденію на Украинѣ великороссійскаго элемента; 3) автономная Украина находилась въ полномъ противорѣчій съ дворянскими интересами, во имя которыхъ автономію надо было упразднить.

Изъ русскихъ газетъ.

І. Епископъ Никонъ о воронахъ Галиціи.

Епископъ енисейскій и краснопольскій Никонъ, членъ Государственной Думы, извѣстный уже своими выступленіями въ защиту правъ украинскаго народа, помѣстилъ на столбцахъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ (№ 14983, 24 августа) яркую статью,—„Орлы и вороны“,— посвященную злободневному и до болѣзненности острому вопросу—націоналистической политикѣ въ оккупированной русскими войсками Галичинѣ. До самаго послѣдняго времени этотъ вопросъ былъ забронированъ; что дѣлалось въ оккупированной странѣ, объ этомъ можно было узнать только изъ официальныхъ изданій да изъ пересказовъ лицъ, имѣвшихъ возможность побывать въ Галичинѣ, во время занятія ея русскими войсками. И то, что удавалось узнать на основаніи этихъ источниковъ, вселяло грустные думы и болѣзненные чувства всякому, не только украинцу, за судьбу тѣхъ національно-политическихъ достояній, которыя достигнуты были украинскимъ населеніемъ этой страны на продолженіи длиннаго ряда лѣтъ. „За послѣднее время,—говоритъ епископъ Никонъ,—передъ нами развернулось такое изобиліе самыхъ неожиданныхъ событій въ Галиціи, что изъ стѣсненной груди всякаго русскаго человѣка, любящаго свою родину, неудержимо вырывается отчаянный вопль недоумѣнія,—полный страха за Россію и Галицію“. Отраженіе этого вопля и представляетъ собою статья епископа Никона. Написанная очень горячо и сильно, она обнаруживаетъ въ авторѣ высоко развитое чувство гражданина, смѣло называющаго позорныя явленія русской жизни ихъ собственными именами и не боящагося въ дни молчанія возвысить свой голосъ въ защиту поправнаго и униженнаго. Съ незначительными сокращеніями мы считаемъ необходимымъ перепечатать статью епископа Никона и на страницахъ нашего журнала.

Съ восторгомъ отзываясь о русскихъ войскахъ— „орлахъ“, совершившихъ „свой побѣдоносный путь“ въ Галицію, авторъ статьи подробно останавливается на дѣятельности барахтавшихся воронъ, летѣвшихъ вслѣдъ за войсками:

«а воронье, — въ лицѣ графовъ Б., архіеп. Е., Б—ыхъ, Са—въ, Ч—хъ и т. п. (имже нѣсть числа),—такъ называемые, «націоналисты» принялись спѣшно «устраивать новыя русскія губерніи, чуждую имъ страну; посыпались, какъ изъ рога изобилія, русскіе учительскіе курсы, русскія школы, православные приходы.. а украинскія учрежденія—школы, гимназіи, читальни, библіотеки—закрывались...

М. Меньшиковъ вспоминаетъ глубину нашей народной мудрости—«чужое добро въ прокъ не идетъ», когда говоритъ о русскихъ и нѣмцахъ, но глубину этой же пословицы («чужое въ прокъ не идетъ») благовременно помнить всегда, и какъ бы, въ концѣ-концовъ, и для украинцевъ русская культура не явилась тѣмъ, по прекрасному выраженію г. Меньшикова, микроскопомъ, которымъ бездарные нѣмцы вооружили русскихъ; «микроскопъ замѣнить собственные глаза не можетъ»... Больно и обидно, что «сочиняющему свою оперу украинскому народу русскіе «націоналисты» уже около 300 л. (1654—1915 гг.) усиленно «напѣваютъ» оперу другую,—и только упрямство простого народа (къ сожалѣнію, не интеллигенціи) спасло и спасетъ въ Россіи украинскую націю отъ гибельнаго вырожденія, растворенія... Видный публицистъ убѣдительно доказываетъ, какъ бесполезно и даже вредно обращать «рожь въ овесъ» (и обратно), что хотя береза ольхѣ и сестра, да еще родная, однако, «родная сестра березы—ольха—не хочетъ быть березой, а только ольхой». Не могу не привести еще одной прекрасной «фразы» того же М. Меньшикова: «въ замыслѣ Создателя всѣ народы, какъ всѣ живыя творенія, должны развиваться въ предугазанныхъ имъ стиляхъ: птица должна совершенствоваться свои птичьи качества, звѣрь—звѣриныя, растенія—растительныя, при чемъ самая скромная разновидность всемѣрно отстаиваетъ свое право на существованіе». Такъ пусть же украинская нація даже только самая скромная разновидность (!?), но вѣдь и она же, по наблюденію публициста, имѣетъ право на отстаиваніе своей независимости и культурной свободы. Какъ говорила г-жа А. Я. Ефименко по поводу украинской школы, «пустъ и хохлята наравнѣ съ прочими Божьими созданіями учатся въ своей родной школѣ». А вмѣсто того, что мы видимъ? Я долго жилъ и работалъ на Украинѣ и вынесъ самое тяжелое впечатлѣніе отъ результатовъ дѣятельности тамъ «русскихъ» школъ; хорошо, гдѣ учитель знаетъ украинскій языкъ; «русскаго» учителя—кацапа—дѣти мало понимаютъ и не любятъ... Объ этомъ много пролито чернилъ, ломано перьевъ, а въ результатѣ все же на русской Украинѣ и донинѣ «ни ржи, ни овса»... М. Меньшиковъ долженъ бы взять свои «слова» о томъ, что Россія никому культуры своей не навязываетъ,—назадъ. «Русскія» школы такъ изуродо-

вали украинца, его лицо, что «син батька не пізнає і не знає хто він і шо він». Украинца у насъ осудили на бесплодное плаваніе между двумя берегами.. Украинцы сжились со своей болѣзною, но сжиться съ болѣзною не значитъ не страдать отъ нея,—и сознательный элементъ (вовсе не «мазепинцы») на русской Украинѣ страдаетъ...

Но оставимъ русскую Украину, а полетимъ за тѣмъ вороньемъ, которое, вообразивъ и себя орлами, «устраивать» взялось Украину австрійскую. И тамъ русскіе «націоналисты» формациі графовъ Б., святителей Е., гг. Б., С., Ч. и т. п. (имъ же имя легіонъ) подавляютъ національность чужую, украинскую. Эти «герои» не считаютъ ся вѣковыми традиціями украинскаго народа Австріи, который «позналъ самого себя» и среди австрійскаго гнета, по слову своего апостола,—«все разберит, та і спигаите тогді себе: чиі сини, якіхъ батьків, кім, за що закути»? Поскольку російскіе украинцы прозябають въ невѣжественной тинѣ, не приобщаясь къ русской школѣ и культурѣ, усваивая лишь пиджакъ да картузь, постольку австрійскіе украинцы, имѣя свои украинскія школы, гимназіи, университетъ, читальни, бібліотеки, газеты и т. п., сознательно считаютъ себя особою славянскою націей. Въ Австріи украинцы, страдая отъ экономическаго гнета, имѣли все же самое главное въ жизни—свое родное—родную мать Галицію со всѣми ея стародавними обычаями, своимъ языкомъ, своей школой; закордонные украинцы, при всей своей ужасной жизни подъ игомъ поляковъ и евреевъ, все же могли смѣло и съ увѣренностью сказать, что они исполнили завѣтъ своего пророка-страдальца—поэта: «учітеся, брати мої думайте, читайте; і чужому научайтесь, і свого не цурайтесь. Бо хто Матір забуває, того Богъ карæ...».

Въ культурномъ отношеніи закордонные крестьяне-украинцы стоятъ гораздо выше російскихъ; они трогательно и нѣжно на родномъ, материнскомъ языкѣ рассказываютъ и читають дѣтямъ о давнихъ часахъ Украины, о ея краткой, но славной исторіи, о вольныхъ сынахъ Запорожья и т. д., т.-е. о томъ, о чемъ ни одинъ нашъ крестьянинъ-украинецъ никогда и не слыхалъ...

И вотъ—свершилось, налетѣли въ закордонную Украину за славными русскими героями-орлами русскіе вороны и давай тамъ все по-вороньему устраивать. Посыпались запрещенія, закрытія украинскихъ учреждений; усиленнымъ темпомъ, «як гриби в дощ», посыпались русскія школы, православные священники, приходы... Намѣтили чуть ли не епархіи, русскихъ епископовъ и митрополитовъ...

Нѣтъ, воронье! Всякій народъ требуетъ къ себѣ бережнаго отношенія; нація—не граммофонная пластинка, на которой можно «выводить» желанные напѣвы; всякое національное чувство надо щадить и не оскорблять. Это—святая истина, и очень грустно, что наши русскіе «націоналисты» эту истину забываютъ и, будучи сами націоналистами, давятъ чужую націю.

М. Меньшиковъ проливаетъ слезы (говорить лишь «фразы?!), о вредѣ нѣмецкой культуры для русскаго человѣка, а самъ (и съ нимъ «націоналисты») обижаютъ меньшую родную сестру нашу—

Украину. Украина—и закордонная, и русская,—нуждается въ «своей» школѣ, въ «своихъ» культурныхъ учрежденій, и мы ей должны помочь въ ея духовномъ культурномъ ростѣ, тогда и миѳическій, страшный «мазепинскій» духъ разсѣется...

Не держите, «націоналисты», народъ въ темнотѣ; темнота имѣетъ то для нѣкоторыхъ непріятное свойство, что отъ времени проясняется, а тамъ, глядишь, и исчезаетъ безслѣдно. Проснется украинскій народъ и задастъ намъ вопросъ: «Что ты со мной сдѣлалъ, мой родной братъ? Гдѣ мои сыны, гдѣ моя дорогая мова, гдѣ воля, гдѣ правда, гдѣ мать-Украина?» А мы что скажемъ?.. Вороны все расклевали.. Русскій народъ возьметъ на свою душу тяжелѣйшій грѣхъ (грѣхи могутъ быть не только у человѣка, но и у цѣлой націи), если онъ откажетъ Украинѣ въ ея насущнѣйшихъ потребностяхъ, и, прежде всего, въ школѣ на родномъ языкѣ. Старшій братъ тогда лишитъ своего младшаго брата возможности мирно вмѣстѣ развиваться въ духѣ и стилѣ «своемъ»... Нельзя закрывать дыханіе народа; надо дать украинскому народу жить, дышать и развиваться... Того тербуетъ долгъ, честь, справедливость, и разумъ, и совѣсть...

А вы—вороны русской земли, устроители австрійской (и русской) Украины—«какъ ни садитесь, все-жъ въ музыканты не годитесь»... Не летайте за орлами и не мѣшайте имъ; они—слава Россіи, а вы—ея позоръ, они—орлы и герои, а вы—вороны и мало-смысленные русскіе «дѣятели» въ ковычкахъ, очень плохіе «спасители» отечества

Членъ Гос. Думы епископъ Никонъ.

II. Петроградскій „День“ о галиційской демагогії.

Того же вопроса о политикѣ по отношенію къ украинцамъ Галиціи, равно, какъ и по отношенію къ украинцамъ Россіи касается петроградскій „День“ въ рядѣ статей: „Галицкая демагогія“ (№ 209), „Еще о Галиціи“ (№ 211). Осуждая эту политику, газета замѣчаетъ, что „военная власть не раздѣляла административныхъ восторговъ обрусителей и противилась имъ. Но тогда политику направлялъ министръ приговорительнаго класса, г. Маклаковъ, а націоналисты въ качествѣ его агентовъ фланировали по Галиціи и сѣяли смуту, которая намъ такъ дорого обошлась. А теперь 100,000 бѣженцевъ (привлеченныхъ въ Россіи демагогическими посулами архіеп. Евлогія и его клевертовъ) теперь голодными глазами смотрятъ на насъ и ждуть“... Редакція „Дня“ полагаетъ, что „вопіющіе факты“, имѣвшіе мѣсто при насажденіи націоналистической политики въ Галиціи даютъ достаточно матеріала для запроса

въ Государственной Думѣ. Съ обычною силою талантливый фельетонистъ названной нами газеты г. Нотинцилусъ, и раньше возстававшій противъ обрусителей политики въ Галичинѣ, отзывается въ своемъ фельетонѣ „Родной языкъ“ (№ 225) на разоблаченія, появившіяся въ газетахъ по вопросу о дѣятельности гг. Бобринскихъ въ дѣлѣ искорененія украинской культуры. Наши читатели въ свое время имѣли возможность ознакомиться со статьей этого фельетониста „Заурядь-нарѣчїе“,—думаемъ, что и предлагаемая ниже ихъ вниманію статья „Родной языкъ“, будетъ прочтена ими не безъ моральнаго удовлетворенія и признательности.

Когда наши войска шли впередъ по Галиціи, за ними, въ тылу ихъ, слѣдовали тѣ, кого епископъ Никонъ назвалъ «вороньемъ», о комъ было сказано въ Государственной Думѣ: отбросы челоуѣчества. Тамъ были, однако, не только чиновники. Туда устремилась, какая только могла, гнилая накипь казеннаго націонализма. Несмотря на окрики военной власти, несмотря на заявленія генераль-губернатора о нежелательности «ломки», націоналистическая саранча уничтожила всѣ культурныя насажденія украинскаго народа и подъ видомъ руссификаціи края несла съ собой, какъ дурная болѣзнь, смерть, разложеніе и гніеніе. Позоръ этихъ дней не скоро изгладится изъ памяти. Вѣдь могло же случиться такъ, чтобы послѣднее моральное ничтожество изъ «Земщины», презрѣнный авторъ похабныхъ каррикатуръ, получилъ отвѣтственную должность въ Галиціи и призванъ былъ насаждать тамъ русскую культуру. Поистинѣ, кошмаръ!

Теперь воронье разлетѣлось и притаилось по угламъ. Тогда они кричали: и я! и я!—и каждый спѣшилъ присосаться къ руссификаціи, и каждый старался урвать и потащить за собой кусокъ добычи. Теперь каждый трусливо отпирается: не я, не я,—и подите, разыщите виновника переселенія сотни тысячъ галичанъ, соблазненныхъ посулами и демагогическими обѣщаніями. Петръ киваетъ на Ивана, Иванъ киваетъ на Петра, а епископъ Евлогій киваетъ и на Петра и на Ивана,—всѣ виновны, кромѣ него.

Когда растоптана была украинская культура въ Галиціи, пострадада и безъ того многострадавшая украинская культура въ Россіи. Подобно писарю изъ малорусской комедіи, руссификаторы «категорили усю систему» и ставили задачей своей объединить всѣхъ украинцевъ, и русскихъ и галиційскихъ, на общемъ опустошенномъ культурномъ мѣстѣ. Стоитъ ли говорить о томъ, какой ударъ русской государственности нанесла эта политика? Даже Петръ Струве, и тотъ, кажется, это понимаетъ. Жестокіе уроки многимъ и на многое открыли глаза, и должны, наконецъ, открыться глаза и на украинскій вопросъ, хотя бы и съ запозданіемъ и цѣной великихъ жертвъ. Русскіе украинскіе дѣятели поднимаютъ вопросъ о преподаваніи на родномъ языкѣ, и вопросъ этотъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

До того ли теперь!—скажутъ люди нововременскаго склада. До того—и даже очень «до того». Война не только не мѣшаетъ постановкѣ этихъ вопросовъ. Она, напротивъ, ставитъ эти вопросы и придаетъ имъ особую силу. «Биржевымъ Вѣдомостямъ» сообщаютъ сегодня изъ Риги: «Во всѣхъ занятыхъ непріателемъ городахъ и волостяхъ Курляндіи начались занятія почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Общіе предметы преподаются на языкѣ преобладающей среди учащихся національности, во всѣхъ волостныхъ училищахъ преподаютъ на латышскомъ языкѣ, а въ городахъ—на нѣмецкомъ и латышскомъ»...

Нѣмцы имѣютъ нѣкоторое основаніе относиться къ латышамъ такъ же, какъ русскіе націоналисты относятся къ украинцамъ. Между нѣмецкимъ и латышскимъ населеніемъ въ Прибалтійскомъ краѣ были всегда враждебныя отношенія и нѣмецкіе бароны это тѣ же Дудыкевичи — и по идеологіи и по психологіи. Но если вѣрить «Биржевымъ Вѣдомостямъ», нѣмцы стараются обойти латышей и привлечь ихъ на свою сторону. Преподаваніе на родномъ языкѣ это завѣтное желаніе латышской, какъ и украинской интеллигенціи. Чтоже, выиграла ли русская государственность отъ того, что нѣмцами, во время войны, въ мѣстахъ, только что занятыхъ, осуществлено уже это завѣтное желаніе? Вѣдь не ломали же тамъ голову надъ вопросомъ, своевременно ли заниматься такими реформами, а взяли да и ввели ихъ и ужъ, согласитесь, себѣ этими реформами не повредили. Да и какія же эти реформы! Вѣдь только у насъ вопросъ о преподаваніи на родномъ языкѣ и могъ вырасти въ столь серьезную проблему, что о нее, какъ о камень, спотыкается наша государственность. А по существу, это и не проблема, а неотложное, простое и элементарное дѣло, надъ которымъ и задумываться нельзя».

Notunculus.

III. Проф. Н. Ф. Сумцовъ о возстановленіи украинской прессы.

Называя закрытіе украинскихъ изданій явленіемъ „изъ ряда вонъ выходящимъ“ почтенный профессоръ говоритъ, что „вотъ уже годъ, какъ украинскій народъ лишенъ своего печатнаго слова, и предоставленъ всецѣло разнымъ слухамъ, часто весьма недоброкачественнаго характера.

Изъ разныхъ источниковъ извѣстно, что нѣмцы въ юго-западномъ краѣ съ аэроплановъ сбрасываютъ множество прокламаций на украинскомъ языкѣ, то съ угрозами, то съ соблазнами. Что же мы противопоставимъ этимъ покушеніямъ, устранивъ такое сильное средство, какъ близкій, понятный, родной языкъ? Простой народъ очень довѣрчивъ; безъ серьезнаго противодѣйствія онъ легко повѣритъ многому такому, что входитъ въ интересы и планы германскаго генеральнаго штаба. Кто и какъ

будетъ бороться съ германской агитаціей, широко пользующейся малорусскимъ языкомъ? Неужели только городовые и стражники съ казенными объявленіями на заборахъ и фонарныхъ столбахъ? У народа такая острая насущная потребность знать истину, что полицейскихъ объявленій на заборахъ недостаточно.

Народный языкъ—большой козырь; чрезвычайно вредно оставлять его въ рукахъ нѣмцевъ, которые сумѣютъ имъ воспользоваться—понятно, для своихъ завоевательныхъ цѣлей. Разрушать легко—будетъ ли то бомбой-чемоданомъ, или росчеркомъ пера, но созидать трудно, особенно трудно наскоро возсоздать такое душевное дѣло, какъ народная печать. Въ интересахъ прежде всего и болѣе всего единства Россіи и дорогой всѣмъ арміи нужно спѣшить исправлять то, что испорчено по злему умыслу однихъ, непониманію другихъ.

Нужно твердо знать и помнить, что украинскій языкъ — языкъ русскій, украинскій народъ—великая отрасль русскаго народа. Совсе ненужно обладать политической мудростью, нужно только немного считаться съ исторіей, чтобы убѣдиться въ бесплодности, болѣе того въ великой зловредности угнетенія языка вообще, въ особенности угнетенія украинскаго языка. Развѣ русскому народу выгодно, чтобы этотъ языкъ въ роли бѣженца снова запрятался въ Галицію, въ Вѣнѣ, чтобы онъ попалъ въ руки германской политики и несъ эту политику путемъ культурныхъ вліяній съ нѣмецкаго Запада на славянскій Востокъ? Кому другому это гоненіе болѣе на руку, какъ не нѣмцамъ? Нельзя лѣзть въ раскрытую пасть нѣмца; нельзя давать ему въ руки такого сильнаго духовнаго орудія, какъ языкъ многомилліоннаго народа. Если нѣмецъ его захватитъ, онъ приспособитъ его къ своимъ интересамъ, онъ создастъ для себя новую большую силу, внесетъ въ русскій народъ глубокую рознь и, заигрывая съ украинцами, можетъ быть и съ поляками, въ противовѣсъ великороссамъ, создастъ въ славянской культурѣ огромную брешь въ видѣ нѣмецкаго культурнаго протектората. Единство націи не есть единство кулака, а единство духа; духа же нельзя угащать. Духъ живетъ, гдѣ хочетъ; болѣе всего онъ живетъ въ словѣ народномъ, устномъ и печатномъ.

Какъ бы ни были велики посулы и дары нѣмцевъ, они опасны, они гибельны. Есть древняя греческая сказка о томъ, какъ данайцы обошли троянцевъ; они подарили имъ большого деревяннаго коня; троянцы съ радостью ввезли въ свой городъ; изъ коня ночью вышли воины и покорили городъ. Такъ пала Троя. *Timeo danaos dona ferentes*—бойтесь данайцевъ даже тогда, когда они несутъ дары. Такимъ даромъ данайцевъ для славянъ является хваленая нѣмецкая культура; кто сильно польстится на нее—будетъ покоренъ и станетъ рабомъ. Сколько бы нѣмцы ни сулили Украинѣ благъ съ высоты аэроплановъ, въ концѣ-концовъ, въ случаѣ подчиненія ея Германіи или Австріи, она сдѣлается ихъ слугою въ государственномъ и культурномъ отношеніяхъ, въ

услуженіе имъ пойдуть верхи, панство, въ кабалу—низы, народъ. При печальной наклонности украинцевъ къ денаціонализациі,— въ XVII в. изъ Коваленокъ вышли ополяченные Ковальскіе, въ XVIII в. обрусѣвшіе Ковалевы, въ XX вѣкѣ могутъ появиться онѣмеченные Ковальманы, съ тѣмъ различіемъ, что при славянскомъ обоснованіи Ковалевы и Ковальскіе могутъ еще обратиться въ Коваленокъ, но разъ дѣло дойдетъ до Ковальмановъ,— возврата въ лоно своего народа ужъ не будетъ и быть не можетъ. Новорожденные Ковальманы съ видомъ культурнаго превосходства поѣдутъ верхомъ на бѣдныхъ, обнищавшихъ собратахъ Коваленкахъ, будутъ жать съ нихъ три пота, за кружкой мюнхенскаго пива, покуривая нѣмецкую сигару и славословя нѣмецкую культуру.

Чтобы народъ, при всѣхъ нѣмецкихъ соблазнахъ, понялъ, какая страшная опасность грозитъ ему въ рамкахъ нѣмецкаго господства, нужно, чтобы онъ слышалъ свою родную рѣчь, любилъ ее, охранялъ, защищалъ, и въ своемъ свободномъ національномъ самоопредѣленіи чувствовалъ себя отраслью великаго русско-славянскаго народа. («Южн. Кр.», 30/VIII).

Проф. Н. Ф. Сумцовъ.

Организація помощи украинскому населенію, пострадавшему отъ военныхъ дѣйствій.

Кіевское „Общество для оказанія помощи населенію юга Россіи, пострадавшему отъ военныхъ дѣйствій“ обратилось во всероссійскій союзъ городовъ съ нижеслѣдующей докладной запиской, испрашивая у союза субсидію для организаціи въ Кіевѣ дома призрѣнія галицкихъ выселенцевъ:

„Въ настоящей войнѣ Кіеву приходится играть роль главнаго тылового центра юго-западнаго фронта. Здѣсь, кромѣ военнаго госпиталя, сосредоточено нѣсколько десятковъ лазаретовъ; сюда съ самага начала военныхъ дѣйствій начали стекаться жители пограничныхъ мѣстностей, затронутыхъ войной; наконецъ, нашъ городъ съ начала войны является главнымъ пунктомъ, куда направляются массы выселяемыхъ и высылаемыхъ административно изъ оккупированныхъ областей, а въ послѣднее время—изъ предѣловъ Волынской, Подольской, Люблинской, Холмской и Бессарабской губерній. Такимъ образомъ, въ короткое время въ Кіевѣ образовалась масса крайне необезпеченнаго населенія, живущаго въ совершенно случайныхъ условіяхъ, что уже успѣло весьма неблагопріятно отозваться на санитарно-гигіеническомъ благополучіи города.

Въ особенно тяжелыя условія попадаютъ десятки тысячъ людей, выселяемыхъ административнымъ путемъ изъ Галиціи и Буковины и содержащихся въ тюрьмахъ и полицейскихъ участкахъ, а также бѣженцы изъ этихъ областей, направляющіеся въ Кіевъ или черезъ Кіевъ въ другія мѣста. Открытое въ маѣ мѣсяцѣ „общество для оказанія помощи населенію юга Россіи, пострадавшему отъ военныхъ дѣйствій“, включивъ въ свои задачи, согласно § 3 устава, также оказаніе помощи населенію Галиціи и Буковины, занялось обслѣдованіемъ положенія жителей изъ названныхъ областей. Масса народа изъ Галиціи и Буковины, наводняющаго ежедневно Кіевъ, распадается на три группы: 1) бѣженцевъ,

- 2) высылаемыхъ административно этапнымъ порядкомъ и
- 3) заложниковъ.

Бѣженцы размѣщаются преимущественно на Подолѣ, въ Контрактовомъ домѣ, возлѣ вокзала, въ таможенныхъ пакгаузахъ и на ипподромѣ. Живутъ они въ крайне антисанитарныхъ условіяхъ; спятъ вповалку на полу и землѣ, питаются случайно и отвратительно, лишены минимальной медицинской помощи при постоянныхъ инфекціонныхъ заболѣваніяхъ тифомъ, скарлатиной, дизентеріей и т. п. Условія и обстановка найма бѣженцевъ на работы въ имѣнія и заводы напоминаетъ невольничій рынокъ: наниматели выбираютъ изъ семьи болѣе здоровыхъ членовъ, уводятъ съ собой, не оставляя своихъ адресовъ; такимъ образомъ въ мѣстахъ временнаго убѣжища остаются дѣти, престарѣлые и немощные. Среди женщинъ, не исключая и дѣтей отъ 7—8-лѣтняго возраста, распространена проституція, какъ слѣдствіе полного отчаянія и нужды.

Вторая категорія—высылаемые административно этапнымъ порядкомъ—содержится при полицейскихъ участкахъ г. Кіева. Эта категорія состоитъ какъ изъ лицъ интеллигентныхъ профессій (священниковъ, профессоровъ, учителей и учительницъ, врачей, адвокатовъ, инженеровъ, чиновниковъ, студентовъ, гимназистовъ и пр.), такъ и изъ крестьянъ и рабочихъ.

Особыхъ помѣщеній для такихъ лицъ при участкахъ не имѣется, и они содержатся въ общихъ камерахъ съ уголовными преступниками, проститутками и проч., переполненныхъ сверхъ всякой нормы; сплошь и рядомъ бываетъ, что въ камерѣ, рассчитанной на 10—15 человекъ, помѣщается человекъ 30—40. Камеры, представляющія изъ себя полуподвальное или просто подвальное помѣщеніе, сырыя, темныя и невѣроятно грязныя; чистка и дезинфекція ихъ при безпрестанной смѣнѣ обитателей никогда не производится, вслѣдствіе чего онѣ кишатъ паразитами и микробами и являются очагами всевозможныхъ заразы. Вентиляція отсутствуетъ. Ретирады, гдѣ таковыя имѣются, невѣроятно загрязнены или же замѣняются „парашами“. Въ баню заключенныхъ не пускаютъ, вслѣдствіе чего заключенные страдаютъ отъ паразитовъ и чесотки. Бѣлье стирать негдѣ, и приходится мыть его (безъ мыла) на нарахъ и въ той же посудѣ, въ которой приносится пища. Кипяченую воду (кипяткомъ) пьютъ разъ въ день для заварки чая, если таковой имѣется;

часто это бываетъ уже остывшая теплая вода, въ которой и заварить чая нельзя. Заключение утоляютъ жажду сырой водой изъ источниковъ сомнительной чистоты.

На пропитаніе заключенные получаютъ по 11 к. въ день на человѣка, изъ которыхъ приходится уплачивать 2—3 копѣйки городовому за услугу по покупкѣ и приносу пищи.

Медицинская помощь совершенно отсутствуетъ; врачи и фельдшера городской санитарной организаціи полицейскихъ участковъ не посѣщаютъ, городская больница отказывается въ помощи и приѣмѣ больныхъ, ссылаясь на переполненіе. Въ такомъ положеніи заключенные находятся иногда по три и четыре мѣсяца въ ожиданіи дальнѣйшаго слѣдованія по этапу въ восточныя губерніи и Сибирь. Слѣдствіемъ такого содержанія бѣженцевъ и административно высылаемыхъ въ мѣстахъ содержанія и заключенія ихъ было около 80 смертныхъ случаевъ отъ инфекціонныхъ и другихъ заболѣваній.

Третья группа—такъ-называемые „заложники“, появившіеся въ послѣднее время, состоящая изъ видныхъ обывателей, а также общественныхъ и политическихъ дѣятелей (члены парламента, городскіе головы и члены управы, члены судебной палаты, директора банковъ, окружные инспектора по учебной части и т. п.). Часть ихъ помѣщается въ арестныхъ домахъ, содержащихся на средства польскаго и еврейскаго комитетовъ, другая часть распредѣлена по участкамъ и испытываетъ на себѣ всѣ вышеописанныя тяжелыя условія заключенія. Въ особенно тяжеломъ положеніи находятся заложники въ Дворцовомъ участкѣ, гдѣ они помѣщены въ тѣсной и душной камерѣ, съ жарко нагрѣваемой стѣной, находящейся бокъ-о-бокъ съ кухней; кромѣ невыносимой жары заключенные въ этой камерѣ заложники страдаютъ отъ массы крысъ и клоповъ.

Помощь, оказываемая обществомъ въ участкахъ, недостаточна, нецѣлесообразна, а главное—случайна и всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія участковой полиціи, такъ что въ то время, какъ въ однихъ участкахъ полиція понимаетъ ея необходимость и идетъ навстрѣчу благотворительности, въ другихъ участкахъ, напротивъ, членамъ общества приходится тщетно добиваться возможности притти на помощь заключеннымъ.

По примѣру поляковъ и евреевъ, открывшихъ съ разрѣшенія администраціи дома для помѣщенія своихъ едино-

племенниковъ изъ Галиціи, содержащихся при участкахъ и высылаемыхъ по этапу (а также и заложниковъ), „общество для оказанія помощи населенію юга Россіи“ рѣшило также открыть подобный домъ для галицкихъ русиновъ. Для этой цѣли занять домъ въ Кіевѣ, на Лукьяновкѣ, изъ 30 комнатъ для помѣщенія 80—100 человѣкъ, содержаніе которыхъ обойдется не менѣе 2,000 руб. въ мѣсяцъ, считая расходы по найму помѣщенія, оборудованіе его, содержанію чиновъ полиціи, прикомандированныхъ для охраны, и довольствію содержащихся въ домѣ.

Средства комитета весьма ограниченны. Ежедневно въ комитетъ обращается масса бѣженцевъ за помощью, которая и оказывается имъ деньгами, одеждой и бѣльемъ. Общество организовало питаніе горячей пищей и снабженіе бѣльемъ, насколько позволяютъ средства, содержащихся при участкахъ; учредило также дежурство своихъ членовъ на вокзалѣ, для встрѣчи поѣздовъ съ бѣженцами, для оказанія имъ первой помощи пищей и необходимыми совѣтами. Наконецъ, при обществѣ существуетъ бюро по пріисканію занятій. Теперь же, когда общество приступило къ организаціи дома содержанія высылаемыхъ и заложниковъ, требующей большихъ расходовъ, средства общества совершенно исчерпались, а потому общество позволяетъ себѣ обратиться во всероссійскій союзъ городовъ съ просьбой притти на помощь нашему начинанію ассигнованіемъ извѣстной суммы спеціальнаго назначенія на оборудованіе дома, а также и на усиленіе средствъ общества, увѣренное въ томъ, что его просьба не останется безъ отклика. Средства эти послужатъ облегченію положенія многихъ тысячъ людей изъ наиболѣе обездоленныхъ нынѣшней великой войной“.

Въ отвѣтъ на это ходатайство союзъ ассигновалъ обществу пособіе въ 1,000 р. Съ такимъ же ходатайствомъ обратился общество и къ Пирговскому обществу, также пообѣщавшему съ своей стороны помощь.

Въ послѣднее время общество приступаетъ къ организаціи питательнаго пункта для бѣженцевъ (на 500 человѣкъ ежедневно), для чего ему обѣщана матеріальная поддержка со стороны всероссійскаго земскаго союза. Одновременно съ питательнымъ пунктомъ въ Кіевѣ общество намѣтило устройство такого же пункта на ст. Боярка Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорѣгъ.

У истоковъ славянства.

Энциклопедія славянской филологіи. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею проф. акад. И. В. Ягича. Выпускъ II, 1. А. А. Шахматовъ. Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка. Петроградъ, 1915. Стр. I+368. Ц. 2 р.

Если вообще *inter arma silent musae*, то тѣмъ большее удовлетвореніе вызываютъ литературныя явленія, свидѣтельствующія о непрерывной работѣ научной мысли, не заглушаемой грохотомъ орудій и тяжелыми впечатлѣніями міровой бойни... Къ числу такихъ явленій относится недавно вышедшій изъ печати новый томъ „Энциклопедіи славянской филологіи“, посвященный труду акад. А. А. Шахматова, неутомимаго изслѣдователя глубинъ русскаго языка и зачатковъ русской письменности. Значеніе всѣхъ изысканій этого автора для установленія въ русской наукѣ правильного взгляда на украинскій языкъ и украинскую литературу усиливаютъ, съ нашей точки зрѣнія, интересъ къ каждой его работѣ въ области языковѣднія.

Новое изслѣдованіе академика Шахматова посвящено изученію звуковыхъ явленій въ составѣ общерусскаго праязыка и древнерусскаго языка съ его главными вѣтвями; иными словами, авторъ разсматриваетъ русскій языкъ въ томъ періодѣ его исторіи, который предшествовалъ обособленію трехъ нарѣчій его, развившихся постепенно въ современные три русскіе языка: великорусскій, бѣлорусскій и малорусскій. Изслѣдованіе распадается на шесть отдѣловъ, изъ которыхъ первый разсматриваетъ звуковой составъ общеславянскаго праязыка; второй касается звуковыхъ явленій въ эпоху общей жизни южнаго и восточнаго славянства, по отдѣленіи отъ него западно-славянской вѣтви; въ третьемъ отдѣлѣ перечисляются явленія общерусской эпохи; въ четвертомъ изложены звуковой составъ древнерусскаго языка; пятый разсматриваетъ нѣкоторыя явленія, происшедшія послѣ распадѣнія общерусскаго праязыка,—и ше-

стой излагаетъ древнѣйшія діалектическія явленія русскаго языка и главнѣйшія отличія трехъ древне-русскихъ нарѣчій.

Детальная оцѣнка труда акад. Шахматова принадлежитъ спеціальной филологической литературѣ, получившей въ этомъ трудѣ вкладъ огромной научной цѣнности. Это не первая и, конечно, не послѣдняя работа, въ которой акад. Шахматовъ, съ помощью тонкаго и остраго анализа,—очищаетъ одно за другимъ вѣковыя наслоенія, покрывшія русскій языкъ за долгій періодъ его эволюціи, и вскрываетъ его далекое прошлое съ тою отчетливостію, которую даетъ лишь глубокое проникновеніе въ природу изучаемыхъ явленій. Оставляя этотъ основной матеріалъ книги акад. Шахматова вниманію спеціалистовъ, мы остановимся на общей характеристикѣ хода образованія русскихъ племенъ и нарѣчій, которой авторомъ посвящено особое „Введеніе“, само по себѣ представляющее трудъ большого интереса и самостоятельнаго научнаго значенія. Здѣсь, сопоставляя результаты анализа лингвистическихъ данныхъ съ историческимъ матеріаломъ, авторъ устанавливаетъ пути и намѣчаетъ хронологію расселенія славянскихъ племенъ, а затѣмъ и русскаго племени, съ тѣми его послѣдовательными развѣтвленіями, образованіе которыхъ сопровождалось раздробленіемъ общерусскаго праязыка на отдѣльныя нарѣчія. Мы ограничимся, конечно, лишь схематическимъ изложеніемъ основныхъ положеній и главныхъ выводовъ акад. Шахматова.

Общеславянскую прародину акад. Шахматовъ находитъ у Балтійскаго моря, въ бассейнѣ Зап. Двины, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ народомъ балтійской культуры (пруско-литво-латышами), занимавшимъ бассейнъ Нѣмана; на югъ и юго-востокъ отъ балтійцевъ сидѣли финскія племена. Въ этомъ періодѣ славянство воспринимало элементы европейской культуры отъ сѣверныхъ германцевъ-скандинавовъ. Когда въ первые вѣка нашей эры германскія племена, занимавшія Повислинье, двинулись къ югу, къ Средиземному морю, славяне заняли опустѣвшія мѣста въ среднемъ и южномъ Повислиньѣ, которое сдѣлалось, такимъ образомъ второю общеславянскою родиной. Здѣсь славянская семья распалась на двѣ вѣтви—западную и южную, въ связи съ двумя направленіями дальнѣйшихъ передвиженій. Сперва часть славянъ двинулась по линіи наименьшаго сопротивленія, къ западу, на прежнія германскія земли по Одеру и Эльбѣ. Въ концѣ V в., съ паденіемъ господства гунновъ, славяне устремились изъ Повислинья къ нижнему Дунаю.

Это были предки южныхъ и восточныхъ славянъ, нѣкоторое время жившіе общео жизнью. Въ первой четверти VI в. уже на нижнемъ Дунаѣ опредѣлилось двѣ вѣтви славянскаго племени: одна—болѣе западная, выдѣлила изъ себя въ дальнѣйшемъ южно-славянскія племена, осѣвшія на балканскомъ полуостровѣ и въ бассейнѣ Дуная; другая—восточная (Анты), послѣ разрыва съ западными соплеменниками, осѣла въ Поднѣстровѣ и части Поднѣпровья: это и была прародина русскаго племени. Подъ напоромъ разныхъ степныхъ ордъ, Анты постепенно потеряли нижнее Поднѣстровье и Черноморское побережье, сосредоточиваясь болѣе къ сѣверу, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ, и вытѣсняя отсюда западныхъ финновъ. Въ то же время нѣкоторыя вѣтви западнаго славянства двинулись обратно на востокъ въ Повислинье и далѣе въ бассейны верхнихъ теченій Днѣпра, Оки и Волги.

Послѣ довольно продолжительнаго пребыванія восточно-славянскаго (русскаго) племени въ тѣсномъ единеніи на пространствѣ Полѣсья, создались условія, благопріятствовавшія колонизаціоннымъ движеніямъ къ югу и востоку, которыя положили начало распаденію русской семьи. Восточная ея отрасль заселила Подонье, тяготѣя къ Азовскому морю, къ хазарской культурѣ. Въ то же время часть поднѣпровскихъ племенъ (уличи и тиверцы) заняли черноморскій югъ отъ Днѣпра до Дуная, открывъ путь греческой культурѣ въ Поднѣпровье; здѣсь образовался племенной и торговый центръ—Кіевъ, объединившій въ себѣ вліяніе двухъ культуръ—греко-византійской и германо-скандинавской. Именно, скандинавы, господствовавшіе на Балтійскомъ морѣ, подчинили своему воздѣйствію сперва финскія племена, тяготѣвшія къ морю, а затѣмъ западно-славянскія и восточно-славянскія поселенія верхняго Днѣпра; отдѣлившаяся отъ послѣднихъ сѣверная вѣтвь потянулась къ истокамъ Днѣпра и далѣе къ западу, сѣверу и востоку по теченіямъ рѣкъ, сближающихся своими истоками съ началомъ Днѣпра. Къ сѣверу двинулись племена, сидѣвшія въ современной Черниговщинѣ, увлекаая за собой встрѣчаемыя по пути ляхскія племена: отсюда въ языкѣ сѣверно-русовъ признаки вліянія польскихъ говоровъ. Дойдя до истоковъ Днѣпра, одна вѣтвь сѣверно-русовъ направилась къ западу, по теченію Зап. Двины: это—кривичи, которыхъ исторія застааетъ въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Псковѣ; другая—словѣне—заняла сѣверъ и сѣверо-востокъ (Новгородъ, Бѣлоозеро и

верхнее Поволжье). Такимъ образомъ, къ IX в. русское племя распалось на три племенные группы: южную, сѣверную и восточную,—каждая изъ которыхъ жила въ особыхъ экономическихъ условіяхъ и тяготѣла къ особому культурному міру. Южную группу составляли поляне, древляне, дреговичи, дулѣбы или бужане, уличи, тиверцы, сѣверяне; къ сѣверной группѣ относятся словѣне, кривичи и полочане; восточную составили вятичи, передвинувшіеся въ концѣ X или въ XI в. изъ сѣвернаго Подонья въ бассейнъ Оки. Соответственно этому распаденію русскаго племени, общерусскій праязыкъ уже до XI в. выдѣлилъ изъ себя три первоначальныхъ нарѣчій: южное, сѣверное и восточное.

Происходившія въ IX—X вв. стихійныя передвиженія народовъ сѣвера къ югу, „изъ варягъ въ греки“, для добыванія Царьграда, повели къ образованію въ южномъ Поднѣпровьѣ политическаго организма. Руководили этими движеніями скандинавы, передавшіе свое финское имя „Русь“ (Ruotsi) своимъ полчищамъ и основаннымъ ими поселеніямъ среди южныхъ развѣтвленій восточнаго славянства. Тѣ же скандинавы-варяги къ срединѣ IX в. утвердили свое господство надъ сѣверными племенами—въ Новгородѣ, Изборскѣ, Полоцкѣ, Бѣлоозерѣ и Ростовѣ. Отсюда шли послѣдующія движенія къ Черному морю, закончившіяся основаніемъ въ Кіевѣ государства, въ которомъ объединились южныя племена подъ тѣмъ же именемъ Руси.

Въ концѣ X в., по разрушеніи хазарскаго царства, восточно-русская вѣтвь (вятичи), осѣвшая въ бассейнѣ Дона, тревожимая набѣгами кочевниковъ, двинулась частью на сѣверъ къ Рязани, частью на сѣверо-западъ, къ сѣверному Подесеню и Поднѣпровью. Въ теченіе XI в. средняя Россія получаетъ, такимъ образомъ, густое и сплоченное населеніе изъ сѣверно-русовъ, продвинувшихся съ верхняго Поволжья къ Окѣ, и восточно-русовъ, подходившихъ къ Окѣ съ юга и юго-востока. Сліяніе обоихъ этихъ племенъ образовало великорусскую народность. Изъ сліянія другой части вятичей на сѣверо-западъ съ мѣстнымъ населеніемъ, представлявшимъ соединеніе южно-русскихъ элементовъ съ ляхскими, образовалась народность бѣлорусская.

Что касается южно-русскаго племени, то оно, въ общемъ, сидитъ до сихъ поръ въ тѣхъ предѣлахъ, которые ему обезпечило кіевское государство, расширивъ, кромѣ того, свои поселенія къ востоку. Внутреннія перемѣщенія въ составѣ племени, вызванныя натискомъ кочевниковъ, не были очень

значительны. На крайнемъ юго-западѣ уличи и тиверцы были оттиснуты отъ устьевъ Дуная и Днѣстра къ сѣверу, въ среднее и сѣверное Поднѣстровье, въ связи съ чѣмъ стоитъ возвышеніе Галича въ первой половинѣ XII в. На востокѣ, въ Приднѣпровьѣ, передвиженія происходили также къ сѣверу, въ область Полѣсья. Прямыхъ потомковъ полянъ, древлянъ, сѣверянъ можно признать въ современномъ населеніи сѣверной Кіевщины, сѣверной Волини, южной Черниговщины и сѣверной Полтавщины. Населеніе же болѣе южныхъ мѣстностей въ значительной степени прибыло съ юго-запада, откуда колонизаціонная волна двинулась на востокъ, какъ только литовско-русское княжество обезпечило здѣсь сносныя условія существованія. Это относится къ говорамъ съ *i* на мѣстѣ *o*, которые съ юго-запада и изъ Галиціи постепенно продвинулись до Слободской Украины.

Изслѣдованіемъ діалектологической и, частью, этнологической стороны вопроса акад. Шахматовъ не ограничивается. Очерку центробѣжныхъ движеній въ средѣ восточнаго славянства, приведшихъ къ его развѣтвленію на нѣсколько племенъ и нарѣчій, противопоставляется попутное освѣщеніе центростремительныхъ тяготѣній, сглаживавшихъ этнографическія и языковыя различія и имѣвшихъ послѣдствіемъ созданіе ряда политическихъ организацій и общей, объединяющей всѣ русскія племена, культуры. Первой такою организаціею было кіевское государство, настоящимъ основателемъ котораго былъ Владиміръ, сынъ Святослава, объединившій подъ своею властью всѣ восточно-славянскія племена и приобщившій свое государство къ византійской цивилизаціи. Въ дальнѣйшемъ Кіевъ воспринималъ и перерабатывалъ не только греческія культурныя вліянія, но и многія инныя: восточныя отъ хазаръ и съ Кавказа; греко-романскія—изъ славянской Болгаріи, откуда Владиміръ принялъ христіанство; романо-германскія—отъ поляковъ и чеховъ. Въ результатѣ, Кіевъ явился средоточіемъ и проводникомъ создавшейся около него особой, сложной южно-русской культуры. Орудіемъ этъ культуры былъ заимствованный изъ Болгаріи же книжный языкъ, воспринявшій мѣстную діалектическую окраску. Въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи важнымъ факторомъ политическаго единенія русскихъ племенъ были внѣшніе удары. Послѣдствіемъ долгой борьбы съ кочевыми ордами было паденіе Кіева и созданіе новыхъ политическихъ центровъ на крайнемъ юго-западѣ и крайнемъ сѣверовостокѣ. Этотъ, именно, факторъ сыгралъ рѣшительную

роль въ образованіи великорусской народности, великорусскаго государства и затѣмъ великой Россіи. Но новые центры могли получить политическое и культурное значеніе только потому, что они восприняли отъ Кіева выработанныя имъ общія основы государственной и гражданской жизни: идею національной княжеской власти, своеобразную и устойчивую культуру, національную религію и церковь.

Для южно-русскаго племени этотъ ходъ событій имѣлъ отрицательное значеніе. Съ паденіемъ кіевскаго государства, верхніе слои племени, его правящіе классы, вовлечены были въ орбиту новыхъ политическихъ центровъ. Попытка галицкихъ князей возсоздать государственную жизнь южной Руси потерпѣла крушеніе. Галицкая Русь вынуждена была броситься въ объятія иноземной культуры, связавъ свои судьбы съ Польшей. Культурное наслѣдіе Кіева перешло къ сѣверо-восточнымъ центрамъ, главнымъ образомъ, къ Москвѣ, около которой сгруппировалась великорусская нація. Органъ культуры—книжный языкъ—постепенно освобождался отъ южно-русскихъ элементовъ и принималъ великорусскую окраску. Въ московскомъ государствѣ возродилось стремленіе къ собиранію русской земли, нашедшее поддержку въ настроеніяхъ народныхъ низовъ въ обособившихся областяхъ. Классовый антагонизмъ въ этихъ областяхъ содѣйствовалъ центростремительнымъ теченіямъ, парализуя усилія правящихъ слоевъ сохранить обособленность. Но дѣло объединенія представляло неимоверныя трудности: ему противилось все прошлое, всѣ, созданныя исторією, формы жизни, экономическіе и культурные интересы...

Такова схема языковой, національной и политической эволюціи русскаго племени, которую можно извлечь изъ изслѣдованія акад. Шахматова. Въ своихъ главныхъ выводахъ это изслѣдованіе лишь подтверждаетъ мысли, ранѣе высказанныя авторомъ въ другихъ работахъ, но здѣсь эти мысли углублены, шире обоснованы и, въ стройномъ сочетаніи извѣстныхъ фактовъ и новыхъ умозаключеній, возсоздаютъ предъ нами процессъ языковой и этнографической кристаллизаціи на территоріи Европейской Россіи. Крайне любопытная сама по себѣ, во всемъ ея цѣломъ, картина, обрисованная акад. Шахматовымъ, представляетъ для насъ особенный интересъ въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются судебъ южной Руси. Нѣкоторые изъ выводовъ и соображеній автора устанавливаютъ новую точку зрѣнія на прошлое мало-

русской народности, иногда существенно отличную отъ взглядовъ, которыхъ держатся украинскіе ученые, и потому заслуживаютъ особаго вниманія.

Предложенная акад. Шахматовымъ генеалогія малорусскаго языка въ общихъ чертахъ была угадана уже П. Житецкимъ, который въ исторіи русскаго языка отличалъ періодъ общерусскій—доисторическій отъ древне-русскаго—историческаго, и въ составѣ древне-русскаго языка предполагалъ наличность элементовъ, изъ которыхъ развились постепенно всѣ его нарѣчія. Но Житецкій въ этой эволюціи нарѣчій не видѣлъ періода трехъ главныхъ развѣтвленій, предшествовавшихъ образованію великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, и не могъ еще въ то время опредѣлить хронологію ихъ развитія. Далѣе, по Житецкому бѣлорусскій говоръ есть составная часть великорусскаго нарѣчія, возникшая непосредственно изъ общерусскаго праязыка и, въ соединеніи съ сѣвернымъ великорусскимъ говоромъ, образовавшая южный великорусскій говоръ. Между тѣмъ, по Шахматову, только малорусское нарѣчіе происходитъ по прямой линіи отъ общерусскаго праязыка, чрезъ посредство его южнаго нарѣчія; великорусское нарѣчіе представляетъ уже послѣдующее образованіе изъ элементовъ сѣвернаго и восточнаго нарѣчій праязыка, а бѣлорусское—продуктъ соединенія южнаго и восточнаго нарѣчій съ ляхскими элементами, при томъ, во всякомъ случаѣ, вѣтвь, равноправная съ прочими двумя. По вопросу о начальномъ моментѣ образованія южно-русской вѣтви восточнаго славянства, мы находимъ значительное различіе между взглядами акад. Шахматова и проф. Грушевскаго: въ то время, какъ по Шахматову древніе Анты составляли начальную стадію образованія русскаго племени вообще, проф. Грушевскій видитъ въ нихъ ту вѣтвь восточно-славянскихъ племенъ, изъ которой непосредственно развилась украинская народность, отодвигая, такимъ образомъ, начало ея возникновенія въ гораздо болѣе отдаленную глубь вѣковъ,—до конца IV вѣка, который, по изслѣдованію акад. Шахматова, входитъ еще въ общеславянскій періодъ. Нельзя не отмѣтить, наконецъ, въ схемѣ Шахматова утвержденія норманской теоріи, въ то время, какъ проф. Грушевскій рѣшительно отрицаетъ участіе норманновъ въ созданіи племеннаго имени Руси, считая „Русь“ исконнымъ именемъ кіевскихъ полянь, распространившимся затѣмъ на все южно-русское, украинское племя.

Съ большимъ интересомъ читаются соображенія акад. Шахматова о роли государственныхъ центровъ въ дѣлѣ культурнаго и политическаго объединенія русскихъ племенъ. Высказанныя какъ бы вскользь, внѣ прямой связи съ лингвистическими и историческими фактами, подвергавшимися анализу автора, соображенія эти даютъ, тѣмъ не менѣе, общее ретроспективное освѣщеніе исторіи южной Руси,—которое также нѣсколько расходится съ точкою зрѣнія украинскихъ историковъ. Основная мысль акад. Шахматова, какъ кажется, признаніе объективной цѣнности племенного объединенія самого по себѣ, независимо отъ условій, въ которыхъ оно происходитъ, и отъ жертвъ, которыхъ оно требуетъ. Характеризуя послѣдовательную смѣну центростремительныхъ теченій въ національной и политической жизни русскихъ племенъ, акад. Шахматовъ заканчиваетъ свой обзоръ тѣмъ моментомъ, когда задача собиранія русской земли перешла къ великорусскому политическому ядру, воспринявшему наслѣдіе южно-русской культуры, которая въ древности объединяла всю русскую землю. Въ этой стадіи, по словамъ автора, объединительная политика государства встрѣчала „неимовѣрныя трудности“ въ различіи основъ культуры, формъ жизни, экономическихъ интересовъ, несмотря на то, что симпатіи народныхъ низовъ въ обособившихся областяхъ болѣе носили центростремительный, нежели центробѣжный характеръ. Но при такихъ условіяхъ, когда ради объединительныхъ цѣлей государствомъ и обществомъ затрачивается огромное количество энергіи на преодоленіе „неимовѣрныхъ трудностей“, на тренія, вызываемыя противоположною интересовъ, результаты обыкновенно не оправдываютъ затраченныхъ усилій. Въ разсматриваемомъ случаѣ, условія развитія племенъ, образовавшихъ великорусскую націю, настолько отличались отъ той обстановки, въ которой жила и развивалась малорусская народность, что и южнорусская культура была перенесена на сѣверо-востокъ не полностью, а лишь въ тѣхъ частяхъ, какія соотвѣтствовали мѣстному—великорусскому укладу, мѣстной культурѣ,—византійско-восточной по преимуществу. Устанавливаемые акад. Шахматовымъ пути движенія восточно-русскихъ племенъ указываютъ на очень близкое соприкосновеніе ихъ съ восточными элементами, вліяніе которыхъ съ теченіемъ времени, въ періодъ татарскаго владычества, могло только усиливаться, окрасивъ собою великорусскую культуру

и сущность великорусской государственности. Въ то же время южная Русь сохраняла свои традиціи дружинно-вѣчскаго уклада, къ которымъ затѣмъ присоединились западно-европейскія вліянія, постепенно усиливавшіяся съ ходомъ исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что историческій антагонизмъ между сѣверо-восточной и юго-западною Русью обусловливался не только соперничествомъ политическихъ центровъ и экономическихъ интересовъ, но и этимъ различіемъ культурныхъ тяготѣній. Напомнимъ, что самый процессъ собиранія русской земли около сѣверо-восточнаго ядра шелъ параллельно съ насильственнымъ разрушеніемъ остатковъ южно-русской культуры и связаннаго съ нею общественно-правового уклада (борьба Владиміра-на-Клязьмѣ съ Киевомъ, Москвы съ Новгородомъ и Псковомъ).

Когда политическое и національное объединеніе, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, достигается цѣною культурнаго упадка,—такое единство едва ли можно разсматривать, какъ объективное благо, какъ самодовлѣющій политическій идеалъ. Но такова сила національной традиціи: и въ послѣдующія времена въ исторіи великорусскаго государства продолжало играть видную роль стремленіе къ собиранію земли (и не только русской), причемъ объединительныя усилія, направляясь на окраины болѣе высокой культуры, неизбѣжно встрѣчались съ „невѣроятными трудностями“ и не приводили къ благопріятнымъ результатамъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда находили опору въ социальныхъ антагонизмахъ данной народности...

Ограничиваясь этими бѣглыми впечатлѣніями, навѣянными книгою акад. Шахматова, мы закончимъ пожеланіемъ скорѣйшаго появленія слѣдующихъ частей начатаго имъ изслѣдованія. Какъ видно изъ предисловія, на очереди стоитъ обзоръ морфологическихъ явленій въ общерусскомъ праязыкѣ и древнерусскомъ языкѣ, а затѣмъ исторія отдѣльных нарѣчій русскаго языка. Въ совокупности, всѣ эти работы составятъ полную исторію русскаго языка,—огромный трудъ, выполненіе котораго по намѣченной программѣ въ настоящее время едва ли по силамъ кому-либо изъ специалистовъ, кромѣ акад. Шахматова.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяць.

Украинская депутація въ Петроградѣ. Депутація украинскихъ общественныхъ дѣятелей въ составѣ Ф. И. Матушевскаго и С. Ф. Русовой, въ сопровожденіи С. А. Иванова (члена Государственной Думы отъ г. Кіева) посѣтила 14-го августа министра народнаго просвѣщенія графа Игнатьева, которому вручила обширную докладную записку о народной школѣ на Украинѣ (напечатана выше см. стр. 000). Кромѣ того, депутація въ составѣ Ф. И. Матушевскаго, С. В. Петлюры и С. Ф. Русовой посѣтила 16, 17 и 18-го августа лидеров думскихъ и совѣтскихъ прогрессивныхъ фракцій и имѣла съ ними продолжительную бесѣду о положеніи украинской прессы. Депутація подробно освѣдомила лидеров о настроеніяхъ украинскаго общества и вошла къ нимъ съ представленіемъ о необходимости содѣйствія съ ихъ стороны въ снятіи запрещеній, тяготящихся надъ украинской прессой и вообще надъ украинскимъ словомъ, и объ измѣненіи правительственной политики по отношенію къ украинцамъ. Въ распоряженіе лидеров фракцій представленъ былъ разнообразный и обильный матеріаль, характеризующій исключительно тяжелое положеніе украинства въ Россіи. Лидеры фракцій заинтересовались представленнымъ въ ихъ распоряженіе матеріаломъ и обѣщали возможное содѣйствіе въ осуществленіи неотложныхъ нуждъ украинцевъ.—Въ связи съ поѣздкой украинской депутаціи въ Петроградъ московская «Столичная Молва» (№ 438, 17 августа) сообщаетъ слѣдующія, не лишенныя интереса, свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ эту поѣздку:

«На другой день послѣ объявленія войны была закрыта украинская ежедневная газета «Рада». Вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ были предприняты и другія мѣры, направленныя къ прекращенію украинскихъ изданій. Цензоры, просматривавшія ихъ, начали задерживать подолгу представляемый имъ матеріаль. Никакихъ сроковъ при этомъ не соблюдалось. Со страницъ журналовъ исчезли статьи по текущимъ вопросамъ; нѣкоторые журналы совсѣмъ не могли появиться благодаря задержкѣ въ цензурѣ, наконецъ, 9-го января всѣ украинскія изданія распоряженіемъ ген. Троицкаго были прекращены и условіемъ выхода ихъ поставлено было соблюденіе государственнаго правописанія.

Въ Кіевѣ среди украинскихъ круговъ царила увѣренность, что не послѣднюю, если не главную, роль въ этихъ запрещеніяхъ сыгралъ личный составъ кіевского комитета по дѣламъ печати. Во главѣ его, какъ извѣстно, стоитъ правый проф. Флоринскій,

давно уже извѣстный своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ украинскому слову. Вліятельнымъ членомъ комитета и «спеціалстомъ» по украинскимъ дѣламъ состоитъ бывший земскій врачъ г. Щеголевъ. Оба эти чиновника цензурнаго вѣдомства выступали въ печати противъ украинскаго слова, а «изслѣдованіе» г. Щеголева, посвященное украинскому движенію (литературному и общественному), пріобрѣло громкое названіе «Голубой книги» и руководства для чиновъ жандармскаго корпуса. Пользуясь условіями военного положенія въ Кіевѣ, какъ говорятъ свѣдущіе круги кіевскихъ украинцевъ, мѣстный цензурный комитетъ добился циркуляра, фактически уничтожавшаго печатное украинское слово и поставившаго украинское общество въ исключительно безвыходное положеніе. Передаютъ, что въ репрессіяхъ, обрушившихся на украинцевъ, «таинственную» роль сыграла и травля со стороны мѣстныхъ націоналистовъ, въ органѣ которыхъ («Кіевъ»), систематически появлялись доносы и выпады противъ всего украинскаго. По ихъ пропискамъ, какъ говорятъ, былъ арестованъ и проф. М. Грушевскій, извѣстный ученый историкъ Украины. Ни обыскъ, ни жандармское дознаніе не дали власти абсолютно никакихъ данныхъ для обвиненія этого ученаго въ австрійской оріентаціи и привлеченія его къ суду, но тѣмъ не менѣе онъ высланъ былъ въ Симбирскую губ. на все время войны. По доносу «Кіева» было запрещено даже печатаніе украинскимъ правописаніемъ афишъ и объявленій труппы Садовскаго—въ этомъ тоже усмотрѣли какую-то опасность для государственнаго спокойствія.

Въ дальнѣйшемъ попытки украинскихъ издателей, потерпѣвшихъ значительные матеріальные убытки отъ закрытія принадлежавшихъ имъ изданій, начать изданіе новыхъ органовъ встрѣтили рядъ такихъ же запретовъ. Харьковскій вице-губернаторъ Кошура-Мосальскій разрѣшенія на изданіе украинскаго журнала не далъ, а выходившая въ Москвѣ «Тепла Роса» (популярный агрономическій еженедѣльникъ) была закрыта на второмъ №. Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій украинцы оказались въ положеніи людей, лишенныхъ своей прессы, причемъ это лишеніе не находитъ никакого оправданія ни въ содержаніи украинскихъ изданій, ни въ ихъ направленіи.

Депутація украинцевъ, въ составъ которой вошли видные дѣятели украинскаго слова и общественной жизни, намѣрены обратить вниманіе и правительства, и думскихъ сферъ на создавшееся положеніе и добиться снятія запретительныхъ мѣръ и каръ, предпринятыхъ по отношенію къ ихъ родному слову. Передаютъ, что вопросомъ о положеніи украинцевъ заинтересовались нѣкоторые думскія фракціи, предполагагая внести по этому поводу запросъ въ Государственную Думу».

Докладная записка о положеніи украинской прессы. Издатели и сотрудники закрытыхъ, по распоряженію мѣстныхъ властей, изданій обратились съ докладной запиской о положеніи украинской прессы къ министру внутреннихъ дѣлъ. Текстъ этой записки напечатанъ выше, стр. 000.

Українскія требованія въ деклараціи парламентскаго блока. Въ результатѣ переговоровъ между группами центровъ и прогрессивными фракціями Государственной Думы и Государственного Совѣта произошло, какъ извѣстно, формальное соглашеніе между упомянутыми парламентскими группами, давшее большинство въ Государственной Думѣ. Въ основу соглашенія положена декларация, гласящая, «что только сильная, твердая и дѣятельная власть можетъ привести отечество къ побѣдѣ, и что такую можетъ быть лишь власть, опирающаяся на народное довѣріе и способная организовать активное сотрудничество всѣхъ гражданъ». Ближайшая и насущнѣйшая задача такой власти не можетъ быть осуществлена безъ ряда условий, среди которыхъ имѣется «разумная и послѣдовательная политика, направленная къ сохраненію внутренняго міра и устраненію розни между національностями и классами». Ближайшими мѣрами, которыя, по мнѣнію блока, слѣдуетъ провести для успокоенія страны, должно быть измѣненіе политики къ негосударственнымъ національностямъ, населяющимъ Россію. Въ частности по отношенію къ украинцамъ признается необходимымъ: «возстановленіе малорусской печати» (§ 10) и «немедленный пересмотръ дѣлъ содержащихся подъ стражей и сосланныхъ жителей Галиціи и освобожденіе тѣхъ изъ нихъ, которые подверглись преслѣдованію невинно» (§ 11).

По свѣдѣніямъ «Русскаго Слова» (24 августа), при обсужденіи требованій, выставленныхъ блокомъ, представители умѣренныхъ группъ Государственного Совѣта и Государственной Думы особенно энергично возражали «противъ особеннаго упоминанія о необходимости отмѣны ограниченій для евреевъ и противъ нѣкоторыхъ пунктовъ, касающихся польскаго и украинскаго вопросовъ». Во время переговоровъ между группами и фракціями, въ концѣ-концовъ пришедшими къ согласію, обнаружился рядъ разногласій, особенно серьезныхъ по національному вопросу (польскому, еврейскому и украинскому и по вопросу объ амнистіи).

Резолюція сѣзда прогрессивныхъ дѣятелей о политикѣ по отношенію къ украинцамъ въ Галиціи: «При оккупациі Галиціи русская власть должна была бы отнестись съ особымъ вниманіемъ и осторожностью ко всѣмъ культурнымъ приобрѣтеніямъ населенія, родственнаго намъ по національности, восточной половины этой провинціи. Права оккупационной власти и положеніе населенія къ тому же точно опредѣляются международнымъ правомъ, согласно которому (ст. 46 и 56 Гагской конвенціи 1907 г.), жизнь и собственность, религіозныя убѣжденія и отправленія религіи, а также и учрежденія, посвященныя культу, благотворительности, народному образованію, искусству и наукѣ, остаются неприкосновенными. Эти положенія международнаго права, такъ же какъ и соображенія политической цѣлесообразности, были принесены въ жертву узкимъ стремленіямъ воинствующаго націонализма... Подъ вліяніемъ партійныхъ взглядовъ, проводившихся націоналистами Государственной Думы, сѣхавшимися во

Львовъ, была произведена попытка систематической денационализации русинскаго населенія Галиціи.

Съ прекращеніемъ дѣятельности прежнихъ учреждений Галиціи, и съ приостановкой конституціонныхъ гарантій, которыми пользовалось ея населеніе, согласно австрійскимъ основнымъ законамъ, открылась возможность вмѣшательства власти въ частную и общественную жизнь населенія... Этой возможностью русскіе чиновники... воспользовались въ полной мѣрѣ. Ихъ поведеніе совершенно уронило въ глазахъ населенія уваженіе и довѣріе къ русскому управленію, а обрусительскія мѣропріятія націоналистовъ поселили въ немъ ненависть и злобу. Закрыты были всѣ учрежденія, имѣвшія какую бы то ни было связь съ національнымъ самоопредѣленіемъ населенія: украинскія учебныя заведенія и просвѣтительныя организаціи, украинская печать, бібліотеки, музеи, клубы, наконецъ, вся сѣть кооперативныхъ экономическихъ учреждений. Поддерживая одну изъ борющихся въ краѣ политическихъ партій, партію москвофиловъ, администрація воспользовалась ея партійными учрежденіями и органами, чтобы положить начало руссификаціи мѣстнаго украинскаго населенія. Для этой же цѣли сдѣлана была попытка создать кадры русскихъ учителей и замѣнить украинскую начальную школу русской.

«Хотя военное управленіе вначалѣ и совѣтовало относиться къ украинской интеллигенціи «выжидательно», но мѣстная гражданская власть скоро сдѣлалась орудіемъ въ рукахъ вліятельныхъ москвофильскихъ дѣятелей для сведенія старыхъ партійныхъ счетовъ. Начались аресты мѣстныхъ дѣятелей, начиная съ митрополита Шептицкаго и кончая украинской сельской интеллигенціей. Всѣ, кто не успѣлъ бѣжать, были арестованы и высланы. Въ то же время предпринятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ воздѣйствія на религіозныя убѣжденія русинскаго населенія. Мѣстная власть сперва рѣшила относиться терпимо къ униатской церкви и не допускать насильственнаго обращенія униатовъ въ православіе. Но мало-по-малу принятая властью мѣры перестали соблюдаться. Скорѣйшее водвореніе православія стало очередной задачей націоналистовъ съ еписк. Евлогіемъ во главѣ. Опустѣвшіе приходы занимались православными священниками, а униатскіе священники, оставшіеся на мѣстахъ, выселялись въ отдаленныя губерніи Россіи.

«Политика націоналистовъ проводилась съ усиленнымъ рвеніемъ и въ русской Украинѣ. Украинская печать въ Россіи также была закрыта, а печатаніе новыхъ книгъ на украинскомъ языкѣ запрещено. Видные дѣятели, какъ, напримѣръ, проф. М. С. Грушевскій, подверглись преслѣдованію и административной высылкѣ. Началось гоненіе и противъ другихъ проявленій украинской національной жизни, давно уже получившихъ извѣстное право гражданства,—напр., противъ украинскаго театра. Какъ уже сказано, послѣдствіемъ такихъ мѣропріятій явилось замѣтное измѣненіе настроенія населенія Галиціи, вначалѣ встрѣтившее наши войска весьма привѣтливо».

Въ Государственной Думѣ.—Национальная политика въ Галичинѣ. 1) (Изъ рѣчи П. Милюкова въ Гос. Думѣ).

«Другимъ нарушеніемъ внутренняго мира была политика власти по отношенію къ отдѣльнымъ народностямъ. Здѣсь особенно проявились партійныя стремленія власти. Игра на темныхъ націоналистическихъ инстинктахъ массъ, съ обычнымъ орудіемъ этой игры, съ антисемитизмомъ, съ борьбой противъ «иноподданцевъ» и иновѣрцевъ, получила небывалый просторъ подъ прикрытіемъ нуждъ военнаго времени. При существованіи закона о вѣротерпимости, мы присутствовали при гоненіяхъ за религіозныя убѣжденія сектантовъ русскаго происхожденія—потому только, что миссіонеры объявили ихъ вѣру нѣмецкой вѣрой. Мы присутствовали при невѣжественной и наивной попыткѣ посягнуть на національность и вѣру населенія только-что приобрѣтенной провинціи, для управленія которой были посланы отбросы русскаго провинціального чиновничества (Голоса: Вѣрно! Рукоплесканія слѣва). Мало того, что эти новые ташкентцы оттолкнули отъ насъ родственное намъ украинское населеніе. Они пытались затѣмнить лучезарный ликъ великой освободительной войны, они посягнули на одушевляющій насъ и нашихъ союзниковъ идеалъ грядущей самостоятельности малыхъ народностей» (Голоса: Bravo! Рукоплесканія). («Рѣчь», № 198).

2) (Изъ рѣчи Н. С. Чхеидзе въ Гос. Думѣ).. Во имя единенія, гг., что ваша власть сдѣлала въ этой самой Галиціи, о которой здѣсь нѣсколько разъ сегодня говорили? Не успѣла, гг., армія ступить туда ногой, какъ администрація, русская администрація, во главѣ съ г. Грегусомъ и не безъ покровительства присутствующаго, кажется, здѣсь члена г. Думы гр. Бобринскаго и г. Чихачева стала насаждать истинно-русскія начала въ этой самой Галиціи, а евреямъ, которые явились съ вопросомъ, какая будетъ ихъ судьба, цинично отвѣтили, что вы вашимъ лояльнымъ поведеніемъ можете достичь того, что мы уравнимъ васъ въ правахъ съ нашими русскими евреями (Чихачевъ съ мѣста: «Я этого не говорилъ») («День», № 198).

Упомянутія о положеніи украинской прессы при обсужденіи законопроекта о военной цензурѣ. При обсужденіи Государственной Думой законопроекта о военной цензурѣ депутаты обратили вниманіе и на положеніе прессы. С.-д. депутатъ М. Скобелевъ сказалъ: «Отъ украинской печати осталось одно лишь воспоминаніе. Болѣе двухъ десятковъ періодическихъ изданій, начиная отъ научныхъ и кончая ежедневными газетами, было закрыто». Депутатъ П. Н. Милуковъ, касаясь положенія инородческой печати, между прочимъ сказалъ: «А украинская печать? Я не буду разсказывать, что было съ этой печатью въ Галиціи, но что дѣлалось въ Кіевѣ, что дѣлалось въ Полтавѣ? Тамъ тоже вы имѣете одиннадцать уничтоженныхъ изданій. Я не буду останавливаться на подробностяхъ, потому что сегодня внесенъ одной изъ фракцій запросъ, въ которомъ всѣ эти факты перечисляются. Я только спрошу: въ какое время это дѣлается? Тогда, когда часть украинскаго населенія переходитъ во власть нашихъ враговъ, когда за рубежомъ появляется новая свободная украинская литература, и понятно, какія тенденціи она развиваетъ. А наша здѣшняя мало-

русская печать, выступившая съ заявленіями патріотическаго характера, организовавшая мѣстное населеніе въ духѣ борьбы съ врагомъ, уничтожена и никакого сопротивленія зарубежной литературѣ путемъ идейнаго общенія съ читателемъ оказать не можетъ («Рѣчь» № 234).

Изъ рѣчи деп. Суханова: «Какъ внутри страны, такъ и въ Галиціи, успѣвшей за короткій срокъ нашего владѣнія ею, вкучить всю прелесть полицейскаго націоналистическаго режима, новые ташкентцы худшаго сорта, больше другихъ кричавшіе о еврейской измѣнѣ, не считались съ тѣмъ, что наносили громаднй вредъ своей дѣятельностью военному дѣлу». Еще раньше (закрытіе еврейскихъ газетъ) были закрыты всѣ газеты на украинскомъ языкѣ. И о жизни Украины, объ ея чаяніяхъ и стремленіяхъ, о печаляхъ и радостяхъ можно узнать только изъ заграничной печати. На французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, шведскомъ, сербскомъ, болгарскомъ, румынскомъ, даже турецкомъ языкѣ выходятъ книги, трактующія украинскій вопросъ (!) только въ Россіи, гдѣ живетъ около 30 милліоновъ украинскаго народа, царитъ молчаніе по украинскому вопросу. («День» № 237).

Запросъ о преслѣдованіи украинской печати.

С.-д. фракція и трудовая группа внесли въ Гос. Думу запросъ о преслѣдованіи украинской печати. Въ запросѣ указывается, что политика національныхъ гоненій, особенно усилившаяся въ Россіи съ начала войны, исключительно тяжело отразилась на самомъ существованіи у насъ украинской культуры, и лозунгъ «освобожденіе подъяремной Галиціи» на практикѣ выразился въ полномъ разрушеніи всѣхъ проявленій культурной самодѣятельности украинскаго народа. Первые удары были направлены противъ украинской печати. На другой же день по объявленіи войны, въ Кіевѣ была закрыта газета «Рада». Въ виду послѣдовавшаго затѣмъ распоряженія отмѣнить всѣ существующія разрѣшенія на украинскія изданія, были приостановлены въ Кіевѣ 14 изданій, въ томъ числѣ «Літературно-Науковий Вістникъ», «Записки Наук. Товариства» и друг. Въ Одессѣ цензурная власть сводила нанѣтъ полученное послѣ долгихъ мытарствъ разрѣшеніе на изданіе журнала. Въ мѣстномъ цензурномъ комитетѣ было заявлено, что такъ какъ среди цензоровъ нѣтъ лицъ, знающихъ украинскій языкъ, то журналъ выходитъ не можетъ. Въ Москвѣ популярный сельскохозяйственный журналъ «Тепла Роса» былъ приостановленъ на второмъ номерѣ за «вредное направленіе». То же повторилось въ Харьковѣ, въ Полтавѣ и др. городахъ.

Даже въ элементарныхъ проявленіяхъ національныхъ симпатій администрація усматриваетъ «мазепинство». Извѣстенъ случай увольненія учительницы за ношеніе украинскаго костюма. Цѣлый рядъ лицъ подвергается высылкѣ въ Сибирь и во внутреннія губерніи Россіи, въ томъ числѣ извѣстный проф. М. С. Грушевскій, и т. д. Особой делегаціи отъ украинской печати предсѣдатель кievскаго цензурнаго комитета проф. Флоринскій далъ знаменатель-

ный отвѣтъ: «Теперь настало намъ время сосчитаться», и подъ руководствомъ этого профессора кievскіе цензоры посягнули даже на ореографію украинскаго языка.

Въ виду всего этого интерpellанты предлагаютъ Гос. Думѣ обратиться къ министрамъ вн. дѣлъ и военному со слѣдующимъ запросомъ: 1) извѣстно ли министрамъ объ изложенныхъ незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ и 2) если извѣстно, то что они намѣрены предпринять для прекращенія этихъ незаконномѣрныхъ дѣйствій.

Подъ запросомъ подписались: Н. Чхеидзе, А. Керенскій и друг. («Петрогр. Кур.» № 571, 26/VIII).

При обсужденіи запроса первымъ ораторомъ, поддерживавшимъ запросъ, выступилъ Н. С. Чхеидзе. «Я жду, не дожусь,—сказалъ лидеръ соціалъ-демократической фракціи,—когда, наконецъ, на эту трибуну взойдутъ тѣ наши коллеги изъ Гос. Думы, которые главнымъ образомъ орудовали тамъ, на Украинѣ и въ Галиціи, въ дѣлѣ проявленія освободительнаго характера происходящей войны. Скромничать имъ незачѣмъ. Я прошу васъ принять нашъ запросъ, чтобы этимъ героямъ, къ которымъ я отношу графа Бобринскаго и члена Гос. Думы Чихачева, чтобы дать имъ возможность выйти на эту трибуну и сказать, какимъ образомъ они вмѣстѣ съ администраціей приносили освобожденіе братьямъ-галичанамъ.

Д. Н. Чихачевъ (съ мѣста). Я вопроса не понималъ.

Н. С. Чхеидзе. Если вамъ этотъ вопросъ непонятенъ, будемъ его конкретизировать.

Мы знаемъ, какъ вы хозяйничали, какъ были въ Галиціи закрыты тысячи начальныхъ школъ, десятки среднихъ учебныхъ заведеній и семинарій. Были упразднены кооперативныя общества, были упразднены другія экономическія организациі. Мало того,—вами былъ провозглашенъ тамъ лозунгъ: «Кто не православный, тотъ не русскій». И мы знаемъ, что во имя этого лозунга по ложному доносу обвинялись уніатскіе священники и выселялись въ отдаленныя и неотдаленныя мѣста Россіи.

Засимъ я хотѣлъ бы получить отвѣтъ на одинъ вопросъ: какую память вы оставили тамъ, среди братьевъ-галичанъ, и вѣрно ли, что васъ оттуда сопровождали свистками?

Поддерживаетъ запросъ также В. И. Дзюбинскій.

«Еще задолго до войны,—говорилъ депутатъ,—наше правительство, поддержанное націоналистами и правой печатью, занялось преслѣдованіемъ всякихъ стремленій къ національному и культурному развитію украинскаго народа. Далѣе ораторъ указываетъ, что съ объявленіемъ войны эти преслѣдованія украинцевъ усилились, отмѣчаетъ такіе факты, какъ административную ссылку проф. Грушевскаго въ Сибирь, и продолжаетъ:

— Даже одинъ изъ корректнѣйшихъ министровъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ, позволилъ себѣ съ этой трибуны въ своей рѣчи—27 января 1915 года квалифицировать украинское народное движеніе, какъ результатъ германскихъ интригъ.

Врагъ стоитъ у порога многострадаальной русской Украины,—

заканчиваетъ свою рѣчь В. И. Дзюбинскій.—Украинцы, принесшіе столько жертвъ во время войны, заслуживаютъ, чтобы къ ихъ насущнымъ запросамъ и нуждамъ, правительство и общество отнеслось, наконецъ, безъ заподозриванія, безъ предубѣжденія, съ полнымъ довѣріемъ.

Д. Н. Чихачевъ отвѣчаетъ Н. С. Чхеидзе.

— Я могу засвидѣтельствовать, что я никакого отношенія къ закрытію украинскихъ школъ и украинскихъ газетъ не имѣлъ. Насколько мнѣ извѣстно, украинскія школы и украинскія газеты тамъ не закрывались. Затѣмъ деп. Чхеидзе задалъ вопросъ, имѣли ли я какое-либо отношеніе къ провозглашенію лозунга «русскимъ можетъ быть только православный». Могу заявить категорически, что никакого отношенія къ провозглашенію этого лозунга я также не имѣлъ. Наконецъ, членъ Думы Чхеидзе спрашивалъ меня, какъ къ намъ относилось населеніе, какъ оно насъ провожало. Могу засвидѣтельствовать опять, что населеніе, какъ малорусское, такъ и польское, относилось къ намъ, въ общемъ, очень хорошо и провожало, въ общемъ, съ сожалѣніемъ. («День» 29/VII, № 237).

Спѣшность запроса, поддерживаешь, по мотивамъ голосованія также и екатеринославскій депутатъ А. М. Александровъ. «Если,—говоритъ А. М. Александровъ,—наша родина пришла къ тому, къ чему она пришла, то это зависѣло не только отъ того, что мы въ прошломъ, когда у насъ было время, не оборудовали военное снаряженіе, но и потому, что мы систематически въ области внутренней политики громили себя. Не только потому, что народъ нашъ, во всей его совокупности, былъ политически угнетенъ, но еще и потому, что наше правительство въ XX столѣтіи не могло дойти до идеи правового государства. Милліоны гражданъ, милліоны русскихъ подданныхъ оно третировало какъ изгоевъ. Оно систематически ихъ озлобляло, оно не уважало культурныхъ цѣнностей, которыя приобрѣтаются не подъ вліяніемъ государства, а подъ вліяніемъ цѣлой сложной совокупности историческихъ и психологическихъ переживаній. Мы будемъ голосовать за этотъ запросъ, потому что увѣрены, что наша родина тогда можетъ быть могущественна и сильна, когда всѣ права гражданъ будутъ уважаться и въ томъ числѣ будутъ уважаться права на культурное и національное самоопредѣленіе (Возгласы слѣва: «Правильно»). Нѣтъ большаго преступленія, г.г., какъ посягать на языкъ и особенности національной культуры. Ни одинъ народъ не испытываетъ того горькаго чувства, какъ великая отрасль русскаго племени—украинскій народъ, за которымъ не признаютъ никакихъ культурныхъ цѣнностей. За нимъ отрицаютъ то, что признаютъ за другими народами. Его бойкотируютъ, его раздражаютъ, его оскорбляютъ. Поэтому мы полагаемъ, что долгъ не только государственной мудрости, но и государственной справедливости—признать то, что существуетъ. Еще до войны украинская печать кое-какъ существовала. Но во время войны, несмотря на то, что украинская рѣчь и украинская культурная мысль опредѣлили свое отношеніе къ войнѣ въ строго патріотическомъ на-

правления, начался полный разгромъ всѣхъ украинскихъ институтовъ и полная ликвидація украинской печати. Какъ депутатъ одной изъ украинскихъ губерній, я долженъ засвидѣтельствовать, что это вызываетъ чувство глубочайшаго возмущенія, и не въ однихъ только украинскихъ кругахъ, а у всѣхъ тѣхъ гражданъ Россіи, у которыхъ еще не совсѣмъ убито и не умерло чувство элементарной справедливости. Мы въ свое время протестовали противъ этой провокаціонной политики. Мы находили, что это въ государственномъ смыслѣ ударъ по нашему сердцу. Мы высказывали это, когда внесенъ былъ запросъ о Шевченкѣ, и говоримъ это и теперь. Если вы хотите быть справедливыми, если вы дѣйствительно любите Россію, вы должны признать за украинскимъ народомъ право на его слово. Это слово должно быть въ народной школѣ, въ мѣстномъ судѣ и во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Если вы дѣйствительно вѣрите въ необходимость культурнаго возрожденія народныхъ массъ и въ частности русскаго народа, вы должны понять, что культурное возрожденіе немыслимо, если вы будете преслѣдовать родную рѣчь. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы принимаемъ запросъ и думаемъ, что истины и соображенія, которыя мы высказываемъ, такъ элементарны, такъ понятны любому человѣческому сердцу, что и Гос. Дума должна принять этотъ запросъ («Рѣчь», № 237, 29/VIII).

— Предсѣдатель харьковскаго О-ва грамотности С. Раевскій получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія письмо съ просьбой прислать резолюціи съѣзда по вопросамъ организаціи разумныхъ развлеченій, происходившаго въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Харьковѣ. Какъ извѣстно, съѣздомъ была вынесена резолюція о томъ, что языкомъ «разумныхъ развлеченій» въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ, долженъ быть языкъ украинскій. Рекомендуемъ эту резолюцію особенному вниманію г. министра народнаго просвѣщенія.

— Резолюція всероссійскаго съѣзда по внѣшкольному образованію въ Ярославлѣ. Совѣщаніе по внѣшкольному образованію вынесло слѣдующую резолюцію: «Совѣщаніе выражаетъ чувство горячаго братскаго сочувствія полякамъ, украинцамъ, евреямъ, литовцамъ и другому населенію, на плечи котораго выпала главная тяжесть настоящей ужасной войны, которые несли и несутъ до сихъ поръ неисчислимыя экономическія и культурныя потери. Совѣщаніе признаетъ, что элементарнымъ долгомъ государства является возмѣщеніе населенію послѣ окончанія войны не только его матеріальныхъ потерь, вызванныхъ войной, но и потерь культурнаго характера въ формѣ восполненія просвѣтительныхъ и научныхъ учреждений, общественныхъ зданій и т. д.». Резолюція встрѣчена бурными аплодисментами. Кромѣ этого совѣщаніе приняло слѣдующую резолюцію: «Признавая оскорбительными для народа тѣ ограниченія, которыя установлены въ настоящее время въ области удовлетворенія образовательной потребности раненыхъ, совѣщаніе считаетъ необходимой немедленную отмѣну всѣхъ подобныхъ ограниченій. Въмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе признаетъ неотложной очередной задачей осуществле-

ніе правильно поставленнихъ мѣропріятій, имѣющихъ задачей возможно широкое удовлетвореніе духовныхъ потребностей въ формѣ организациі во всѣхъ лазаретахъ бібліотекъ, обученія грамотѣ, устройства профессиональных Обществъ, образовательныхъ и специальныхъ чтеній и т. д.».

— **Финаль исторіи съ вивѣской на школѣ им. С. О. Грушевскаго.** Читатели помнятъ, навѣрное, эпопею съ вивѣской на школѣ им. С. О. Грушевскаго; вивѣска, какъ извѣстно, была признана крамольной и подлежала снятію. Нынѣ, какъ сообщаютъ кіевскія газеты, и. о. директора народныхъ училищъ Кіевской губерніи г. Кармазиновъ сообщилъ городскому головѣ, что по ходатайству городского общественного управленія, министерство народного просвѣщенія разрѣшило присвоить городскому одноклассному № 6 училищу наименованіе: «Городское одноклассное № 6 училище имени С. О. Грушевскаго», съ тѣмъ, чтобы на вивѣскѣ были обозначены полностью имя, отчество и фамилія жертвователя.

Какъ извѣстно, покойный Грушевскій пожертвовалъ городу капиталъ въ 100 т. рублей на устройство и содержаніе училища вѣдомства мин. нар. просвѣщенія.

— **Поѣздка Онуфрія О. Гецева въ Америку.** «Прикарпатская Русь» сообщаетъ, что 11 іюля «послѣ годичной командировки въ Америку явился на полномъ засѣданіи Русскаго Народнаго Совѣта» въ своемъ родѣ фигура среди москвофиловъ Онуфрій Гецевъ. «Неутомимый труженикъ на привѣтствія В. Дудыкевича отвѣчалъ благодарностью и въ короткихъ (sic!) словахъ начерталъ свою дѣятельность въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, Канадѣ, Китаѣ и Сибири. Онъ устраивалъ русско-народныя вѣча, организовывалъ русскій народъ, старался изучить обстоятельно его житье-бытье. «Пока появится на стр. «Прикарпатской Руси» «полный докладъ о поѣздкѣ г. Гецева», мы имѣемъ возможность ознакомиться съ «полнымъ счетомъ пожертвованій на народный фондъ», собранныхъ на вѣчахъ, устраивавшихся г. Гецевымъ на огромномъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверн. Америки, Канады, Китая и Сибири. Оказывается, что всего пожертвованій было собрано 1197 дол. 02 ц.=2394 р. 04 к., а по пониженному курсу около 2000 руб. Гецевъ великодушно передалъ пожертвованія по полному курсу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ „Гецевъ считаетъ себя на покрытіе самыхъ неизбѣжныхъ издержекъ на путешествіе по 300 руб. въ мѣсяцъ,—значить, 3,600 руб. за 12 мѣс.». Хотя «Совѣтъ принялъ счетъ къ свѣдѣнію и благодарилъ сердечно за патріотическій почти (!) безвозмездный тяжелый трудъ», но все-же позволительно спросить: что же попало въ «народный фондъ» изъ привезенныхъ г. Гецевымъ денегъ и стоило ли утруждать себя путешествіемъ за океанъ, въ далекія страны Новаго Свѣта, чтобы въ концѣ-концовъ отъ этого путешествія ничего не осталось для кассы «народнаго фонда»?

Заложники. 22 августа, находящіеся въ Кіевѣ заложники изъ Львова послали на имя Верховнаго Главнокомандующаго телеграфное ходатайство о возвращеніи ихъ во Львовъ.

Заложники мотивируют свое ходатайство следующим образом:

По идеѣ заложники, неся личную отвѣтственность за враждебные эксцессы со стороны населенія оккупированных мѣстностей по отношенію къ завоевателямъ, являются гарантіей порядка и безопасности. Слѣдовательно, съ оставленіемъ занятой мѣстности отпадаетъ цѣль, ради которой заложники взяты, а потому дальнѣйшее ихъ удержаніе абсолютно бесполезно.

За находящимися въ настоящее время въ Кіевѣ заложниками не только не числится никакой провинности, но и, наоборотъ, они являются избранными представителями того населенія, которое доказало свою лояльность радушной встрѣчей русскихъ войскъ при вступленіи ихъ во Львовъ.

Заканчивается прошеніе заложниковъ слѣдующимъ образомъ:

«Конечно, тамъ, гдѣ гибнуть тысячи жизней, гдѣ слезы и кровь льются рѣкой,—страданія отдѣльных лицъ тонуть въ общей массѣ горя. Но все-же суровые законы войны щадятъ мирное населеніе и стремятся по возможности ослабить неизбежное зло.

Не чувствуя за собой никакой вины, мы просимъ даровать намъ свободу, освободить отъ роли заложниковъ и дать возможность вернуться къ своимъ роднымъ и мирному труду».

Аналогичныя ходатайства возбуждены львовскими заложниками передъ командующимъ арміями юго-западнаго фронта и предсѣдателемъ Государственной Думы. («Р. Сл.» № 194, 23 авг.).

Всѣхъ заложниковъ изъ Львова было взято 41. Изъ нихъ украинцевъ 10, а именно: 1) д-ръ С. Федакъ, директоръ о-ва «Дністеръ» и адвокатъ; 2) Кость Паньківскій, директоръ «Краэвого Союза Кредитового» и товарищъ предсѣдателя «Краэвого Союза Ревизійного»; 3) Иванъ Левинскій, профессоръ политехническаго института во Львовѣ, архитекторъ, 4) д-ръ Мих. Коцюба, областной инспекторъ народныхъ училищъ, 5) Иванъ Матіивъ, областной инспекторъ народныхъ училищъ; 6) Северинъ Баньковскій, старшій совѣтникъ львовской городской думы; 7) Волод. Бачинскій, инженеръ и ассистентъ львовскаго политехническаго института; 8) д-ръ Илларионъ Свѣнцицкій, директоръ національнаго музея и доцентъ львовскаго университета; 9) Романъ Сошовскій, совѣтникъ апелляціоннаго суда во Львовѣ; 10) о. Мыкола Щепанюкъ, митрополичій викарій.

— Среди арестованныхъ и высланныхъ изъ Галиціи въ Россію украинскихъ дѣятелей въ качествѣ заложниковъ или административно высланныхъ извѣстны слѣдующія лица: 1) Атанась Скобельскій, совѣтникъ львовскаго апелляціоннаго суда, 2) Мих. Пострыгачъ, священникъ изъ Золочева, 3) д-ръ Вас. Душенчукъ, адвокатъ изъ Зборова, 4) Дан. Роговскій, директоръ кассы изъ Зборова, 5) Дмитр. Мельникъ, мѣщанинъ изъ Зборова, 6) Антонъ Сесенько, священникъ изъ Оліево, 7) Григорій Дяконъ, священникъ изъ Мохновець, 8) Вас. Перещукъ, священникъ изъ Полтви, 9) Мих. Цегельскій, священникъ и товарищъ маршалка изъ Каминки Струмиловой, 10) Мих. Зинкевичъ, священникъ изъ Каминки Струмиловой, 11) Семень

Штельманъ, учитель изъ Кальнаго, 12) Иванъ Маслякъ, совѣтникъ суда изъ Бережанъ, 13) Волод. Бобякъ, учитель гимназій изъ Бережанъ, 14) Мыкола Левандовскій, инженеръ изъ Стрия, 15) Степ. Герасымивъ, адвокатъ изъ Стрия, 16) Тимотей Старухъ съ сыномъ-студентомъ, депутатъ парламента и сейма, 17) Андр. Балтаровичъ, директоръ кассы и городской голова изъ Глынянъ, 18) священ. Мыхайло Брыковичъ, 19) Стефанъ Чалий, студентъ академіи, 20) Иванъ Вертынорохъ, учитель, 21) Стефанъ Цепухъ, учитель, 22) Иванъ Чесакъ, учитель, 23) Евген. Грыцакъ, учитель гимназій, 24) Григорій Семенюкъ, учитель, 25) Романъ Ищукъ, студентъ, 26) Ст. Батюкъ, учитель, 27) Теодоръ Чубатый, священникъ, 28) Теодоръ Биленький, учитель гимназій изъ Самбора, 29) Илярій Герасимовичъ, совѣтникъ суда изъ Самбора, 30) Теофилъ Скобельскій, священ. изъ Горуцка, 31) д-ръ Дан. Стохуро, адвокатъ и быв. посолъ изъ Самбора, 32) Антипъ Ракъ, судья изъ Тарнополя, 33) Юліанъ Паньковскій, учитель изъ Нароля, 34) д-ръ Володимиръ Охримовичъ, адвокатъ и директоръ страх. о-ва «Дністер» (бывш. депутатъ парламента); 35) Мыкола Заячківскій, директоръ народной торговли во Львовѣ; 36) д-ръ Мыкола Шухевычъ, адвокатъ изъ Львова, 37) Григорій Боцянь, ректоръ духовной семинаріи во Львовѣ, 38) Костя Малыцька, писательница, 39) д-ръ Юрыкъ, священникъ (митратъ) изъ Золочева, 40) д-ръ Соболю, священникъ изъ Львова, 42) д-ръ Горныкевичъ, священникъ изъ Львова, 43) Исыдоръ Британъ, директоръ «Дністра» во Львовѣ, 44) д-ръ Демянчукъ, доцентъ черновецкаго университета, 45) Мих. Мочульскій, писатель, 46, Бруно Чижовскій, кооперативный дѣятель, и мн. др. Всего около 2,000 интеллигентовъ и крестьянъ и около 300 униатскихъ священниковъ и учителей.

— По свѣдѣніямъ «Прикарпатской Руси» изъ Кіева, «въ глубь Россіи» высланы украинцы, униатскіе священники Утрыско, Стецьшинъ, Банахъ и монахи-василіане Пославскій и Вудка, всѣ изъ Мовковскаго уѣзда Галичины (№ 1691).

— **Попеченіе о православной церкви въ Галичинѣ.** По сообщенію «Дня» (№ 198), въ Петроградъ прибылъ архіепископъ Евлогій волинскій. Цѣль пріѣзда его—разъяснить отношенія правящей церковной русской власти къ православію въ Галичинѣ.

— **Присоединеніе къ православію галичанокъ.** Та же газета сообщаетъ о присоединеніи къ православію 47 галичанокъ, слушательницъ учительскихъ курсовъ.

— **Просвѣтителъ галичанъ.** «Южная Копейка» (№ 7/VIII) передаетъ слѣдующія, не лишеныя интереса свѣдѣнія о томъ, какъ нѣкій г. Реклинскій насаждалъ православіе въ Галичинѣ.

Во время оккупациі Львова и другихъ городовъ Галиціи русскими войсками, туда былъ командированъ окончившій вол. духов. семинарію Реклинскій, для ознакомленія галичанъ съ правосл. вѣрой. По просьбѣ архіепископа Евлогія, львовскій генераль-губернаторъ графъ Бобринскій выдалъ Реклинскому удостовѣреніе къ чинамъ градоначальства для оказанія Реклинскому всяческаго содѣйствія.

Когда началась эвакуация русскими Галиции, Реклинскій бросил свою паству и занялся... грабежами. Такъ, во Львовѣ имъ былъ ограбленъ извѣстный графъ, имущество котораго онъ отправилъ въ Житомиръ на 10 подводахъ въ домъ Микитинскаго, по Николаевской ул. Затѣмъ имъ было реквизовано 20 пуд. клевера и 2 церковныхъ колокола.

По распоряженію мѣстныхъ властей былъ произведенъ обыскъ. Все имущество и колокола найдены и отобраны за исключеніемъ клевера, который Р. успѣлъ уже продать. Опись забраннаго продолжалась цѣлый день. Реклинскій арестованъ.

Бѣженцы и выселенцы изъ Галичины. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Кіевской Мысли» особо уполномоченный всероссійскаго союза городовъ юго-западнаго фронта кн. С. Д. Урусовъ подѣлился нѣкоторыми данными о причинахъ, вызвавшихъ потокъ галицкихъ бѣженцевъ и выселенцевъ изъ Галичины. Какъ и слѣдовало ожидать, этими причинами были не только «желаніе избѣгнуть военныхъ операций» и «мести со стороны австрійцевъ», но и еще кое-что. «Но это не всѣ причины. Изъ разспросовъ среди бѣженцевъ, изъ ихъ жалобъ мнѣ удалось выяснитъ, что главной причиной массоваго перехода въ Россію послужили обѣщанія, которыя раздавали безотвѣтственные добровольцы, ведя опредѣленную пропаганду. Кто эти добровольцы? Я могу только сказать твердо одно: ни военное вѣдомство, ни Красный Крестъ, ни организація всероссійскихъ союзовъ, земскаго и городского, никакого отношенія къ этой пропагандѣ не имѣютъ. Галичанамъ обѣщали какія-то земли, обѣщали чуть ли не готовые, хозяйства, устроенныя гнѣзда. Эти обѣщанія затуманили ихъ головы. Они ждали, что, придя къ намъ, будутъ самыми дорогими гостями, о которыхъ позаботятся. Многіе изъ нихъ серьезно требовали по 1 р. въ день,—что имъ тоже обѣщали,—спрашивали, гдѣ тѣ хозяйства, которыя конфисковали въ ихъ пользу. Конечно, ихъ постигло одно разочарованіе: вмѣсто обѣщанныхъ благъ—одно бѣдствіе».

Въ связи съ этимъ въ газетахъ «Русское Слово» и «Биржевыя Вѣдомости» было сообщено, что «галицкіе бѣженцы отказываются отъ предложенія итти на работы или переселяться въ другія губ., ссылаясь на то, что архіепископъ Евлогій будто бы обѣщаль надѣлать ихъ землею въ Волынской губерніи за счетъ секвестрованныхъ помѣстій нѣмецкихъ колонистовъ и кромѣ того отпускать по рублю въ день. Архiep. Евлогій счелъ себя задѣтымъ и въ письмѣ, напечатанномъ въ «Русск. Сл.» и «Кіевск. Мысли», заявилъ, что «наплывъ бѣженцевъ вызванъ вовсе не моимъ «необдуманнымъ» обѣщаніемъ, а прямымъ распоряженіемъ русскихъ властей въ Галичинѣ». Въ дополненіе къ разъясненію арх. Евлогія «Прикарпатская Русь» тономъ ех-офиціоза заявляетъ, что «вопросъ о временномъ,—и это мы подчеркиваемъ,—поселеніи нашихъ крестьянскихъ бѣженцевъ на земляхъ нѣмецкихъ колонистовъ не былъ вовсе «необдуманнымъ обѣщаніемъ», а обсуждался очень и очень серьезно какъ въ военныхъ, такъ и въ военно-гражданскихъ рѣшающихъ кругахъ, и, по имѣющимся свѣ-

дѣніямъ, изъ очень авторитетныхъ источниковъ, былъ, по крайней мѣрѣ, близокъ къ благопріятному для нашихъ крестьянъ рѣшенію» (№ 1685). «Прикарпатская Русь», къ сожалѣнію, не разъясняетъ, какіе именно «военно-гражданскіе» круги обсуждали планъ поселенія галичанъ на земляхъ нѣмецкихъ колонистовъ, стараясь доказать, что галичане выселялись въ Россію по идейнымъ побужденіямъ. Доказательства газеты, хотя и сопровождаются обильнымъ многословіемъ, но сути вопроса не разъясняютъ и производятъ впечатлѣніе чего-то явно недоговореннаго, туманнаго, если не нарочито скрытаго. Во всякомъ случаѣ положеніе выселившихся галичанъ поистинѣ тяжелое. За недостаткомъ мѣста мы не имѣемъ возможности привести здѣсь часто появляющіяся въ газетахъ описанія тѣхъ нуждъ и лишеній, которыя несутъ бѣженцы». Важно отмѣтить, что нѣкоторыя газеты, сообщая объ этихъ лишеніяхъ, поднимаютъ вопросъ о необходимости болѣе обстоятельнаго и полного выясненія исторіи съ переселеніемъ галичанъ, полагая, и не безъ основаній, что здѣсь сыграла большую роль «галицкая демагогія», къ которой, какъ извѣстно, приложила руку и «Прикарпатская Русь» и которая оказала медвѣжью услугу русскимъ войскамъ въ Галичинѣ. Такъ или иначе, около 100,000 галичанъ, отсргнутыхъ по тѣмъ или инымъ причинамъ отъ родной земли, оказались въ положеніи трагическомъ, вызывающемъ болѣзненное чувство.

— **Переселеніе русскихъ галичанъ въ Сибирь.** Постановление совѣта министровъ о переселеніи галичанъ въ Сибирь получило Высочайшее утвержденіе.

Достойно особеннаго вниманія, что совѣтъ министровъ имѣтъ въ виду только галичанъ **православнаго исповѣданія**.

Совѣтъ министровъ полагалъ:

I. Испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на разрѣшеніе состоящимъ въ иностранномъ подданствѣ русскимъ галичанамъ православнаго вѣроисповѣданія, заявляющимъ желаніе переселиться, на общихъ, установленныхъ для сельскихъ обывателей имперіи основаніяхъ на казенныя земли Сибири, вступить въ русское подданство безъ соблюденія установленнаго въ законѣ требованія о предварительномъ, въ теченіе пяти лѣтъ, водвореніи въ Россіи.

II. Ближайшее опредѣленіе порядка и условій осуществленія указанной мѣры предоставить главноуправляющему землеустройствомъ и земледѣіемъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

— **Работа галиційскихъ бѣженцевъ.** Въ кievскомъ officialномъ совѣщаніи было указано, что галицкіе крестьяне-бѣженцы «или не желаютъ работать, или крайне небрежно относятся къ своимъ обязательствамъ», что якобы установлено полученными частными и чисто officialными жалобами мѣстныхъ дѣятелей». Въ томъ же совѣщаніи было сказано: «многіе галичане, самовольно покидая работы, оставляютъ и выданныя имъ полиціей удостовѣренія и уходятъ неизвѣстно куда».

«Прикарп. Русь» обращаетъ, однако, вниманіе и на обратную сторону медали:

Намъ извѣстенъ, напр., случай, гдѣ значительную партію бѣженцевъ буквально погнали на работы въ экономію пана Х., съ тѣмъ, что каждый бѣженецъ получить по 14 руб. въ мѣсяцъ, столъ и здоровое помѣщеніе. Но «обѣщаль панъ кожухъ»... Въмѣсто 14 рублей дали по 4, (значить, по 15 коп. въ день), харчи давали крайне скверныя и нездоровыя, такъ что многіе переболѣли, спали въ сараяхъ на голомъ полу, а то и въ чистомъ полѣ. Намъ извѣстенъ также другой случай, гдѣ бѣженцамъ вообще ничего не платили за работу, зато крѣпко ругали и при малѣйшемъ протестѣ угрожали «австріякамъ», то Сибирью и чуть ли не каторгой. Извѣстенъ также и такой случай, когда бѣженцамъ не только ничего не дали за работу, но еще отняли у нихъ остатки ихъ привезеннаго домашняго скарба... чтобы не сбѣжали.

— По свѣдѣніямъ архіеп. Евлогія, сообщаемымъ въ той же газетѣ, галичане «не хотятъ связывать себя долгосрочными контрактами на работы, лелѣя надежду, что вотъ-вотъ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, во всякомъ случаѣ скоро, они возвратятся домой. Мало того,—многіе бѣженцы изъ Бродскаго и Золочевского уѣздовъ, настрадавшись въ долгихъ скитаніяхъ, уже теперь, когда на галицкомъ фронтѣ наступило временное затишье (еп. Евлогій пишетъ 1/VIII), вернулись назадъ» (№ 1692).

— **Выселеніе галицкихъ евреевъ.** Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ администраціи Кіевской губерніи немедленно выселить изъ Кіева и его окрестностей всѣхъ евреевъ, ранѣе жившихъ въ Галичинѣ и числившихся австрійскими подданными, и теперь вмѣстѣ съ нашими войсками прибывшихъ въ предѣлы Россіи. Выселяются они обратно въ Галичину, причемъ всѣ эвакуированные евреи должны быть сданы въ распоряженіе тарнопольскаго губернатора.

— **Галичина послѣ битвъ.** „Glos Polski“ (№ 29) помѣщаетъ выдержку изъ статьи въ Dziennik'ѣ Cieszynsk'омъ, посвященной современному положенію Галичины. Страшныя опустошенія, постигшія край, въ особенности въ послѣдніе полгода, не могутъ быть ни съ чѣмъ сравниваемы. Сравнительно меньше пострадали юго-восточные округа Галичины. Значительныя опустошенія коснулись преимущественно украинскихъ уѣздовъ: Залищыки, Борщивъ, Гусатынъ, Чорткивъ, Теремовля, Рогатынъ, Коломыя, Снятынъ, Городенка, Косивъ, Пеженижины, Долина, Дорогобычъ, Стрый, Сокаль и Жыдачивъ. Перечисленные 16 уѣздовъ хотя и пострадали, но не представляютъ картины полнѣйшаго опустошенія. Эти уѣзды занимаютъ площадь 18,000 кв. километровъ, т.-е. немного менѣе четвертой части территоріи всего края, съ населеніемъ въ 1.600,000 (по даннымъ 1910 г.). На западѣ Галичины война не коснулась только слѣдующихъ семи уѣздовъ: Подгурскаго, Новотарскаго, Жывецкаго, Вадовицкаго, Чарновскаго, Освенцимскаго, кромѣ того, и Краковъ съ прилегающими окрестностями не испытать этихъ страшныхъ послѣдствій войны. Эти семь уѣздовъ съ населеніемъ въ 750 т. занимаютъ пространство около 5,000 кв. клм.

Вся тяжесть войны, всѣ опустошенія падаютъ на районъ на

сѣверъ отъ Сокаля и Бродовъ, также на югъ отъ Подгаецъ и Станиславова. Начиная отъ этихъ мѣстъ все пространство на западъ было ареной большихъ, страшныхъ битвъ, въ которыхъ принимали участіе каждый разъ все большія и большія силы, фронтъ которыхъ растянуть былъ на нѣсколько сотъ километровъ. Въ этой части края есть мѣста, совершенно опустошенныя: земля изрыта снарядами, изрѣзана окопами, мѣстечки и села превращены въ пожарища... Никакая жизнь, никакая дѣятельность, особенно сельскохозяйственная, невозможна здѣсь на очень долгое время. Какъ малая, такъ и большія хозяйства остались совсѣмъ безъ живого инвентаря; мертвый же инвентарь въ большинствѣ случаевъ уничтоженъ. Во многихъ мѣстахъ населеніе разбѣжалось, тамъ же, гдѣ оно осталось, оно обречено на голодъ и лишенія съ ихъ спутниками.

Такая же судьба постигла въ средней и западной Галиціи уѣзды Ржеховскій, Брововскій, Горлицкій, Лисскій, Ропчицкій, Пильзенскій, Тарновскій, Колобушевскій, Мѣлецкій, Домбровскій, Бжескій, Новосанецкій, Лимановскій, Мысленицкій, Краковскій. Всѣ эти страшно опустошенные уѣзды занимаютъ вмѣстѣ 45,000 клм. съ населеніемъ въ четыре съ третью милліона, т.-е. $\frac{3}{5}$ всей Галиціи и $\frac{1}{2}$ населенія.

Кромѣ того вы встрѣтите въ Галиціи огромныя пространства, какъ бы перенесшія землетрясеніе, пожары или сильнѣйшій ураганъ, превратившіяся въ пустыни безъ жилищъ, безъ дорогъ, безъ растительности. И только голодные собаки жалобно воютъ на пепелищахъ, да стаи воронъ разрываютъ едва присыпанные землей чедовѣческіе трупы... Такія пустыни представляютъ собой уѣзды Цѣшановскій и Добромысльскій, всего нѣсколько мѣсяцевъ до того цвѣтущіе и отличавшіеся своей высокой сельскохозяйственной культурой.

Это кладбище охватываетъ седьмую часть края съ 1.200,000 жителей.

— **Убытки Галичины.** По свѣдѣніямъ варшавскихъ газетъ, общеннымъ до занятія Варшавы германскими войсками, потери и убытки Галичины отъ военныхъ дѣйствій оцѣниваются въ $2\frac{1}{2}$ милліарда кронъ.

Въ Галицію возвращаются бѣженцы. Изъ Вѣны прибыло 7,000 чел. Въ Галиціи теперь функціонируютъ польская національная конфедерація и союзъ лѣвыхъ, объединяющей шесть партій,— вербуютъ волонтеровъ въ «польскій легіонъ» («Рѣчь»).

Рѣчь новаго австрійскаго намѣстника въ Галиціи.

«N. Fr. Pr.» съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія приводитъ отдѣльную выдержку изъ рѣчи новаго австрійскаго намѣстника въ Галиціи фонъ-Коларда, обращенной къ вновь водвореннымъ во Львовѣ представителямъ гражданской власти.

«Какъ намѣстникъ его величества,—сказалъ Колардь,—я отвѣчаю здѣсь за всю гражданскую администрацію. Я долженъ поэтому требовать, чтобы всѣ подвѣдомственные мнѣ чины добро-

совѣстно исполняли мои распоряженія, проникаясь сознаниємъ, что всѣ мы здѣсь существуемъ для населенія, а не населеніе для насъ. Точное исполненіе законныхъ постановленій, безпартійное и безпристрастное отношеніе ко всѣмъ слоямъ населенія, безъ различія вѣры, національности и положенія—вотъ основныя условія нашей дѣятельности здѣсь. Только такимъ образомъ мы можемъ заслужить довѣріе всего края и населенія въ общихъ интересахъ нашего государства».

Фонъ-Колардъ отмѣтилъ далѣе, что отнынѣ всѣ чины гражданской администраціи въ Галиціи должны владѣть всѣми мѣстными языками и нарѣчіями («Одесск. Нов.»).

Первые шаги новаго намѣстника вызвали большое неудовольствіе среди поляковъ. По словамъ вѣнскаго корреспондента „Kölnische Zeitung“. поляки, по словамъ корреспондента, встревожены, опасаясь, что съ этимъ назначеніемъ связаны разныя радикальныя перемены въ управленіи Галиціей, но корона и правительство постарались успокоить населеніе, для чего и были опубликованы рескриптъ императора уходящему намѣстнику Корытовскому и офиціальное разъясненіе о состоявшихся переменахъ. Повидимому, въ этихъ же цѣляхъ императоръ Францъ-Иосифъ принялъ предсѣдателя польскаго коло рейсрата Билинскаго и, сообщивъ ему о назначеніи генерала Коларда намѣстникомъ, разъяснилъ, что дѣло идетъ не о введеніи военнаго режима, а о единичной мѣрѣ, вызванной военными событіями,—отношеніе же его, Франца-Иосифа, къ полякамъ остается неизмѣннымъ, и существующія конституціонныя учрежденія остаются въ силѣ. («Рѣчь»).

— По сообщенію «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Союзъ Освобожденія Украины» обратился съ привѣтственной телеграммой къ имп. Вильгельму. Въ отвѣтъ на эту телеграмму германскій посолъ въ Вѣнѣ фонъ-Чиркши, по порученію императора Вильгельма, отвѣтилъ союзу, что императоръ высказываетъ ему живѣйшую благодарность.—«Прикарпатская Русь» сообщаетъ, что «Союзъ» послалъ поздравительную телеграмму, по случаю занятія Холма, «бывшей древней резиденціи украинскаго королевства», и фельд-маршалу фонъ-Макензену, который тоже отвѣтилъ благодарственной телеграммой.

— Та же газета въ № 1701 помѣщаетъ слѣдующее сообщеніе: «Издающіеся въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ и украинскомъ языкахъ мазепинскіе газеты и журналы уже въ началѣ войны, какъ только въ Австрію были доставлены первыя партіи русскихъ плѣнныхъ, съ радостью отмѣтили, что для плѣнныхъ малороссовъ устроены спеціальныя школы грамоты. Въ этихъ школахъ, существующихъ почти во всѣхъ лагеряхъ, гдѣ содержатся плѣнные малороссы, преподаются украинскій языкъ, исторія и географія Украины, причемъ, конечно, слушателямъ всячески внушается ученіе о самостоятельной Украинѣ и украинскомъ народѣ и прививается ненависть къ «москалямъ-угнетателямъ» и любовь къ Австріи и Германіи, несущимъ Украинѣ свободу и «самостійность».

Въ Терезіенштадтѣ для плѣнныхъ малороссовъ учреждена настоящая, прекрасно организованная и оборудованная школа.

«Стародавній український ярмарок» въ Кіевѣ.

(Отъ нашего корреспондента).

Подъ такимъ названіемъ состоялось въ Кіевѣ 10—11 мая большое народное гулянье, устроенное всероссійскимъ земскимъ союзомъ въ пользу семей раненыхъ воиновъ на т.-н. Сырцѣ (скакомъ полѣ за городомъ). «Ярмарокъ» состоялъ изъ ряда балагановъ, ятокъ, рундуковъ и шатровъ, гдѣ продавались издѣлія полтавскихъ кустарей, народныя сласти, открытки и портреты, ленты, красный товаръ и прочее. Тутъ же рядомъ стояла корчма въ старинномъ стилѣ, въ которой «шинкарки» въ стародавнихъ костюмахъ продавали «варенуху» и разныя украинскія закуски, цыганскій шатеръ, башня «для цікавихъ», съ которой показывали виды на Кіевъ; возлѣ балагановъ раскинулся чумацкій таборъ, съ возами и круторогими волами. Въ отдѣльныхъ яткахъ продавались вкусныя «сластены», которыя тутъ же приготавливались специально выписанными изъ Полтавы бабами-сластеницами. По ярмаркѣ расхаживали цыгане и цыганки, предлагавшія «поворожить» желающимъ, играла «троїста музыка», и лирники тянули свои заунывныя «псалмы». Верхомъ на коняхъ разъѣзжали Тарасъ Бульба съ сыновьями (артисты труппы Садовскаго). Но самымъ интереснымъ номеромъ ярмарки былъ—старинный театръ интермедій, въ которомъ артисты труппы—Садовскаго и ученики школы Лысенка исполняли пьесу Л. Старицкой-Черняховской «Блага наші нетревали». Какъ театральныя балаганы, такъ и другія ярмарочныя сооруженія и вывѣски были расписаны въ украинскомъ стилѣ подъ руководствомъ извѣстнаго художника В. Кричевскаго. «Ярмарокъ» имѣлъ огромный успѣхъ; въ теченіе двухъ дней его посѣтили десятки тысячъ народа, и онъ принесъ земскому союзу около 12,000 руб. чистаго дохода. Организованъ былъ «ярмарокъ» кружкомъ дамъ изъ мѣстнаго украинскаго общества во главѣ съ Л. М. Старицкой-Черняховской.

Украинскій театръ въ Кіевѣ.

(Отъ нашего корреспондента).

Въ половинѣ мая закончился зимній сезонъ въ украинскомъ театрѣ М. Садовскаго. Въ матеріальномъ отношеніи сезонъ былъ весьма удачнымъ, въ художественномъ же довольно ординарнымъ. Уходя изъ труппы ряда артистовъ, среди нихъ такого замѣтнаго, какъ И. А. Марьяненко, не замѣненныхъ соотвѣтствующими силами, повелъ къ извѣстному суженію репертуара. Новинкою, если не считать драмы—С. Черкасенка «Казка старого млина» и двухъ—трехъ водевилей, труппа съ начала 1915 года не ставила. Обновлялась постановка нѣкоторыхъ старыхъ пьесъ (напримѣръ, «Вія»). Съ 15 августа труппа возобновила спектакли въ томъ же самомъ театрѣ Народнаго дома, открывъ сезонъ безсмертной «Наталкой-Полтавкой» и пріобрѣтшимъ весьма заслуженную популярность этюдомъ Васильченка «На перші гулі».

Въ промежуткѣ между 15 мая—15 іюня, функціонироваль въ Кіевѣ въ томъ же Народномъ домѣ украинскій театръ веселыхъ мініатюръ «Веселій жартъ», организованный на лѣтнія каникулы группой артистовъ изъ труппы Садовскаго. Спектакли состояли изъ небольшихъ одноактныхъ пьесокъ,—напримѣръ, «Артистъ», «Кум-мирошникъ», чеховскіе «Сватання», «Медвідь» и др.,—изъ номеровъ декламации, пѣнія и танцевъ. Гвоздемъ театра явилась постановка интермедіи Л. М. Старицкой-Черняховской «Блага наші—нетревали, або пригода двохъ дяків-пиворізівъ», представляющей собою художественное воспроизведеніе съ исторической точностью стариннаго украинскаго театра XVII—XVIII вв. Интермедія, которой предшествовало каждый разъ коротенькое объяснительное слово, имѣла большой успѣхъ. Было бы очень желательно, чтобы ее включила въ свой репертуаръ и труппа Садовскаго.

Еще въ концѣ зимняго сезона открыла свои спектакли въ лѣтнемъ театрѣ Купеческаго собранія новая украинская труппа подъ управленіемъ И. А. Марьяненка, при участіи двухъ корифеевъ украинскаго театра М. К. Заньковецкой и А. К. Саксаганскаго. Въ эту же труппу перешла отъ Садовскаго извѣстная артистка Л. П. Линицкая. Репертуаръ труппы, играющей до настоящаго времени и остающейся, по слухамъ, въ Кіевѣ и на зимній сезонъ, состоитъ почти исключительно изъ старыхъ пьесъ, такихъ, какъ «Наймичка», «Доки сонце зійде», «За двоима зайцями», «Крути та не перекручуй», «Мартин Боруля» и т. д. Изрѣдка ставились историческія пьесы, какъ, напримѣръ, «Гандзя», «Лиха искра поле спалить, сама щезне», «Бондаривна» и др. Изъ новинокъ поставлена была пьеса Л. Яновской «Огненный Змій», «Казка старого млина» С. Черкасенка и два—три водевиля. Труппа имѣетъ заслуженный матеріальный и художественный успѣхъ.

Бібліографія.

І. А. Лысогорскій. *Галицкая Русь (Исторія Галиції съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней). Съ рис. Изд. Д. Ефимова. М. 1915 г. Ц. 15 к.*

У г. Лысогорскаго очень странное представленіе о популярной брошюрѣ: нарочито подчищенные свѣдѣнія, лишеныя всякой связи и анализа, изложены нарочито простымъ, сдобреннымъ сюсюканіемъ языкомъ, который будто бы будетъ болѣе понятенъ для читателя, «не искушеннаго» въ наукѣ, а методъ подхожденія къ матеріалу такой, что самъ покойный Несторъ Лѣтописецъ по сравненію съ нимъ кажется послѣднимъ словомъ исторической науки.

Конечно, совершенно нѣтъ свѣдѣній ни о политическомъ строѣ, ни о социальной и экономической жизни Галичины,—все это считается, очевидно, излишнимъ балластомъ для подобной брошюры, малопонятнымъ читателю; зато отмѣченъ каждый изъ князей, сидѣвшихъ на галицкомъ столѣ, причемъ авторъ не забываетъ добавить, опять-таки о каждомъ, фактъ и дату его смерти, а часто и причину ея (иногда кромѣ этого факта смерти вовсе о дѣятельности князя не говорится); не менѣе аккуратно сообщается о княжескихъ походахъ и междоусобіяхъ. Благодаря этому, брошюра перегружена излишними и ничего не дающими мелочами, которыя стушевываютъ главное и существенное, да часто авторъ о немъ и умалчиваетъ: такъ, напр., говорится, что Даніиль въ 1239 г. «ѣздилъ къ угорскому королю сватать сына своего Льва за угорскую королевну», но ни однимъ словомъ не упоминается ни о внутренней дѣятельности князя, экономическомъ и культурномъ расцвѣтѣ Галичины при Даніилѣ, ни о причинахъ возвышенія боярства. Еще ярче эта «укороченность» исторіи замѣтна на характеристикѣ дѣятельности Ярослава Осмомысла: о немъ сообщаются лишь факты личной жизни, при этомъ «для приличія», чтобы не вводить въ соблазнъ предосудительнымъ примѣромъ супружеской невѣрности князя, г. Лысогорскій «счелъ за благо» предварительно обвинять Ярослава съ его любовницей Настасьей («женился на простой галичанкѣ»... «отъ этого брака имѣлъ сына Олега»...). А въдь Ярославъ Осмомыслъ былъ строителемъ земли Галицкой, и имъ былъ подготовленъ тотъ расцвѣтъ, который наступилъ въ Галичинѣ полустолѣтіемъ позже. Онъ строилъ школы, призывалъ ремесленниковъ, и уже современники сознавали значеніе его дѣятельности. Неужели же ничего нельзя было дать для

уясненія эпохи этой кипучей дѣятельности Ярослава, кромѣ факта его семейной жизни, не лишеннаго интереса какъ иллюстрація боярскаго самовластія, но все-же не имѣющаго самостоятельнаго значенія?

Еще хуже, если г. Лысогорскій пускается въ соціологическія объясненія или политическія экскурсіи и хочетъ найти причину того или иного явленія: такъ, напр., причиной сохраненія національности галицкимъ крестьянствомъ выставляется: 1) нелюбовь его къ панамъ, 2) дурное обращеніе пановъ съ народомъ, а ухудшеніе экономическаго положенія крестьянъ подъ владычествомъ Польши объясняется тѣмъ, что «бояре и дворяне уже не считали себя русскими и простой галицкій народъ сдѣлался для нихъ чужимъ народомъ, съ чуждой вѣрой и чуждымъ языкомъ». Съ такой точки зрѣнія, ни зависимыхъ отношеній, ни крѣпостнаго права въ средѣ одной націи быть не можетъ, потому что и низшій, и высшій слой—«свои люди», одной вѣры и одного языка. Исторія показываетъ намъ совершенно иное: зависимыя отношенія и крѣпостное право выросло не изъ религіозныхъ или національных различій, а сложилось на почвѣ чисто экономической одинаково въ Римѣ и Византіи, Франціи и Россіи и др. странахъ. Присоединеніе Галичины къ Польшѣ и національныя различія только ускорили и обострили процессъ, но не измѣнили его качественно. Г. Лысогорскій знаетъ точную дату установленія крѣпостнаго права для галичанъ—1520 г. Это совершенно невѣрно: крѣпостное право складывалось медленно, иногда почти незаметно, это былъ не отдѣльный фактъ, а цѣлый процессъ, рядъ мелкихъ отдѣльных фактовъ, слившихся въ одно цѣлое, постепенно нараставшій и желѣзнымъ кольцомъ затягивающій крестьянство. Уже въ XV в. народъ чувствовалъ это, и протестъ противъ грядущаго закрѣпощенія выливался въ форму уходовъ или крестьянскихъ волненій, которыхъ было очень много въ XV в. Привязывать установленіе крѣпостнаго права къ одному году или указу правительства значитъ не понимать и извращать сущность явленія.

У г. Лысогорскаго можно было бы подобрать безчисленное множество фактовъ историческихъ и всякихъ другихъ, доказывающихъ какъ поверхностное отношеніе, такъ и прямо полное непониманіе общественно-политической и національной жизни, незнаніе, что такое исторія вообще и какія силы могутъ быть ея двигателями, наконецъ, полное неумѣніе разобраться въ специальныхъ вопросахъ украинской жизни. Не буду касаться ихъ, останавлиюсь еще на одномъ моментѣ, какъ нельзя лучше подчеркивающимъ всю наивность авторовъ въ историческихъ вопросахъ. Дѣло идетъ объ уніи: по словамъ г. Лысогорскаго, при введеніи ея «хлопы ничего не поняли» и «не противились ей». Между тѣмъ извѣстна упорная борьба православныхъ противъ уніи, дѣятельность братствъ, раскинувшихся не только въ большихъ городахъ Галичины, но и маленькихъ мѣстечкахъ (Сатаковъ, Гологоры и др.) и т. п. Борьба эта оттянула введеніе уніи болѣе чѣмъ на столѣтіе (Перемышльская епархія въ 1696 г., Львовское

братство въ 1708). Соответственно этому у г. Лысогорскаго выпадаетъ все культурно-національное движеніе XVI и первой половины XVII в.: объ издательской дѣятельности украинцевъ вовсе не говорится, школы изображаются въ крайне жалкомъ видѣ, и вдобавокъ преподавали въ нихъ учителя изъ «іезуитскихъ семинарій» и, разумѣется, «сбивали своихъ православныхъ учениковъ въ католическую вѣру». Такъ братство и его школа дѣлалась невольнымъ распространителемъ католичества, такъ какъ «именно въ тѣ братства, которыя держались православія, іезуиты и ставили своихъ выучениковъ» (ст. 45). Ясно, что г. Лысогорскій не представляетъ ни положенія школы, ни дѣятельности братствъ и не подозрѣваетъ, что преподавателями братскихъ школъ были свои же украинцы, питомцы львовской братской школы, игравшей роль высшей, гдѣ преподавали выдающіеся «дидаскалы» того времени изъ мѣстныхъ людей и пріѣзжихъ грековъ (архіеп. Арсеній, Стефанъ и Лаврентій Зизаніи, Кирилль Транквилліонъ Ставровецкій и др.). Культурно-національными очагами, питавшими Украину (въ томъ числѣ и Галичину), были города во главѣ со Львовомъ и позже Киевомъ: въ нихъ организовывались братства, устраивались типографіи и школы, изъ нихъ выходила полемическая литература въ защиту православія. А по Лысогорскому, городскіе жители не только не препятствовали уніи, но «были даже довольны, что ихняя холопская вѣра теперь становится похожей на господскую» (ст. 39).

Резюмируя все вышесказанное объ историческомъ очеркѣ брошюры, нужно сказать, что въ своемъ стремленіи «приспособиться» къ уровню читателя г. Лысогорскій искажаетъ исторію Галичины почти до неузнаваемости и даетъ только рядъ разрозненныхъ, часто незначительныхъ фактовъ, къ тому же еще и невѣрно освѣщенныхъ.

Апогея достигаетъ брошюра, знакомя съ Галичиной «нашихъ дней», какъ громко «выразился г. Лысогорскій». Однако, очень ошибся бы читатель, думая найти подлинныя свѣдѣнія о жизни галичанъ послѣдняго времени,—ихъ нѣтъ, а есть только измышленія автора, къ жизни Галичины отношенія не имѣющія. Исторія Галичины выворачивалась гг. авторами популярныхъ брошюръ изъ разныхъ соображеній и просто по незнанію на разные лады, но по справедливости надо сказать, что г. Лысогорскій своей брошюрой побилъ рекордъ. И слѣдуетъ отмѣтить, что авторъ лишенъ обычной тенденціозности: онъ не ругаетъ «мазепинцевъ», такъ какъ, вѣроятно, о нихъ не знаетъ, не находитъ въ галицкихъ школахъ «русскаго» языка, такъ какъ иныхъ школъ, кромѣ польскихъ, по его словамъ, въ Галичинѣ не существуетъ («уніатскія» школы «очень скоро закрылись»), даже признаетъ, что населеніе говоритъ на «малорусскомъ» языкѣ. И, несмотря на всѣ эти «либеральныя заявленія», весь позднѣйшій періодъ нельзя назвать иначе, какъ сплошной нелѣпостью, такъ какъ, очевидно, авторъ не имѣетъ никакого представленія даже о самыхъ крупныхъ фактахъ жизни галичанъ. Чтобы это мнѣніе не показалось голословнымъ, приведу факты. Такъ, національное

возрожденіе русинъ въ XIX в. выразилось въ томъ, что уніатскіе священники перестали стыдиться своего языка и вѣры, и даже «тѣ изъ нихъ, кто былъ посмѣлѣе, открыто говорили хлопамъ, чтобы они переходили въ православіе» (!) (ст. 57). Этнографическая терминологія населенія Галичины спутана до крайности и мѣняется трижды на протяженіи брошюры: въ началѣ галичане называются «русскими», въ серединѣ «русинами или русскими», а въ концѣ «малороссами» или по крайней мѣрѣ говорятъ на «малорусскомъ языкѣ». При этомъ количество украинскаго населенія въ Галичинѣ сильно преувеличено: 5 милл. русинъ и 3 поляковъ, съ оговоркой, что и изъ этихъ трехъ милліоновъ большинство русинъ, а «кровныхъ родовыхъ поляковъ въ Галиціи почти нѣтъ». Когда г. Лысогорскій начинаетъ говорить о религіи русинъ, онъ окончательно путаетъ: русины официально числятся уніатами,—разсказываетъ онъ,—но въ дѣйствительности «хлопы» уніи не хотѣли и «держатся православнаго обряда и въ настоящее время». Правда, изъ дальнѣйшаго повѣствованія г. Лысогорскаго ясна, вопреки утвержденіямъ автора о вѣрности галичанъ своей «хлопской вѣрѣ» и «хлопскому языку» (что это за «хлопскій» языкъ по г. Лысогорскому точно установить не удалось), не твердость, а крайняя религіозная шатность галицкихъ украинцевъ, такъ какъ открывается, что «хлопы-уніаты» мѣняютъ религію чуть ли не по временамъ года: сначала (вѣроятно, лѣтомъ), чтобы «поспокойнѣе жилось», принимаютъ католичество, но «вмѣстѣ съ уніатами осенью» отправляются на богомолье въ Почаевъ и Кіевъ (такъ какъ Почаевъ—центръ православнаго миссіонерства, то, продолживъ мысль г. Лысогорскаго, можно предположить, что оттуда уніаты возвращаются православными, чтобы начать новый круговоротъ дома).

Подчеркивая тяжелое современное положеніе галичанъ, авторъ брошюры винить во всемъ іезуитовъ, которые будто бы захватили въ свои руки орденъ базилианъ и начали гоненія среди уніатовъ и православныхъ. Изъ среды «Василианъ-іезуитовъ» назначаются австрійскимъ правительствомъ высшіе іерархи уніатской церкви—митрополиты и епископы—и «среднее духовенство», угнетающіе свою паству, строящіе костелы, дающіе приходскихъ священниковъ. Всякому, кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ Галичиной, видна абсурдность этихъ разсужденій, въ которыхъ «іезуиты-Василиане» играютъ роль «Змѣя-Горыныча» изъ народныхъ сказокъ. Галицкое духовенство, стоя по образованію на уровнѣ остальной интеллигенціи, имѣетъ значеніе проводника культуры среди паствы, принимаетъ живое участіе во всѣхъ ея дѣлахъ, руководитъ экономической дѣятельностью. Съ другой стороны, существуетъ тѣсное взаимоотношеніе въ средѣ духовенства низшаго и высшаго, а уніатскій митрополитъ А. Шептицкій, этотъ «іезуитъ-василианинъ», жаждущій «ополячить уніатовъ», создаетъ на свои средства украинскій Національный музей.

Итакъ, вотъ что сообщается изъ жизни современной Галичины: угнетенные, забытые хлопы, безъ школы и организаціи и уніатско-іезуитское духовенство, угнетающее ихъ. Больше ничего.

Обходится молчаніемъ участіе украинцевъ въ представительствѣ, будто его вовсе не существуетъ, украинская школа, экономическая и просвѣтительная дѣятельность, національный вопросъ и борьба съ поляками и т. д. Авторъ, повидимому, даже не знаетъ о господствующемъ положеніи поляковъ, предполагая à priori, что если Галичина принадлежитъ Австріи, то и хозяйничаютъ тамъ австрійцы: по крайней мѣрѣ онъ нѣсколько разъ упоминаетъ о притѣсненіяхъ со стороны «нѣмецкихъ чиновниковъ», которые сплошь «на сторонѣ поляковъ и іезуитовъ»; на ихъ сторону склоняется и «судъ высшій и низшій и само австрійское правительство».

Кому и зачѣмъ нужна эта брошюра? Никому, такъ какъ ничего она не даетъ, а тѣ свѣдѣнія, которыя изъ нея можно почерпнуть, искажены или вымышлены. Разсчитанная исключительно на легкій сбытъ, она не удовлетворяетъ самымъ минимальнымъ требованіямъ популярной брошюры.

Брошюра г. Лысогорскаго сама-по-себѣ не стоитъ того, чтобы на ней останавливаться слишкомъ долго,—она слишкомъ незначительна. И если помѣщаемая рецензія все-же дѣлаетъ это, разбирая подробно и подкрѣпляя доказательствами многочисленныя грубыя ошибки и искаженія, то авторъ ея имѣетъ цѣлью не указаніе промаховъ данной только брошюры, а борьбу съ общей тенденціей, ярко проявившейся за послѣдній годъ, но совершенно недопустимой и нетерпимой по существу,—выпускать подъ видомъ популярной брошюры макулатуру, которая можетъ сдѣлаться только источникомъ заблужденія для широкихъ массъ.

Н. М.

Біля машини. В-во „Дзвін“.

«Біля машини»—выпущено отдѣльнымъ изданіемъ въ первомъ выпускѣ «Народной бібліотеки» издательства «Дзвін», и выборъ этотъ для дебюта «Народной бібліотеки» нельзя не признать очень удачнымъ. Многимъ читателямъ этотъ разсказъ В. Винниченка извѣстенъ, какъ напечатанный въ «Кіевской Старинѣ» и затѣмъ помѣщенный въ первомъ томѣ его разсказовъ «Краса і сила», вышедшемъ во Львовѣ, помнятъ читатели и тонъ разсказа—бодрый, увѣренный, свѣжесть мысли, яркость красокъ, отсутствие тенденціозности.

«Біля машини»—картинка изъ жизни сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, моментъ, когда, выведенные изъ терпѣнія, забытые, обманутые люди устраиваютъ стачку.

До этого момента жизнь въ экономіи пана Скъшембжовскаго шла, какъ водится во всѣхъ большихъ экономіяхъ; самъ «панъ» дѣломъ не интересовался и въ него не вникалъ, люди работали чуть ли не даромъ и даже заработанныхъ грошей не требовали, по недѣлямъ платы не получали и терпѣливо сносили издѣвательства эконома пана Гудзинскаго или по-просту «Гудзя», задерживавшаго плату и изъ этого извлекавшаго выгоду.

Робочіе жарились на солнці, не дождали, не досыпали, глотали пыль у «машины», а панъ Гудзинскій отращивалъ брюшко, искалъ невѣсту по-богаче, и пока что «шалилъ» съ дівчатами и поставлялъ ихъ въ економію для «панича Янека».

Но въ одинъ прекрасный день вождѣленный порядокъ нарушился; гроза собиралась долго и достаточно было искры, чтобы пороховъ вспыхнулъ. Роль такой искры сыграла ссора рабочаго Карпа съ «Гудземъ» изъ-за работницы Химы. Карпо избилъ «Гудзя», а робочіе, руководимые Андромомъ, потребовали у эконома немедленно уплаты заработанныхъ денегъ и повышенія платы.

— Що буде? Що? У тюрми посадять? Військо покличеш? Чорт вас бери! Кличте, бийте! Гроші наші давай! Давай хоч те, що дає! Думаєте, не бачимо, на кого робимо? Не бачимо, що той, хто нашихъ дівчат за пятака соромить на все село, живе з нашої праці. Не знаємо, що ми оцими руками заробили ті пятаки, що він намъ кидає!!! Годі! Чорта з два тепер! Давай гроші, що заробили! А потім давай по 80 к. у день, то й робитимем. А не хочеш, шукай собі другихъ дурнів... А ми вже порозумнішали.

Пришлось эконому сдаться и, когда къ нему на выручку прибѣжала его невѣста—«модиска» съ отцомъ и еще какимъ-то «синеньким ляшком», то «Гудзикъ» сидючи на лантухах, уже долічував останнім рабѣтникам гроші...

На этотъ разъ трудъ побѣдилъ, и вѣрою въ конечную его побѣду проникнуть весь разсказъ.

О томъ, какъ написанъ разсказъ, говорить не приходится, за это говорить уже самое имя автора.

Изданъ онъ хорошо (нѣсколько претензіонна и, нельзя сказать, чтобы удачна была обложка), а невысокая цѣна книжки обезпечиваетъ ей распространеніе въ тѣхъ читательскихъ кругахъ, для которыхъ она и издана.

Л. Бурчакъ.

В Винниченко. «Федько — Халамидник». Вид. „Дзвін“, Київ, 1913.

«Дѣти—цвѣты земли»,—сказалъ писатель, и ужъ не поэтому ли одному нужно лелѣять и беречь ихъ, какъ наше будущее, какъ тѣ возможности, какія въ нихъ скрыты, и не потому ли зорко нужно смотрѣть, чтобы жизнь не измяла, не исковеркала ихъ, не заглушила бурьянъ, чертополохъ.

Каждый день на улицахъ и въ паркахъ городовъ, въ деревняхъ, на дачахъ—видимъ мы цѣлыя ватаги дѣтвора играющей, дерущейся, плачущей и смѣющейся и проходимъ мимо: большіе и серьезные люди мало удѣляютъ вниманія этому народу, для этого слишкомъ уже занятъ взрослый человекъ и некогда ему пирсмагиваться къ жизни маленькихъ людей—хорошо одѣтыхъ и оборванныхъ, вымытыхъ и грязныхъ, благовоспитанныхъ и совсѣмъ не воспитанныхъ...

Но прошелъ мимо наблюдательный и чуткій писатель съ боль-

шимъ литературнымъ дарованіємъ, и мы читаемъ трагическую исторію маленькаго чоловіка изъ ряду тѣхъ, которыхъ въ Парижѣ зовуть «гамэнами», въ Россіи—сорви-головами, а то и хулиганами, а на Украинѣ—«халамидниками».

«Се був чистий разбишака—халамидникъ».

Не було того дня, щобъ хто-нибудь не жалівся на Федька: тамъ шибку з рогатки вибив; тамъ синяка підбив своєму «закадишному» другові; та перекинувъ діжку з дощовою водою, яку збирали з такимъ клопотомъ».

Такъ рекомендуєтъ свого «Федька-халамидника» самъ авторъ.

Если у дѣтей произошелъ скандалъ, драка, ссора—такъ и знай, что здѣсь главное дѣйствующее лицо Федько! Это онъ разрушаетъ чудесныя постройкі изъ песка, въ созданіи которыхъ только что самъ принималъ участіе, это онъ отнимаетъ змѣя у Степки или Спирьки, онъ раздаетъ тумакі направо и налево...

И часто эти недоразумѣнія кончаются тѣмъ, что отецъ-наборщикъ, вернувшись съ работы домой, деретъ Федька, деретъ послѣ распросовъ, на которыхъ Федько всегда бываетъ правдивъ и откровененъ.

Порка часто сплошь и рядомъ кончалась тѣмъ, что отецъ давалъ «Сібіряці» двѣ-три копейки и говорилъ:

«То тобі за те, а се за те, що правду говориш»...

А чаще всего Федька драли за Толю, деликатнаго, смирнаго тихоню, сына владѣльца, того самаго дома, гдѣ ютился отецъ Федьки съ семьей и убогимъ скарбомъ.

Драли Федька за то, что онъ постоянно «спокушавъ» его, и Толя возвращался домой оборванный, грязный, съ разбитымъ носомъ; ничѣмъ другимъ и не могли окончиться шлепанье по лужамъ во время дождя или походъ за птичьими яйцами.

Мать Федьки напускалась на сына: «То дитина благородна, ніжна, а ти, мужиченя, з нимъ такъ, якъ з Степкою. Та черезъ тебе насъ з квартирі виженуть... Щобъ ти не смівъ підходити до його мурло репане. З свинопасами тобі гратись, а не з благородними дітьми»...

Но Федько никакъ не могъ уразумѣть этихъ правилъ житейской мудрости. Толя былъ для него тѣмъ же, что и Степка и Спирька, и черезъ день происходило то же самое и финалъ былъ тотъ же:

«Скидай, сучий сину, штани!»... Отецъ опять дралъ сына, дралъ за то, чтобы не водился «з благородными дітьми» и приговаривалъ:

Жени його під три чорти од себе.. Яка вінъ тобі кумпанія?..

Вѣроятно съ болью въ сердцѣ билъ отецъ сына, желая, быть можетъ, съ одной стороны вколотить ему, наконецъ, пониманіе того, что «не кумпанія вони (т.-е. пани) тобі», а съ другой стороны—не накажи, выгонять съ квартиры...

«З вікон хазайського дому ледве чутко вибиваються звуки ніжної музики. Тепло і затишно тамъ. Батько Толінъ десь похожее собі по просторій хаті, задумливо слухаючи музику. Тутъ же, мабуть, Толя, чистенькій, ніжний з щічками, якъ проскура. Мати грає. Ні сварокъ у нихъ, ні бруду, ні клопоту. Пожилці їмъ знесуть

плату за квартирі, мужики за землю грошей привезуть. Их ніхто не вижене з квартирі, хоч би Толя як обидив Федька».

Такъ жили во дворѣ, и кто знаетъ, что въ будущемъ ждало «Халамидника»? Быть можетъ гнуль бы онъ спину и дышалъ свинцовой пылью, какъ отецъ, въ типографіи и молчалъ бы, умудренный житейскимъ опытомъ, а, быть можетъ, и не пересталъ бы всюду и вездѣ говорить правду—и сгнилъ бы въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ... Кто знаетъ.

Но какъ-то весною, когда теплые вѣтры растопили снѣга и льды, и по рѣкѣ съ шумомъ и скрежетомъ понеслись кучи льда, «Халамиднику» пришла въ голову неудачная затѣя: на глазахъ собравшагося люду и всегдашнихъ своихъ спутниковъ—Степки, Спирьки и тихаго Толи, онъ по льдинамъ перебрался на противоположный берегъ и вернулся обратно.

Всегда скромному и благородному Толѣ захотѣлось послѣдовать примѣру Федька, но на второй же льдинѣ Толя застрялъ, и его стало сносить внизъ. Спасъ его все тотъ же Федько, поплатившійся за это ледяной ванной...

На этотъ разъ поркой пришлось бы поплатиться и Толѣ, но и тутъ его выручилъ «Халамидникъ».

«Федько глянув на Толю,—той великими, повними страху й тоски очима дивив ся прямо на його. Сльози текли йому по щокахъ і зупинялися в куточкахъ рота. Толя машинально злизував їх язиком і все дивився на Федька з чеканнем чогось страшного»...

И солгалъ Федько, солгалъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни, чтобы спасти отъ наказанія товарища: сказалъ, что это онъ потащилъ Толю на льдину, онъ повелъ его къ рѣкѣ.

И опять били «Халамидника». Била мать, ударилъ Толинъ отецъ, билъ и «татко» Федька—безчувственного, въ жару.

Потомъ въ бреду вспоминалъ онъ Толю, а, очнувшись, спрашивалъ: били ли его.

Умеръ «Халамидникъ».

Когда гробъ съ его тѣломъ скрылся за угломъ улицы, Толя, наблюдавшій изъ окна, какъ хоронили Федька, «одішов од вікна, перекутивсь на одній нозі і побіг грати ся з чижиком».

Сього чижика він сказав Федьковій матері віддати йому, бо він його виграв у Федька».

Такъ кончилась простая исторія «Федька-Халамидника», талантливо рассказанная В. Винниченкомъ. Въ ней, какъ и вездѣ, авторъ остался вѣренъ себѣ: любви къ обиженному, умѣнью улавливать свѣтлыя и темныя стороны жизни, находитъ высокое благородство и героизмъ тамъ, гдѣ другіе видятъ, быть можетъ, только одну темень, грязь и озорство. Поэтому съ теплымъ чувствомъ симпатіи и уваженія отнесется читатель къ образу Федька, изъ обстановки вѣчнаго труда, нищеты и боязни за завтрашній день вынесшаго чистую правдивую душу, и съ чувствомъ безглаголивости—къ трусливой и лживой фигурѣ чистенькаго, благовоспитаннаго Толи, и не съ инымъ чувствомъ отнесется къ нимъ и читатель изъ «малыхъ сихъ», для котораго написанъ этотъ хорошій рассказъ. Въ немъ авторъ никого не хотѣлъ учить, и приторный

учительскій тонъ въ немъ отсутствовалъ, но онъ научить многихъ и многому.

Съ чувствомъ удовлетворенія отмѣчаемъ выходъ «Федька-Халамидника» отдѣльнымъ изданіемъ; этой книжкѣ необходимо пройти въ самые широкіе читательскіе круги.

Л. Бурчакъ.

Литературная лѣтопись.

— Вышелъ изъ печати „Український Науковий Збірник“, изданіе Украинскаго Научнаго Общества въ Кіевѣ. Содержаніе „Збірника“ слѣдующее: М. Грушевскій. Новые гипотезы изъ исторіи старорусскаго права.—С. Розановъ. „Кройника“ 1636 г.—В. Геретцъ. Къ біографіи П. Житецкаго. В. Науменко. Письма Я. Головацкаго къ М. Максиму и Лукашевичу.—Л. Добровольскій. Изъ кievской „козачини“ 1855 г.—В. Г. Письмо Мезепы къ своему старостѣ.—Библіографія. Новости литературы и науки.

— Коллективные работы сотрудниковъ „Украинской жизни“—„Украинскій вопросъ“ и „Галичина, Буковина, Угорская Русь“ на дняхъ вышли вторымъ изданіемъ. Обѣ книги изданы извѣстнымъ книгоиздательствомъ въ Москвѣ „Задруга“. Первое изданіе „Украинскаго вопроса“ вышло въ 1914 г.; успѣхъ книги, разошедшейся въ теченіе года, показали, что она вышла своевременно и отвѣчаетъ интересамъ общества къ вопросамъ, связаннымъ съ украинскимъ національнымъ движеніемъ. Что касается книги „Галичина, Буковина, Угорская Русь“, то первое изданіе ея разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ и вызвало въ русской печати многочисленныя отзывы, отмѣчавшіе цѣнные черты работы сотрудниковъ нашего журнала. Успѣхъ обѣихъ книгъ побудилъ авторовъ ея повторить изданіе, причемъ въ обѣихъ книгахъ сдѣланы важныя существенныя дополненія въ связи съ тѣми измѣненіями, которыя вызваны новыми фактами украинской и русской общественной жизни.

— Вышелъ изъ печати драмат. этюдъ О. Пчилки. „Згуба, або втрачений рай“. Кіевъ 1915. стр. 46. 20 к. и Юркевичъ П. „Комедія життя“ п'еса на 4 дії. Харьковъ 1915. 134 стр. 50 к.

— Въ июльской книжкѣ „Ежемѣсячнаго Журнала“ напечатано продолженіе интересной повѣсти В. Винниченко „Босьякъ“ въ авторскомъ переводѣ съ украинскаго.

— Въ № 11—12 (1914 г.) „La Revue

Politique internationale“ помѣщена обширная статья проф. М. Грушевскаго „La Probleme Ukrainien: Son Evolution His orique“, вышедшая и отдѣльной брошюрой.

— Высокую оцѣнку работамъ проф. М. Грушевскаго „Исторія украинскаго народа“ и „Развитіе украинскихъ изученій въ XIX в. и раскрытіе въ нихъ основныхъ вопросовъ украиновѣдѣнія“, которыя, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, составляютъ первый томъ „Украинскаго народа въ его прошломъ и настоящемъ“, даетъ Н. Лернеръ въ „Рѣчи“ (211). Отмѣчая основную идею исторіи украинскаго народа въ освѣщеніи проф. Грушевскаго и останавливаясь на нѣкоторыхъ неразрѣшенныхъ задачахъ еще времени Хмельницкаго, Н. Лернеръ замѣчаетъ: „Книга талантливаго украинскаго историка, правдиво и объективно выясняя ихъ, многимъ должна освѣтить путь и многихъ образумить. Въ этомъ заинтересованъ не одинъ украинскій народъ, а всѣ народы, составляющіе Россію. Когда мы читаемъ у Грушевскаго, что въ Львовѣ XV—XVI вв. мѣшчане-украинцы, „схизматики“, не допускались ни къ какимъ муниципальнымъ должностямъ, что они ограничены были въ приобрѣтеніи недвижимостей, что имъ не позволяли заниматься нѣкоторыми профессіями, а ихъ дѣтей не принимали въ школы,—мы невольно вспоминаемъ, что сейчасъ въ Россіи XX вѣка въ такихъ же правовыхъ условіяхъ живетъ другой народъ. Но и онъ съ надеждой смотритъ на Россію и вѣритъ, что не пропадутъ же зря уроки прошлаго. Кто желаетъ ихъ отчетливѣе знать, пусть обратится къ этой умной, серьезной книгѣ“.

— Л. Жигмайло издана на украинскомъ языкѣ брошюра „Михайло Кочубинскій“ (Спроба характеристики).

— Въ № 18 англійскаго журнала „The New Age“ помѣщена въ переводѣ съ украинскаго С. Вольской и С. Бехгофера „Катерина“ Шевченка.

— Журнальная литература о Га

личинъ. Въ „Извѣстіяхъ Херсонскаго Уѣзднаго Земства“ (№ 18 за 1915 г.) помѣщена статья Е. П. Шевченка „Крестьянская кооперация въ Галиціи“. — Въ № 7 „Вѣстника сахарной промышленности“ М. Карашенко, авторъ статьи „Замѣтки о Галиціи“ даетъ описание сахарной промышленности въ Галичинѣ и сравниваетъ въ отношеніи развитія этой отрасли промышленности Галичину съ Правобережной Украиной. Статья вышла въ видѣ отгиска и отдѣльнымъ изданіемъ, Кіевъ 1915 г.

— Въ книгѣ I тома XX „Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“ напечатана статья Е. Ю. Перфецкого „Религиозное движеніе Угорской Руси“.

— „Вѣстникъ Кооперациі“ (5 кн.) помѣщаетъ статью Н. „Кооперативное движеніе на Западѣ“. — Кооперация въ Галиціи“. — Въ „Извѣстіяхъ по Народному Образованію“ (кн. 5) напечатаны статьи: а) К. Д. „Галиція, Буковина и Угорская Русь“. б) А. П. Чекинъ „Среднее образованіе въ Галиціи и Буковинѣ“.

— Въ „Волчанецкомъ Земскомъ Листкѣ“ (№ 24) О. Досвитный посвящаетъ статью „Народу и школѣ въ Галиціи“. Авторъ говоритъ, что „извѣдывъ почти всю Галицію, побывавъ почти въ каждомъ изъ селъ, въ особенности въ восточной ея части, даже въ такихъ, которыя насчитываютъ не болѣе двадцати дворовъ, я составилъ довольно полное представленіе о развитіи въ странѣ просвѣщенія среди народа“. Несмотря на такое предупрежденіе, статья автора даетъ мало; написана наспѣхъ, оперируетъ цифрами невѣрными. Болѣе интересными представляются впечатлѣнія автора, навѣянные встрѣчами съ украинскими крестьянами Галичины.

— Въ „Сѣверныхъ Запискахъ“ (Іюль—Августъ) Д. Илимскій помѣщаетъ рецензію на книжку Ан. Яриновича: „Галичина въ ея прошломъ и настоящемъ“. Авторъ рецензіи пишетъ: „въ ряду работъ о Галиціи небольшая работа г. Яриновича, выпущенная однимъ изъ наиболѣе идейныхъ нашихъ издательствъ („Задруга“), является образцомъ простой ясности, общедоступности и увлекательности. Надо отъдать справедливость—наши либералы „славяно-византийцы“, имѣющіе главный штабъ въ „Русской Мысли“, напустили на галиційскій вопросъ столько мистическаго тумана, столько хитросплетеній изъ области „завѣтовъ прошлаго“ и „предвѣчныхъ задачъ будущаго“, что скромному обывательскому уму въ нихъ

не разобраться. Въ противовѣсть этому, г. Яриновичъ совершенно чуждъ мистики и неясностей. Онъ признаетъ только реальные жизненные интересы народа и только съ точки зрѣнія правильной учета этихъ интересовъ онъ оправдываетъ или осуждаетъ то или иное направленіе національной жизни“. Отмѣчая цѣнные черты брошюры г. Яриновича, рецензентъ обращаетъ вниманіе и на пропуски свѣдѣній по нѣкоторымъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ темѣ брошюры; такъ, напр., умолчаніе о трагедіи Угорской Руси подъ мадыарскимъ владычествомъ и бѣглость очерка, посвященнаго „московифильству“.

— Въ статьѣ „Вопросы тыла“ (Русскія Записки, кн. 8) талантливый публицистъ А. В. Пыسخоновъ, говоря о возможныхъ послѣдствіяхъ войны въ жизи и задѣтыхъ ею народовъ, высказываетъ рядъ слѣдующихъ мыслей по поводу Галичины: „Что касается восточной Галиціи, въ которой до сихъ поръ преобладало украинское населеніе, почему наши націоналисты на нее и претендовали, какъ на русскую землю, то неизвѣстно, какая національность преобладаетъ въ ней теперь и тѣмъ болѣе, какая будетъ преобладать послѣ войны; можетъ быть эта провинція окажется польской или еврейской, а то и нѣмецкой. Во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, что при заключеніи мира судьбу Галиціи признаютъ нужнымъ рѣшить при помощи плебисцита (въ исторіи вѣдь такіе случаи бывали)“.

— Въ связи съ отступленіемъ русскихъ войскъ въ нѣмецкой литературѣ все живѣе и настойчивѣе поднимается вопросъ о завоевательныхъ цѣляхъ и планахъ войны. Въ систематическомъ видѣ завоевательные планы германцевъ изложены въ брошюрѣ Франца Келлера „Der neue Dreibund“. Копенгагенскій корреспондентъ „Кіевской Мысли“, реферируя содержаніе этой брошюры, излагаетъ между прочимъ и содержаніе той части завоевательной программы германскихъ империалистовъ, которая касается „отдѣленія западныхъ славянъ отъ восточныхъ“. „Западными“ славянами Келлеръ называетъ здѣсь поляковъ и малороссовъ. По его программѣ должны быть образованы „самостоятельныя“, но находящіяся всецѣло подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, Польша и Украина. Послѣдняя до рѣки Дона съ Одессой, какъ главною гаванью, къ которой будетъ идти нѣмецкая желѣзная дорога отъ Данцига. Днѣпръ долженъ быть

соединенъ каналомъ съ Вислой, и стать второй артеріей нѣмецкаго вліянія. Этотъ пунктъ Келлеръ обосновываетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Спасеніе отъ панславизма лежитъ не въ ограниченіи его ирриденцы на германской и австрійской территоріяхъ, но, наоборотъ, въ укрѣпленіи Западной славянской вѣтви, которую мы совершенно перетянемъ на свою сторону, отбѣливъ ее отъ великорусскаго государства“. (Кіев. Л. № 224).

— По сообщенію „Прикарп. Руси“ (№ 1692) „Союзъ Освобожденія Украины“ подготовляетъ къ печати на болгарскомъ языкѣ брошюру, которая по словамъ названной газеты, представляетъ изъ себя передѣлку извѣстной „Записки Петротр. Академіи Наукъ“ и должна явиться отвѣтомъ на брошюру, изданную Я. Романчукомъ (москвофиломъ).

— По сообщенію той же газеты нѣкій С. Смолинскій „малороссъ“ (изъ породы „тоже малороссовъ“!) никогда раньше, до войны въ Галичинѣ не бывавшій, выпустилъ двѣ брошюры: 1) „Русская живая рѣчь“ (устныя и письменныя упражненія въ развитіи рѣчи. Для учащихся въ начальныхъ школахъ и младшихъ классахъ гимназій Галичины и др. окраинъ Россіи). 2) „Русская живая рѣчь“—Методическія указанія къ веденію устныхъ и письменныхъ упражненій въ развитіи рѣчи“. „Прикарпатская Русь“ считаетъ лишнимъ „описывать подробно (брошюры) и отмѣчать достоинства“ и такъ характеризуетъ работу Смолинскаго: „она говоритъ за себя сама“. Это вѣрно!

— Въ № 229 „Дня“ помѣщена статья С. Петлюры: „Къ положенію украинской прессы“. Авторъ излагаетъ исторію закрытія украинской печати, приводитъ факты, иллюстрирующіе отношенія мѣстныхъ органовъ администраціи къ украинскому печатному слову и ставитъ слѣдующіе вопросы: „Во имя чего, для какихъ цѣлей отнимаютъ у него (украинскаго народа) одно изъ наиболѣе дорогихъ ему достояній—его родной языкъ, его родное слово? Какими государственными соображеніями можно оправдать карательныя мѣры, обрушенныя на украинскую прессу и лишившія украинцевъ возможности принять участіе въ той напряженной работѣ, какая вызвана была событіями войны.“ Говоря, что „эти и подобные имъ вопросы не могутъ не волновать мучительно украинцевъ“, авторъ считаетъ „своевременнымъ и назрѣвшимъ, какъ постановку этихъ вопросовъ въ

русской прессѣ, такъ и привлеченіе къ нимъ вниманія Думы“ (21/VII).

— Откликаясь на постановку украинскаго вопроса въ Государственной Думѣ, въ связи съ положеніемъ украинской прессы „Новое Время“ (27/VII) замѣчаетъ: „Скобелевъ и Милуковъ выдвинули еврейскій вопросъ, да еще почему-то въ большой близости къ украинскому вопросу и едва ли окажутъ тѣмъ услугу и евреямъ и украинцамъ при нынѣшней особенной чуткости русскаго общества къ національному вопросу“. — „Московскія Вѣдомости“ (№ 194) устами неизмѣннаго нашего „друга“ Л. Волкова заявляютъ о своемъ совершенномъ недовольствѣ поѣздкой украинской депутаціи въ Петроградъ. Слѣдуетъ рядъ истоптанныхъ фразъ о „сепаратизмѣ“ и „австрійской ориентаціи“ и о томъ, что украинское движеніе „дѣйствуетъ во вредъ Россіи и всему русскому народу и въ угоду нѣшимъ политическимъ и национальнымъ врагамъ“. Если кто и дѣйствуетъ во вредъ Россіи, то только гг. Волковы своей агитаціей и прочими, — извѣстными имъ, мѣрами, направленными къ созданію той „австрійской ориентаціи“ среди украинцевъ, противъ которой они такъ горячо и такъ фарисейски выступаютъ. Если г. Волковъ недоволенъ фактомъ поѣздки украинской депутаціи въ Петроградъ, то „Кіевъ“ просто впадаетъ отъ этого въ изступленіе. Онъ называетъ украинцевъ „бандой мародеровъ“ и прочими архи-ругательными эпитетами, которые и могутъ появляться только на столбцахъ газеты, избравшей своей спеціальностью травлю украинцевъ (№ отъ 21/VIII).

— Въ № 15041 (отъ 22 VIII) „Биржевыхъ Вѣд.“ имѣется слѣдующая редакціонная замѣтка. „По независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ не могла быть помѣщена статья „Языкѣ и печатѣ Украины во время войны“. — Въ томъ же № Биржевыхъ Вѣдомостей“ помѣщена обстоятельная статья Ф. Матушевскаго „Родной языкъ въ украинской школѣ“. Остановливаясь подробно на характеристикѣ правительственной политики по отношенію къ задачамъ просвѣщенія на Украинѣ и выясняя вредъ этой политики для тѣхъ цѣлей, коимъ служить просвѣщеніе, авторъ высказываетъ за то, чтобы школьное преподаваніе въ начальныхъ школахъ губерній съ малорусскимъ населеніемъ вести на украинскомъ языкѣ. „Русскому языку должно быть отведено видное мѣсто въ

программахъ въ качествѣ обязательнаго предмета, изученіе котораго должно быть поставлено настолько основательно, какъ это можно требовать для языка общегосударственнаго, языка большого культурнаго значенія и міровой литературы. Школьные руководства и пособія необходимо по языку и содержанию приспособить къ условіямъ жизни мѣстнаго населенія. Въ программу преподаванія начальныхъ школъ желательно ввести въ соотвѣтственныхъ размѣрахъ изученіе украинскаго языка, исторіи и географіи Украины.

Въ учительскихъ и педагогическихъ школахъ края необходимо ввести изученіе украинскаго языка, украинской литературы, исторіи и географіи, а въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ края—кафедры украинознанія, въ цѣляхъ подготовки преподавательскаго персонала для педагогическихъ школъ и курсовъ.

Частныя школы съ преподаваніемъ на малорусскомъ языкѣ необходимо допустить къ свободному функционированію при одномъ обязательномъ условіи—чтобы русскій языкъ занималъ въ программахъ такихъ школъ соотвѣствующее мѣсто. Учрежденіе такихъ школъ было бы полезно для самаго министерства, которое находило бы въ ихъ работѣ матеріалъ для выработки программъ украинскаго преподаванія и для оцѣнки примѣняемаго въ нихъ учебнаго матеріала.

Въ восточной Галичинѣ и Буковинѣ необходимо возстановить въ прежнемъ видѣ украинскія школы, какъ низшія, такъ и среднія съ украинскимъ языкомъ преподаванія, но съ тою разницей, что вмѣсто польскаго и нѣмецкаго языковъ обязательнымъ для изученія языкомъ долженъ быть русскій. Въ связи съ этимъ учительскимъ семинаріямъ и курсамъ необходимо возвратити ихъ прежній украинскій характеръ. Наконецъ, необходимо вновь разрѣшить свободную дѣятельность „Провсвіт“ и другихъ украинскихъ общественныхъ организаций, пресѣдующихъ просвѣтительныя и научныя цѣли.

— Въ „Земскомъ Дѣлѣ“ (№ 10 за 1915 г.) помѣщена статья Е. Голицинской „Объ изученіи горимости имуществъ въ связи съ культурно-бытовыми и экономическими условіями жизни населенія.“ Авторъ доказываетъ необходимость для земской страховой статистики изученія бытовыхъ условій (общее расположеніе села, способъ разстройки по улицамъ и внутри дворовъ, размѣры селеній, матеріалъ построекъ

и т. д.) и включенія въ программу обследованія національнаго признака. Приводятся интересныя данныя объ опустошительности пожаровъ въ зависимости отъ національности: у великороссовъ, поляковъ, украинцевъ и другихъ.

— Въ июльской книжкѣ „Русскихъ Записокъ“ помѣщено продолженіе цѣннаго изслѣдованія В. Мякотина „Очерки соціальной исторіи Малороссіи“. (глава 3, Свободная войсковая села и владѣльческія имѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.).

— Газета „День“ въ № 224 излагаетъ содержаніе докладной записки объ украинской школѣ, поданной украинскими дѣтелями министру народнаго просвѣщенія.

— Та же газета въ № 225 помѣщаетъ статью Номинкулуса „Родной языкъ“, перепечатанную нами выше на стр. 109. Обѣ статьи перепечатаны газетой „Полтавскій День“ (№№ отъ 13 и 19 августа).

— Вышла книжка: Витте Е., де. „Происхожденіе и развитіе украинофильства“. Шамордино Калуж. губ. 1915 г., 20 к. Книжконка представляетъ изъ себя страпню на націоналистическомъ союзѣ. — Брошюра г-жи Витте —націоналистическая каша.

— „Черниговская Земская Недѣля“ (№ 29) приводитъ образцы народнаго творчества, въ которомъ украинское село реагируетъ на современные событія. Въ письмѣ къ товарищу на передовыхъ позиціи поэтъ крестьянинъ, отвѣчая на поставленный имъ вопросъ — „За щож люде завелися й запалили увесь свѣтъ?“ —подробно излагаетъ весь ходъ событій съ самаго начала войны.

Другой поэтъ крестьянинъ откликнулся на запрещеніе продажи водки стихотвореніемъ „Писня пьяницы“.

— Въ „Голосѣ Минувшаго“ (7—8 кн.) помѣщены „Воспоминанія украинскаго актера“, Ванченка.

— Отдѣломъ иностранной цензуры (по сообщенію кн. лѣтописи Гл. Упр. подъ №№ 23, 31), запрещены къ обращенію въ Россіи слѣдующія изданія: Doncow (Dmytro). Die ukrainische staatsidee und der Krieg gegen Russland. Heraus gegeben von der ukrainischen Zentralorganisation. Berlin. 1911; „Вістникъ союза визволення України“ № 11—12 II рік вид. Відень. Шевченко (Тарас) Кобзар (вибір поезій) Вип. 1 Відень 1915 XXXIX+157 стр. с портретомъ.

— Новая книга о Галичинѣ. Фешенко-Чоповскій И. Промышленность

и природныя богатства Галиціи. "Кіевъ. 1915. — Александренко. „Искусство въ Галиціи.“ Кіевъ. 1915. — Свінцицкій „Іконографія галицько-українська“. Львов. 1915; — Животовъ, Николай. „Походъ въ Галицію. Батальные эскизы“. 1914—1915 г. Кіевъ 1915. — Серповскій Н. Гр. Наканунъ войны у галицкихъ греко-уніатовъ. (Изъ поездки по Галиціи). Петроградъ. 1915. Изд. В. М. Скворцова. ц. 50 к — Истоминъ, Вл. Нефтяная промышленность Галиціи. Съ приложеніемъ нефтепромышленной карты Галиціи. Петроградъ. 1915 Изд. журн. „Теплоходъ“; Н. А. Крюковъ. „Славянскія земли. Сельское хозяйство въ славянскихъ земляхъ въ связи съ общимъ развитіемъ этихъ странъ“. Т. II ч. I Галиція. стр. 213. Петр 1915. Изд. Гл. Упр. З. и З. — „Областное, административное и общественное устройство Галиціи по австрійскому законодательству. П. Г. 1915.

г. Изд. Государств. канцеляріи стр. XXXII+409.

Лукомскій, Г. К. „Галиція въ ея старинѣ.“ Очерки по исторіи архитектуры XII XVIII в. и рисунки П. Г. 1915 г. 125 стр.

Бѣлиловскій, К. А. „Галиція, ея прошлое и настоящее.“ Лекція, прочитанная въ Θεодос. мужской гимназіи. 19 февр. 1915 г. Θεодосія 1915. 50 стр.

Dr. Winiarski, Bohdan. Ustroj prawno-polityczny Galicyi (materva'y do sprawy polskiej“. Варшава. 1815 г. „Червоная Русь по смерти Дан ила Галицкаго. О быломъ на святой Руси“. П. Г. 1915. Изд. училищнаго совѣта при Св. Синодѣ 47 стр 10 к. К. Д. „Галиція, Буковина, Угорская Русь. I Краткій историко-статистическій очеркъ. II. Геогр. и этнограф. карта П. Г. 1915. 10 стр. ц 25 к. „Галиція ея минувшія судьбы и современное положеніе“ П. Г. 1915 г. 31 стр.

ОТЪ КОНТОРЫ:

Жалобы на неполученіе отдѣльныхъ номеровъ журнала принимаются только въ трехнедѣльный срокъ со дня выхода соотвѣтствующаго номера. При перемѣнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ присылать 30 коп. и сообщать свой старый адресъ.

Вийшовъ з друку и продається.

Український Науковий Збірник,

який міститиме розвідки, статті, матеріали і замітки з української історії, історії письменства й язикознавства.

Коштуватиме Збірникъ 1 р. 50 коп. безъ пересылки, а з пересылкою 1 р. 65 к.

Гроші і замовлення треба посилати на таку адресу: Москва, Новинскій бул., д. 103 контора редакції журналу „Украинская Жизнь“.

Т-во ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

„ПРИРОДА и ШКОЛА“

ПРОИЗВОДСТВО НАГЛЯДНЫХЪ ПОСОВІЙ

для начальной, средней и сельскохозяйственной школъ. Предметы для микроскопін. Каталоги и проспекты бесплатно.

Москва.

1. Магазинъ: Воздвиженка. д. 11, тел. 28 95
2. Мастерскія: Андроньевская площ. д. 7, тел. 1-86-43.

Складъ изданій. Записная книжка и календарь для преподавателей, составленная члѣнами „Природа и Школа“ цѣна 50 к. и тетрадь Игнатъева и Соколова „Наблюдая природу“ цѣна 30 коп.

5 Р.
въ годъ
за 24 №№

БЮЛЛЕТЕНИ

ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА
на
1915—16
годъ
(7-й г изд.)

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 №№ (2000 страницъ). «Бюллетени» идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности знакомиться съ текущей печатью. ● Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни современности. ● „Бюллетени“—это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, вопросовъ и задачъ современности.

За истекшій годъ въ „Бюл.“ напеч. 238 ст. по самымъ разнообраз. вопр. Кроме того даны: 1) сводъ отзывовъ о 360 книгахъ, 2) перечень около 2400 нов. кн. 3) содерж. болѣе 80 журн. за годъ и 4) библиографія по ряду отдѣльных вопросовъ.

Библиографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима длясамаго широкаго круга читателей.

О Т З Ы В Ы П Е Ч А Т И :

Утро Россіи: «Журн. заслуживаетъ особаго вниманія. ● **Рус. Вѣд.** «Бюлл.» знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни»... ● **Рус. Шк.:** «Бюлл.» дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо... ● **Рус. Сл.:** „Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года“... ● **Совр. Сл.:** „Задача журн. имѣетъ, несомнѣнно культурно-популяризаторское значеніе“... ● **Голосъ:** «Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и мировой мысли». ● **Юв. Ж. для Вс.:** „Бюлл.“ незамѣнимы особенно въ провинціи“. ● **Рус. Молва:** „Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ „Бюлл.“ самые широкіе круги читателей“... ● **Кіев. М.:** „Для провин. читателя, руководителей библиотекъ и т. д. журн. представляетъ интересъ сугубый“. ● **Ран. Утро:** Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюлл.“ ● **Вѣст. Восп.:** „Изданіе заслуживаетъ вниманія широкихъ круговъ читателей“... ● **Нижег. Лист.:** „...Изданіе, очень интересное по своему характеру“... ● **Сибирь:** „Типъ „Бюлл.“... очень удачный... Подборъ ст. дѣлается умѣло и, дѣйствительно, даетъ отраженіе „идейной, дух. жизни современности“...

Проспектъ журнала высылается бесплатно. Подписная цѣна: на годъ 5 р. 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к. За границу на годъ—6 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ—4 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“. Цѣна компл. за 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ и по 4 р. въ перепл.; за 1913/14 и 1914/15 гг.—4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсѣ и разстоянію.

Подписной годъ начинается съ 1-го сент. Можно подпис. съ 1-го числа кажд. мѣс.

Контора и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-06.

Издатели: В. Грандievскій и В. Носенкоff. ● Редакторъ В. Грандievскій

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 годъ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семева.

ВЫШЛА ОКТЯБРЬСКАЯ (№ 10) КНИГА.

С. П. Мельгуновъ. Изъ исторіи воссоединенія униатовъ въ Россіи.
В. Евгеньевъ. Черты редакторской дѣятельности Н. А. Некрасова въ связи съ исторіей его журналовъ. *П. Л. Войковъ.* Ужасный памятникъ налогового обложенія. *И. Бикерманъ.* Цесаревичъ Константинъ и 11 марта 1801 г. *Н. Н. Полянский.* А. О. Кони. *П. Витязевъ.* П. Л. Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ. IV Изъ разсказовъ М. П. Сажина. *Е. Н. Водовозова.* Изъ давнопрошедшаго. *П. Л. Юдинъ.* Къ характеристикѣ Драгомирова и Радецкого. *А. Е. Кауфманъ.* За кулисами университета юбеляра. *Н. И. Картевъ.* Мои встрѣчи съ Викторомъ Консидераномъ. *Гр. Де-ла Гардь.* Картины изъ временъ Вѣнскаго конгресса. *В. М. Фриче.* Гр. Ф. Г. Де-ла Бартъ. *Ч. Вѣтринскій.* Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ. *В. Ф. Малиновскій.* Размышленія о преобразованіи государственнаго устройства въ Россіи. 1803 г. Съ предисловіемъ *В. И. Семева.* *Мелочи прошлаго.* 1) Петербургъ въ 1803 г.; 2) Москвитинъ о петербургскихъ театрахъ въ 1829 г. 3) Московскій предводитель дворянства Ершовъ. *Рецензіи:* *С. П. Мельгунова, И. М. Хераскова, В. О. Лазурскаго, П. Н. Сакулина, Е. В. Тарле, И. С. Рябинина, С. Н. Валка, Б. Н. Перцева, Графъ В. П. Бузескула, А. І. Калишевскаго.* *Рисунки:* Портреты *П. Л. Лаврова* и *гр. Де-ла Берта.*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 10 руб., на 1/2 года 5 руб.
За границу 12 руб., 1/2 года 6 руб.

Въ отдѣльной продажѣ книга журнала — 1 руб. 25 к., налож. плат. 1 р. 50 к.
Комплекты за 1913 г. можно получить по цѣнѣ 7 р. 50 к. (безъ № 1).

За 1914 г. по 8 р. На пересылку накладывается платежъ.

Подписчики на 1915 г. имѣютъ право приобрести на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“ и „Голосъ Минувшаго“ за 1913, 1914 гг. (см. условія въ № 1).

Подписка принимается въ конторѣ журнала:

Москва, М. Никитская, д. 29, кв. 6 — Книгоиздательство „Задруга“
(телеф. 4-50-61).

0,60к

ПРОВЕРЕНО
С/Ф. 19 87

2

3362/1915
н 8-9

III
ЖС-15024
1915-8/9

Украинская

Жизнь

№ 8-9

1915

Б.С.Т.